

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14637

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 3 (16) ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА.

№ 14637

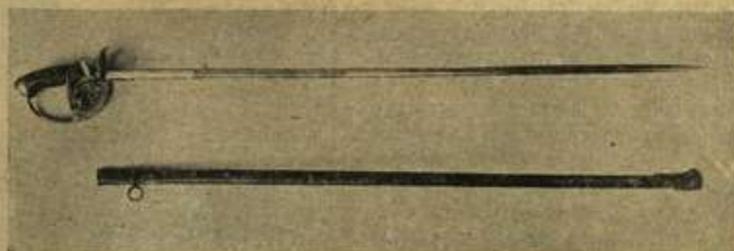
Отвѣтъ Ветману-Гольвегу.

Въ октябрѣ 1914 г. на Роколовскомъ стекольномъ заводѣ, верстахъ въ 100 отъ Петрограда, въ устьѣ дорогъ Выборгъ-Бюрке-Куолеманъ и въ дальнѣе Петроградъ найдены тщательно спрятанные и зарытые въ землю изображенные на прилагаемомъ снимкѣ предметы германскаго военнаго обмундирования, германскіе правительственные флаги, сигнальные флажки, а также германскія офицерскія сумки для съмоковъ, карты мѣстности, оружье и т. п. Администрація завода состояла изъ Нѣмцевъ; директоръ завода Бруно Арнике и его сыновья германскіе подданные, запасные прусскіихъ войскъ, въ самомъ началѣ войны скрылись за границу. Передъ этимъ они нѣсколько дней занимались «охотой»: ходили въ дѣсь съ набитыми чѣмъ-то мѣшками и воза ацались съ пустыми («Карельскіи Известія», № 2, 31 янв. 1915 г.). Поэтому найденное составляетъ очевидно лишь малую часть всего бывшаго здѣсь склада. Находящійся въ центрѣ снимка большого раамѣра германскій флагъ съ орломъ въ серединѣ бѣлаго круга есть флагъ, поднимаемый надъ землями, находящимися подъ покровительствомъ Германіи (альбомъ штандартовъ и флаговъ иностранныхъ государствъ—изданіе Главнаго Гидрографическаго упр. 1912 г. стр. 71—72). Количество форменной германской одежды и сигнальные флаги вполне достаточны для снабженія цѣлой партіи сигналистовъ и колонновожатыхъ для приѣма десантныхъ войскъ.

Флагъ германскихъ губерна оровъ.
Изъ склада на Роколовскомъ заводѣ.

Германскій палаши съ надписью: 1-го кавалерійскаго Россійскаго Императора Николая II полка.
Изъ того же склада на Роколовскомъ заводѣ.

„Влюбленная жека“.

Разск. Лучіано Цунколи.

Переводъ съ итальянскаго О. Э.

Дѣло было правое, но нелегкое: приходилось защищать молодую графиню на себя защиту графини, во-первыхъ, по-

Елену Уберти, которая въ припадкѣ ревности три раза выстрѣляла изъ револьвера въ грудь своего мужа Стефано Уберти, пролежавшаго послѣ того три мѣсяца и только какимъ-то чудомъ оставшагося въ живыхъ.

Адвокатъ Пьетро Квадрелли принялъ

тому, что процесс этот был из числа «блестящих», а еще потому, что графиня была молода, богата, красива и вопли права в его глазах.

Защиту рассчитывал он построить главным образом на разоблачение недостойного поведения графа, который своими любовными приключениями довел молодую влюбленную в него женщину до преступления.

Но, против ожидания, доказательств этого недостойного поведения было очень мало: свидетели колебались высказывать свои предположения и их показания носили характер слухов, собранных по кафе и ресторанам: в них не было ничего основательного. Следствие также не привело ни к чему, и хотя всем было ясно, что кроме ревности никакое другое чувство не могло вооружить молодую графиню против мужа, все же дело защиты оставалось трудным, и Квадрелли начинал уже сомневаться в том, что ему удастся, возбудив чувство антипатии к графу, заставить присяжных понять и извинить изрывы негодования пылкой, симпатичной молодой графини... Ему оставалось надеяться на силу своего красноречия и на естественную склонность присяжных все прощать женщинам, прекрасным, изящным и робким. А что Елена была женщиной прекрасной, изящной и робкой,—в этом адвокат был так же уверен, как и в силе своего красноречия: ясные голубые глаза графини вечно опускались перед его любующимся взором и, краснея, отказывалась она обвинять мужа и давать какие-либо объяснения, точно страшась, что он, воспользовавшись своим положением защитника, слишком глубоко заглянет в ее интимную жизнь...

Квадрелли угадывал, чувствовал и знал, что эта ангелоподобная женщина неспособна на какой-нибудь низкий или подлый поступок, а ум ее доказывал ему, что она не запятала бы себя преступлением, не имея к тому достаточного основания.

Когда следствие закончилось, он стал часто бывать в тюрьме у этого ангела, может быть лишь затвора, чтобы увидеть его невинные голубые глазки и подышать воздухом, напоенным благоуханием свежего ландыша...

Его симпатия к графини вызвала в нем чувство глубокой антипатии к графу, человеку, который, как это показало следствие, так искусно сумел спрятать все концы в воду, так тщательно скрыл от общества свое возмутительное поведение, свою беспорядочную, беззачетную жизнь, что уличить его в чем бы то ни было было положительно невозможно. Квадрелли мечтал о каком-нибудь чудесном случае, который столкнул бы его с графом или познакомил бы с кем-нибудь из соучастников его кутежей, но, к несчастью, адвокат не вращался в кругу друзей Уберти, а граф, как он знал, был еще болен, никого не принимал, речей не бывал.—словом, был недоступен.

Поэтому Пьетро Квадрелли был приятно удивлен, когда однажды утром лакей доложил ему, что граф Стефано Уберти ди Сант-Гвискардо у него в приемной и желал бы говорить с ним.

Отдав приказание немедленно провести графа в кабинет и, наконец, увидав перед собою человека, которого он уже давно ненавидел и мечтал повстречать с-глазу на-глаз, адвокат должен был всю силу своей воли употребить на то, чтобы скрыть свое невольное волнение и быть корректно вежливым со своим неожиданным посетителем.

До боли сжав рукой нож, которым он только что разрезал книгу, он,

НА ВОЙНЕ.

Опрос пленных при штабе... армии.

холодно поклонился пошедшему и жестом пригласил его сесть. Графу на вид было лет около сорока; высокий и прямой, он смотрел на людей сверху вниз гордо и, как показалось адвокату, насмшливо. Цвет лица у него был загорелый, как у человека, много находившегося на открытом воздухе, под дождем и жаркими лучами солнца, не боявшегося ни втра, ни пыли; с первого взгляда его можно было принять за офицера в штатском конце.

— Чести видеть меня у себя?—кончил за него граф, садясь в кресло около стола.—Видите ли, я пришел, чтобы, насколько мне это будет возможно, помочь вашей защите жены моей, графини Уберти.

Адвокат еще раз стиснул в руках пожим. Этот человек, очевидно, насмхается над ним, но, в интересах молодой подсудимой он сдержался и приготовился выслушать его до конца.

— Мне кажется, — говорил граф, — что положение Елены, жены моей, очень

— Чему обязан я...—начал адвокат, что положение Елены, жены моей, очень

МУЗЕЙ ВЪ АФИНАХЪ.

— Все старые портреты и статуи убрать!.. У меня тут новые приготовлены.

неважно в настоящий момент. Судь легко может вынести ей обвинительный приговор...

— Вы ошибаетесь! — перебил его адвокат.

Граф Стефано Уберти улыбнулся своей насмшливой улыбкой, из которой сквозило снисхождение к неопытности Квадрелли, и этот последний почувствовал, как лицо его всыхнуло от негодования.

— Я не ошибаюсь,—сказал граф,— я имею основание считать себя хорошо осведомленным. У вас недостаток в свидетелях... Я, разумеется, врю в силу вашего красноречия, но и сам Лемосень с теми свидетелями, которые у вас есть, не смог бы доказать, что Елена имела право сделать то, что она сделала...

— Вы желаете выступить в качестве гражданского истца?—спросил адвокат. Стефано улыбнулся и поднялся.

— Мы не понимаем друг друга!—воскликнул он.—Я ведь сказал, что пришел, чтобы помочь вам...

Он сделал несколько шагов по комнате и, подойдя к окну, несколько минут смотрел, как втерь качает ветки деревьев. Адвокат, оставшийся сидеть за своим письменным столом, с любопытством наблюдал за ним.

— Вот что...—прервал наконец молчание граф, возвращаясь и снова всаживаясь в кресло около стола:— У вас еще две недели времени, и вы успеете... Вам надо вызвать чь свидетели приятеля моего, маркиза Кутинелли... Это очень симпатичный молодой человек... Два года тому назад, когда я бхал в Рим из Неаполя, именно когда и завтракал в вагон-ресторант, мы встрѣтились с ним случайно... Я был с одной молоденькой дамой, брюнеткой с карими глазами... Вы ведь видели не раз мою жену?—перебил сам себя граф, — стало быть знаете, что она блондинка и имеет лица ей, говоря словами поэта: «подобен лепестку розы», ну, а дама, путешествовавшая тогда со мной, была смуглая брюнетка... Поразспросите маркиза, он вам расскажет, он нас видел. Живет он в Неаполе...

Адвокат записал имя и адрес свидетеля, в то же время спрашивая себя, в ум ли граф, и что все это означает?..

— Я назову вам еще одного свидетеля, показания которого также будут для вас безынтересны.—продолжал граф:—Эрико Баянда... Блдный Эрико! Он вечно попадает мне на глаза, когда я путешествую никогинто, но он хорошо воспитан и никогда не выдает чужих секретов. Чтобы заставить его проговориться, надобно его хорошенько разспросить, по всем прищам науки. Скажите ему, что дело идет о спасении Елены; он, кажется, очень симпатизирует моей жене... Да и, кроме того, я уверен, что его мщанская душонка всегда возмущалась моим поведением...

Граф замолчал на минуту и вытащил из кармана портсигар.

— Вы разрешите?—спросил он,— я не могу и часа оставаться без курения.

— Пожалуйста, пожалуйста!—сказал Квадрелли, зажигая и подвая ему спичку.—Итак Эмилио Баянда?

— Эрико,—поправил граф, выпустив изо рта клуб дьма,—встрѣтил меня в прошлом году в Милане, в Гранд-Отель... Я был там с одной дамой, которая лицом походила на Елену... Но пусть это вас не смущает: та дама говорила только по-французски, да по-русски... Этого достаточно, чтобы вы поняли, что речь идет

по о жен...
пирсу за...
сит даже...
спустя те...
моя в П...
—онъ на...
также был...
дама, но...
Гранд-Оте...
высокая, ст...
лотые куд...
шляпки, ч...
Так что...
дѣла я пе...
Эрико жи...
Манцони, 1...
Адвокатъ...
свою запи...
поднял го...
— Послѣ...
потушивъ...
своей пап...
Она встрѣ...
въ Туринѣ...
онъ узнал...
нялись. Но...
очень близ...
бывшей со...
гда оказал...
одной гост...
как здоро...
подняться...
мерь, чтоо...
до чего мож...
рукость! Я...
ему, что ж...
и онъ пок...
ся; гораздо...
Надо еще...
слѣдная да...
ни с одне...
ре ди-Сант...
ринѣ, на...
дите, тепер...
доказатель...
нечено... Та...
няя похож...
чайныхъ св...
ло у меня б...
халь, и см...
которыхъ н...
видѣлъ!..
Онъ вста...
шелъ къ он...
Квадрелл...
доумляемъ...
дашь, кото...
— Ваш...
честь,—ска...

Писатель Алексей Николаевич Будитский. Родился в Саратовской г., скончался 22 ноября в Петрограде на 49 году жизни.

тбы внести светъ въ это дѣло, гдѣ мотивъ мужей, если бы... И что взмѣнитъ вамъ преступленія оставалась до сихъ поръ въ темнотѣ догадокъ. Вы принесли себя въ жертву чувству справедливости...

Графъ внезапно повернулся къ нему лицомъ и расхохотался.

— Справедливости? И вы, будучи адвокатомъ, вѣрите въ справедливость?— перебилъ онъ краснорѣчие своего собеседника.

Квадрелли вспыхнулъ, но сдержался.

— Во всякомъ случаѣ, вы доказали, что, несмотря ни на что, вы привязаны къ графинѣ.

— Нѣтъ. Я не люблю ее!— сухо сказалъ графъ.—Я ее советѣмъ не люблю.

— Но тогда... Вѣдь послѣ данныхъ вами здѣсь показаній графиню оправдаютъ, ваша же репутація сильно пострадаетъ въ глазахъ общества!..

— Вы думаете?—взмѣшленно улынулся графъ.—Вы думаете, что репутація человека, избѣгающаго своей женѣ и каждую недѣлю мѣняющаго своихъ любовницъ, сильно страдаетъ въ глазахъ общества? Но дѣло не въ этомъ! Вы хотѣли бы знать, почему я пришелъ къ вамъ спасти женщину, которую не люблю, и раскрыть вамъ нѣкоторыя подробности моей частной жизни, о которыхъ иначе никто ничего бы не зналъ?.. Вы забываете, видно, что вокругъ имени Уберти джизантиса было и такъ уже слишкомъ много шума, и я хочу, я долженъ пожить этому имени прератиться въ одинъ изъ номеровъ тюремнаго списка.

Въ моихъ поступкахъ вы должны видѣть лишь преданность моему роду, а никакъ не графинѣ. И я попрошу васъ передать Еленѣ, чтобы она не заблуждалась: я не чувствую къ ней ни любви, ни жалости. Когда она выйдетъ изъ тюрьмы, я ее больше не увижу. Вы меня поняли?

Отвѣтъ адвоката прозвучалъ почти торжественно:

— Вы ее больше не увидите... Я васъ понял!

Воцарилось молчаніе, короткое, но показавшее обомъ — вѣрнымъ; потомъ графъ подошелъ къ Квадрелли и, слегка коснувшись его плеча, холодно сказалъ:

— Вы очень заблуждаетесь насчетъ Елены.

— Я?—воскликнулъ адвокатъ, почувствовавъ, точно электрическій токъ прошелъ у него по тѣлу.—Прошу васъ, графъ!

— Вы очень заблуждаетесь насчетъ Елены!—повторилъ Стефано, какъ будто не слышавъ его.—Вы считаете ее жертвой и не знаете, что я былъ бы лучшимъ изъ

Подпоруч. Г. А. Мещеряновъ. Палъ смертью храбрыхъ.

Елена посмотрѣла ему въ лицо и холодно спросила:

— Вы не поняли?

— Я?... Что долженъ былъ я понять? На устахъ молодой женщины промелькнула презрительная усмѣшка, потому что она сказала:

— Это фальшивые свидѣтели!

Адвокатъ даже вздрогнулъ отъ неожиданности.

— Какъ вы говорите? — переспросилъ онъ.

— Я говорю, что это фальшивые свидѣтели! — повторила она. — Фальшивые!

Я ихъ всѣхъ знаю, это его лучшіе друзья, готовые пойти за него въ огонь и въ воду. Все, что они расскажутъ вамъ, будетъ неправда. Онъ попросилъ ихъ помочь ему спасти меня ради его фамильной чести, и они спасутъ меня, показавъ подъ присягой неправду. Вы хотите доказательства? Такъ вотъ въ Миланѣ я сама была съ нимъ въ Грандъ-Отелѣ, когда мы встрѣтили Эрико...

— Въ такомъ случаѣ я тутъ ничего не понимаю! — развелъ руками Квадрелли.

— Вы не понимаете? Все это очень просто. Мой мужъ метитъ мятъ; каждый метитъ по-своему. Стефано метитъ мятъ своимъ чрезвычайнымъ великодушіемъ... Я, конечно, не смогу опровергать свидѣтелей, пришедшихъ къ дѣтельству. У меня нѣтъ доказательства, да и неестественно было бы преступницѣ опровергать свидѣтелей, пришедшихъ въ судъ, чтобы оправдать ея поступокъ. Я буду молчать, и воля его исполнится.

Она видимо странно волновалась, ея маленькія руки дрожали.

Помолчавъ минуту, она спросила:

— Мужъ больше ничего не говорилъ вамъ, не просилъ васъ передать что-нибудь мятъ?..

Квадрелли колебался передать ей жестокія слова графа; она казалась ему такой слабенькой, такой хрупкой, что это могло окончательно сломить ее.

— Что же сказалъ онъ вамъ?—нетерпѣливо спрашивала Елена.

И Квадрелли подумалъ, что въ сущности онъ былъ обязанъ исполнить порученіе графа. И можетъ быть даже слова эти будутъ пріятны его женѣ, мелькнуло у него въ головѣ, и, на детерминированный жестъ графини, онъ сказалъ:

— Вашъ супругъ поручилъ мятъ передать вамъ, что у него нѣтъ къ вамъ ни любви, ни жалости и, когда вы снова очутитесь на свободѣ, все будетъ конечно и вы его больше не увидите...

Елена вскочила съ своего мѣста.

— Онъ такъ и сказалъ?—произнесла

не о женѣ моей... И та дама курила папиросу за папиросой, а Елена не выносить даже запаха табака... Восемь дней спустя тотъ же Эрико встрѣтилъ меня въ Парижѣ, въ ресторанѣ Морисъ, — онъ на углу улицы Дрюо — и тамъ я также былъ не одинъ. Со мной сидѣла дама, но не та, которую онъ видѣлъ въ Грандъ-Отелѣ... Эта была парижанка: высокая, стройная, вся въ черномъ, и золотые нудри ея, выбиваясь изъ-подъ шляпки, чудно обрамляли блѣлое лицо ея. Такъ что, видяте, въ теченіе одной недѣли я переѣхалъ двухъ любовницъ... Эрико живетъ въ Миланѣ, на улицѣ Манцони, 10... Вы записали?

Адвокатъ занесъ и этотъ адресъ въ свою записную книжку; потомъ онъ поднялъ голову и взглянулъ на графа.

— Послѣднимъ, — сказалъ Стефано, потушивъ въ пепельницѣ окурокъ своей папироски, — я назову вамъ моего друга — Чезаре ди-Санъ-Себастьяно. Онъ встрѣтилъ меня какъ-то вечеромъ въ Туринѣ. Я шелъ подъ руку съ дамой; онъ узналъ меня и мы съ нимъ раскланялись. Но такъ какъ этотъ Чезаре очень близорукъ, онъ не узналъ дамы, бывшей со мною, и на другое утро, когда оказался, что мы остановились въ одной гостиницѣ, онъ спросилъ меня, какъ здоровье моей супруги и хотѣлъ подняться вѣзетъ со мною въ нашъ номеръ, чтобы привѣтствовать ее... Вотъ до чего можетъ довести человека близорукость! Я долженъ былъ объяснить ему, что живу въ отелѣ не съ женой — и онъ покраснѣлъ и ужасно сконфузился; гораздо больше меня, разумеется!.. Надо еще прибавить, что эта послѣдняя дама не имѣла ничего общаго, ни съ одной изъ предыдущихъ. Чезаре ди-Санъ-Себастьяно живетъ въ Туринѣ, на улицѣ Лянградже, 12. Видите, теперь у васъ будутъ нужныя вамъ доказательства, и оправданіе Елены обеспечено... Такъ какъ, если эти мои любовныя похождения имѣютъ столько же случайныхъ свидѣтелей, сколько другихъ могло у меня быть, о которыхъ никто не слышалъ, и сколько любовницъ могъ я имѣть, которыхъ никто изъ моихъ знакомыхъ не видѣлъ!..

Онъ всталъ, улыбаясь, и еще разъ отошелъ къ окну.

Квадрелли былъ пораженъ и съ недоумѣніемъ вертѣлъ въ рукахъ карандашъ, которымъ записалъ адреса.

— Ваша откровенность дѣлаетъ вамъ честь, — сказалъ онъ наконецъ. — Вы хо-

«Монтанина», — вилла итальянскаго писателя Антонио Фогазцаро, очень популярнаго и въ Россіи. Вилла находится въ районѣ военныхъ дѣяній, близъ Вело д'Астино, и почти разрушена австрійскими снарядами.

Английский король передает знак отличия за военные заслуги (Victoria Cross) матери павшего смертью храбрых.

Прапорщ. Ф. Ф. Боронский.
Награжден орд. св. Георгия 4 ст.

Подпоруч. Д. В. Сатуниинъ.
Награжден орд. св. Георгия 4 ст.

Ген.-м. И. В. Ивановъ.
Награжден орд. св. Георгия 4 ст и
Георгиевскимъ оружіемъ.

Казит. В. Т. Фридеманъ.
Награжден орд. св. Георгия 4 ст.

Подпоруч. А. С. Вериболовичъ.
Награжден орд. св. Георгия 4 ст.

Сестр
Награжд

она звени
уже не бы
сти.—Вы
— Какъ
Графиня
и лихорадо
возату она
кѣ голубь
искра, бѣл
была, повн
души.
— Онъ
ла она, ка
Онъ ненави
бросаетъ м
изъ своего
Она оста
ката и, ка

Подполк. Н. В. Быстрицкий.
Паль смертью храбрых.

Сестра милосердія Х. Г. Рзыникова.
Награждена Георгиевскою медалью 3 ст.

вать больше кипѣшаго въ ней чувства, воскликнула:

— Я любила моего мужа. Я не любила его... Онъ былъ слишкомъ добръ. Я тратила безумно много, и онъ принужденъ былъ работать... Онъ занимался очень много, его работы о маюликахъ были переведены на французскій и англійскій языки и онъ много получалъ за нихъ... Онъ работалъ и обожалъ меня, а я не любила его. Онъ засталъ меня, когда я писала письмо; онъ захотѣлъ посмотреть это письмо. Прочтя его, онъ ударилъ меня по лицу. Я потеряла голову и, выхвативъ изъ стола револьверъ, выстрѣлила ему въ грудь три раза... Вотъ вамъ правда!..

Она говорила все это отрывисто, съ горящими глазами и ее трясло, какъ въ лихорадкѣ.

— Вы должны сдѣлать такъ, чтобы меня оправдали! — продолжала она умоляющимъ голосомъ. — Я рассказала. Я хочу быть другою. Онъ не любитъ меня больше. Я люблю его.

— Я люблю его! — восклицала графиня и, закрывъ лицо руками, судорожно разрыдалась.

Адвокатъ поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ молодой женщинѣ.

— Будьте увѣрены, — сказалъ онъ, — что васъ оправдаютъ.

— Да, неправда ли? — воскликнула она и, открывъ мокрое лицо, она схватила объ руки адвоката.

— Не беспокойтесь, графиня! Отдохните теперь, вамъ необходимо отдохнуть и успокоиться, — совѣтовалъ ей Пьетро Квадрелли. — Не мучьте себя, графиня!

Елена прогнала ему руку, улыбаясь, съ мокрыми еще отъ слезъ глазами.

Сидя уже въ коляскѣ, которая везла его домой, Пьетро Квадрелли старался разобраться во всѣхъ неожиданныхъ впечатлѣніяхъ этого дня: визитъ графа, неповѣдь графини.

Вспомнивъ свои мысли и чувства по дорогѣ въ тюрьму, всего часть какой-нибудь тому назадъ, онъ не могъ удержаться и расхохотался.

— Любите послѣ этого женщинъ! — Но вѣрнмъ мы не въ рай, не въ рокъ, не въ наказание, А вѣрнмъ въ тотъ огонь, что жжетъ сердца пророковъ.

Вотъ мужъ явно высказываетъ ей свое презрѣніе, гонитъ ее отъ себя, не желаетъ больше ее видѣть! И жена обожаетъ его... Что собственно нужно женщинамъ? И, развалившись въ коляскѣ, Квадрелли задумался.

О жизни будущей, о неземной обители, О правдѣ, о грѣхѣ, о подвигѣ и рокѣ Намъ говорить великіе учителя, Намъ говорить премудрые пророки.

И мы хранимъ въ душѣ прекрасныя сказанья, И жадно пьемъ струи живительныхъ потоковъ, И мы хранимъ въ душѣ прекрасныя сказанья, И жадно пьемъ струи живительныхъ потоковъ.

О. Горатынская.

НА ФРОНТѢ Р. СОУМЫ.

Всѣ, что осталось послѣ бомбардировки отъ большой церкви въ Сайи (Saiyy).

Изъ плѣна.

Одними мыслями, сознаниемъ Мы всѣ охвачены съ утра... Однимъ всѣ подны ожидаемъ «Къ намъ ѣдетъ русская сестра!»

Да и не мы одни тѣмъ живы, Не мы одни такъ ждемъ сестру... Врагъ про чистить свои нивы, Готовая сладить все къ смуту.

И вотъ—вы здѣсь, сестра родная! Среди тоскующихъ людей, Попутно каждому внимаю, Вы осмотрѣли рядъ калѣй.

Стѣнилъ во всемъ насъ врагъ, сестрица, Онъ все, что можно, отобралъ... Но въ правду, въ салу, въ мощь Россіи Не смогъ взять вѣру—не отпалъ.

ЖЕНСКИЙ ТРУДЪ ВЪ АНГЛІИ.

Англійскія аристократки, работающія на фермѣ. Приготовленіе норма для скота.

Сестра милосердія общины св. Георгія Н. Т. Чижикъ.
Награждена Георгиев. медалью 4 ст.
за работу подъ огнемъ непріятеля на Юго-Западномъ фронтѣ.

Литературныя замѣтки.

Новая книга о Владимірѣ Соловьевѣ.

Eugène Tavernier. *Vladimir Soloviev. L'homme.—L'ensemble de son oeuvre.—Les Trois Entretiens: Plon-Nourrit, éditeur.*

Мнѣ доставлены корректурные листы книги съ приведеннымъ выше заглавіемъ.

Это, по счету, третья книга на французском языке о нашем философе, не считая отдельных статей о нем в разных повременных изданиях. Из этого не следует заключить, что имя В. Соловьева и деятельность его пользуются особенной известностью во Франции. На самом деле этого нет. Очень мало интеллигентных Французов, у которых с этим именем связывалось бы что-нибудь определенное. За то та небольшая кучка Французов, которая читала Соловьева, и особенно те, которые находились с ним в личных сношениях, относятся к нему с глубокой любовью, чуть не с религиозным восторгом. Для них Соловьев не просто мыслитель и высокодаровитый писатель. Это проповедник, почти святой.

Эти французские почитатели Соловьева все без исключения католики, и даже большей частью члены духовенства, принадлежашие к так называемому «неокатолическому движению». Они видят в Соловьеве инициатора и самого блестящего, самого убежденного проповедника необходимости воссоединения церквей, которое составляет главную основу неокатоличества.

Нет никакого сомнения, что французские ученики Владимира Соловьева относятся слишком формально к тому, что он писал о папизме и папской непогрешимости. Мечты Соловьева о папистике апостола Петра, который, соединивши в одно стадо всех последователей Христа, осуществил евангельскую правду на земле,—эти мечты родились в то время, когда в Ватикане сидел действительно большой человек,—Лев XIII, который понимал дух времени и олицетворял его. Престиж папского престола был поднят великим старцем до давно небывалой высоты. Но с тех пор много воды утекло. Совершились величайшие мировые события, и Ватикан не оправдал возложенных на него надежд. В величайшей катастрофе, какую грядет мир и ко оран обрушилась на него только благодаря Германии, желающей владеть и поработать, в то время, когда немцы хладнокровно, систематически, ради устрашения, разстреливали рядом с женщинами и детьми восьмидесятилетних священников, грабили и разрушали католические святыни,—мир не услышал негодующего крика из Ватикана. Он не остановил, даже не попытался остановить злодваний. Он молчал! А между тем, его прямая, самая святая обязанность была говорить громко и смело, заклеить своим авторитетом международные преступления Германии.

Ватикан ничего этого не сделал. Но можно ли думать хоть одно мгновение, что автор «Трех разговоров», выступивший с таким блеском и остроумием против теории непротивления злу, защищавший так страстно законность войны, когда она является актом противления злу,—можно ли допустить, что благородный Соловьев одобрил бы поведение Ватикана ради принципа папской непогрешимости?

Книга г. Тавернье является косвенным,—быть может помимо желания автора,—ответом на этот вопрос, и отнюдь прямо отрицательным. В противоположность аббату д'Эрбиньи, который в своей книге (Un Newmann Russe—Wladimir Soloviev) изучает Соловьева почти исключительно как богослова, Тавернье дает его во весь его большой рост, как человека и писателя. Но он делает еще лучше того: он дает нам самого Соловьева, давши очень добросовестно сделанный перевод его лебединой песни, его «Три разговора». Тавернье знал лично Соловьева, любил его очень сердечной любовью, и до самой его смерти находился с ним в пере-

«НЕОБХОДИМО УЛОВИТЬ ХАРАКТЕРЪ»!

— По моему, вам, художникам, прежде всего надо уловить характеръ человека, чей портретъ вы пишете. Но это, наивное, очень трудно?
— Не совсемъ... Впрочемъ, иногда не все можно передать карандашомъ.

Мисс.

пиекъ. Свидѣнія, которыя онъ даетъ о немъ, а также письма его, которыя онъ приводитъ въ книгу, представляютъ большой интересъ.

И. Яковлевъ.

Поэтъ нѣжныхъ красокъ.

Молодой поэтъ посвящаетъ первую книгу своихъ стиховъ памяти отца—известнаго художника, академика I. E. Крачковскаго. И книга названа имъ «Палитра». * Только те яркія солнечныя краски, къ которымъ мы привыкли въ этодахъ покойнаго академика, почти отсутствуютъ на «палитрѣ» его сына: онъ

* Д. I. Крачковскій. Палитра. Стихи. Петроградъ. 1917 г. Цѣна 1 р. 25 к. Стр. 92.

пишетъ лишь самыми нѣжными тонами, иногда тусклыми, сквозными черезъ дымку, мечтательными, трудно уловимыми. О, только для того и стоитъ быть

огнемъ, дымомъ!...
Чтобъ въ воздухѣ потомъ растаять легкимъ дымомъ!...

Эти двѣ строчки перваго же стихотворенія даютъ очень образную и вѣрную характеристику преобладающихъ настроеній его книги и самой манеры его письма. Не рѣзкіе и яркіе контуры горящаго огня, а расплывчатые, неясныя очертанія тающего дыма.

И что это: слеза или просто пней талый?

Такъ въ жаренномъ недоумѣніи спрашиваетъ авторъ, только что простившись съ «нею» въ морозный день на улицѣ. Слеза или иньжинка скатилась по его щеке въ минуту разлуки—онъ не знаетъ.

Этихъ очень удачныхъ и вѣрныхъ самоопределеній можно найти въ книгѣ много.

Естественно, поэтому, что молодого поэта тянетъ ко всему нѣжно-мечтательному, еще недоговоренному, несложившемуся въ яркій образъ. Онъ бредитъ Коломбинами, таинственными пейзажами старыхъ изрѣковъ, говоритъ о чахоточныхъ дѣвуплахахъ альпійскихъ санаторій. Его любовь—какое-то неясное ему самому почувствова-

Я полюбилъ васъ отчего-то...

Много общаго у Д. I. Крачковскаго съ новой французской поэзіей—и въ темахъ, и въ этомъ характерномъ для Французовъ обилии нѣжныхъ пейзажей,—въ такомъ осторожномъ выборѣ словъ, въ отдаленіи деталей. Нѣбитыхъ или случайныхъ эпитетовъ и определенной совѣтъ нѣтъ, обдуманы малѣйшіе оттѣнки. И въ этомъ отношеніи авторъ ближе всего стоитъ къ Анри де Ренье, котораго, видимо, очень любитъ и довольно хорошо переводитъ.

Главный недостатокъ книги—однообразіе большинства стихотвореній, избытокъ полутонныхъ, дающихъ, въ общемъ, впечатлѣніе нѣкоторой тусклости. На поэтической «палитрѣ» г. Крачковскаго очень много еле отдѣлимыхъ другъ отъ друга тоновъ, но очень мало основныхъ цвѣтовъ. Можно сказать, продолжая этотъ символическій языкъ, что двѣ краски отсутствуютъ вовсе въ своемъ чистомъ видѣ: красная и желтая. Многие, поэтому, кажется совсемъ безцвѣтными.

Еще одно замѣчаніе. Не слѣдуетъ такъ злоупотреблять изощренными собственными именами и вообще такъ называемой «технической терминологіей» нашихъ новыхъ поэтовъ:

Въ кафе Regence, на rio di Foscari,
На tue Gounod?
Въ Bois de Boulogne, въ уютномъ sleeping car,
Иль въ казино?

Развѣ это русское стихотвореніе? Развѣ это литературная рѣчь?

Пусть себѣ вывески и прейс-куранты отелей и ресторановъ малюютъ г. футуристы,—краски «палитры» г. Крачковскаго для этого слишкомъ нѣжны.

В. О.

КЪ БОРЬБѢ СЪ РОСКОШЬЮ.

— Рѣшительно нечего надѣты! Ни одной шляпы...

«The Sketch».

«Люди безъ завтрашняго дня».

Среди нашихъ белетристовъ можно различить двѣ главныя разновидности. Повѣствованія однихъ отличаются законченностью, закругленностью, чувствуется, что они построены по плану, обдуманному до послѣднихъ мелочей, появленіе каждаго новаго лица, каждаго рѣчь и каждое дѣйствіе являются безусловно необходимыми, въ соответствии съ общимъ замысломъ автора. У другихъ, напротивъ, мы видимъ нѣкоторую хаотичность, расплывчатость; лицу, которое, по видимому, хотѣло бы имѣть въ ходѣ дѣйствія второстепенное значеніе, удѣляется, по впазанному капризу автора, особенное вниманіе; общій замыселъ, если онъ и есть, заслоняется лирическими отступленіями автора или морализированіемъ и философскими разсужденіями. Неоспоримое преимущество разсказовъ и повѣстей перваго типа—въ нихъ техническомъ мастерствѣ, показывающемъ, что авторъ прошелъ школу, приближающую его произведенія къ хорошимъ европейскимъ образцамъ. Но повѣствованія втораго изъ указанныхъ типовъ какъ-то ближе, роднее намъ, въ нѣкоторой ихъ расстреланности и безпорядочности больше искренности, намъ чувствуется въ нихъ «свое», уклоныя автора то къ чувствительнымъ изліяніямъ, то въ область философскихъ умствованій напоминають русскіе молодые споры, русскіе, разбрасывающіеся, хотя и связанные въ конечномъ результатѣ какимъ-то единымъ общимъ настроеніемъ, бесконечные разговоры.

Разсказы г. Бориса Лазаревскаго, по-

мещенные в его сборник «Любимое», тельской пошлости, обывательского само- довольства, и имъ чуждо и непонятно то, что для остальных составляет, въ сущ- торыхъ изъ нихъ, можетъ мелькнуть, пожалуй, мысль,—не имѣть ли онъ дѣ- зомъ очевидца»,—до такой степени ли- шелными литературныхъ украшений они являютя, и до того мало преднамѣрен- ности замѣчается въ ихъ построении. Но зато въ книгѣ есть несомнѣнное единство общаго тона, за рассказомъ о разнообраз- ныхъ событіяхъ неизмѣнно ощущается личность самого писателя, съ его симпа- тиями и антипатиями, съ всѣмъ тѣмъ, что для него является «любимымъ», и къ чему онъ питаетъ враждебныя чув- ства. Излюбленная фигура, къ которой писатель выказываетъ особое пристра- стіе,—это «артистическая натура», чело- вѣкъ «безъ завтрашняго дня», изъ поро- ды «пренебрегающихъ презрѣнной поль- зой, единаго прекраснаго жрецовъ». Лица этой категоріи, встрѣчающіяся въ рассказахъ г. В. Лазаревскаго, въ нѣ- которыхъ отношеніяхъ весьма между со- бой не сходны. Мы встрѣчаемъ среди нихъ и «признанныхъ» художниковъ, и молодыхъ дѣвушекъ, у которыхъ стремле- ніе служить искусству проявляется еще въ видѣ смутнаго порыва,—авторъ по- казываетъ намъ и «артиста Божіей ми- лостью» въ лицѣ страдающаго запоемъ регента церковнаго хора («Цвѣтаре»), и настоящаго писателя, хотя и ни разу не печатавшагося въ жизни, въ лицѣ неудачливаго Володи Кривляваго, кото- рый «не знаетъ своего мѣста на землѣ и не умѣлъ опредѣлить цѣли своего суще- ствованія» («Мирные жители»). Но у всѣхъ этихъ лицъ есть и нѣчто общее: всѣмъ имъ душно и тѣсно среди обыа-

когда жизнь для такихъ чистыхъ душъ сдѣлается невозможной, какъ невозможна она для цѣлотовъ, когда сначала по утрамъ, а затѣмъ и днемъ наступаютъ морозы». Герои г. Лазаревскаго не толь- ко пріемаютъ свою судьбу, какъ нѣчто неизбежное, но пытаются вмѣстѣ съ тѣмъ найти и оправданіе такому поряд- ку вещей. «Дѣвъ вещи,—любовь и смерть,—говоритъ одинъ изъ нихъ, ху- дожникъ Линиченко,—приходятъ не тогда, когда хочешь, а тогда, когда это нужно кому-то болѣе сильному, невѣ- домому» («Человѣкъ безъ завтрашняго дня»). Своимъ настроеніемъ примиренія и со смертью, и со всѣми внѣшними невзгодами эти «люди безъ завтрашняго дня» умѣютъ заразить и окружающихъ, такъ же, какъ автору удается передать это настроеніе читателю. «Значитъ, смерть не полное уничтоженіе,—раз- мышляетъ, подъ влияніемъ разговора съ Линиченко, инженеръ Николай Михайло- вичъ.—Значитъ, въ словахъ и «вѣрѣ» «человѣка безъ завтрашняго дня» есть доля какой-то огромной, еще не откры- той истины...»

И пришло мнѣ въ голову, что Богъ любитъ не тѣхъ, кому даетъ земныя бла- га, а тѣхъ, у кого рано отнимаютъ зем- ныя «радости». И что любитъ Онъ Васи- лія Павловича, и потому именно не далъ ему ни кола, ни двора, ни взаимности къ любви, чтобы, тоскуя, артистъ еще проникновеннѣе и безъ словъ вопіи- валь своимъ гнѣвомъ о томъ, что есть другое счастье,—вѣчное...

Неудивительно, что, при такомъ взглядѣ автора, его герои, изъ числа не мирящихся съ житейскою пошлостью и грязью, являются, въ большинствѣ слу- чаевъ, «обреченными»: умираетъ отъ нелѣпой случайности молодая Еврейка Маріамъ, которой, какъ казалось, пред- стояла блестящая артистическая карьера («Маша»), умираетъ талантливая дѣ- вушка-подростокъ Лиза, съ чуткой ду- шой,—потому что наступаетъ время,

Несущихъ власти бремя... И въ циркулярѣ есть ли сѣбѣ?... Да,—такъ въ былое время Рѣшилъ бы и сатрапъ, сваявъ Съ плечь грузъ заботъ несносныхъ... Теперь не то: «на часъ калифъ».— Другъ мѣръ молніеносныхъ! Онъ, очутившись на верху На мигъ,—увъ! стоить краткій— Усердно ловить, какъ блоху, Тѣль власти, призракъ шаткій... Калифъ сатрапу шлетъ приказъ, За нимъ запросъ: «Готово ль?» Онъ знаетъ,—дорогъ каждый часъ, И, не вѣтшаяся адоволю, Уйдетъ онъ вновь къ небытью, Мелькнувши метеоромъ... Но знаетъ истину сію Сатрапъ не меньше... Взвормъ, Тревоги полнимъ, онъ слѣдитъ: «Барометръ палъ ли низко? Не повредитъ лиль повредитъ Мнѣ лиліяя отписка, Взамѣнъ принятія сѣбшнихъ мѣръ, Согласно циркуляру?» Заклятый врагъ пустыхъ химеръ, Не хочетъ съ пылу-съ жару, Онъ поступать, а ждетъ, каковъ Барометръ будетъ дальше: Еще, быть можетъ, радъ скажковъ,— А тамъ, уже безъ фальши, Онъ упадетъ мгновенно внизъ, И итъ, глядишь, калифа... Вознесъ его судьбы капризъ,— Теперь онъ въ родѣ миа... Удачно «уловивъ моментъ», Сатрапъ рѣшаетъ здраво: «Барометръ—это инструментъ Весьма полезный, право...»

О пользѣ барометровъ.

Принявъ портфель, «калифъ на часъ» Въ умѣ все взвѣсилъ точно, И циркулярный шлетъ приказъ Съ похѣткой строгой: «Срочно!»... Губернскій хмурится сатрапъ: Что жъ,—безъ идей онъ, что ли? Что онъ такое? Червь? Или рабъ, Своей лилоной воли?... Но что сатрапу циркуляръ, Полученный оттуда?.. Вѣдь знаетъ даже и школяръ, Что нѣчто, въ родѣ зуда Есть циркулярнаго у всѣхъ,

Ю—нъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

* Борисъ Лазаревскій. Любимое. Раз- сказы. Петроградъ. 1916 г. Стр. 178 Ц. 1 р. 50 к

ПЕРЕДВИЖНАЯ ДЕЗИНФЕКЦИОННАЯ КАМЕРА СЪ ПАРООБРАЗОВАТЕЛЕМЪ сист. Д-ра Мед. П. Н. ПРОХОРОВА.

Платье, бѣлье и т. д. дезинфицируются паромъ или пиро-формалиномъ (полногн убиваются все насткомья). Описаніе бесплатно. „Т.Д. Б. П. Прохоровъ“ П.Т.Г., Литейный р. 60, Т. 53-92.

The English Photo-Studio
М. НАПЕЛЬБАУМЪ.
Невскій, 72. Телеф. 149-26.
Художественные фотографич. снимки въ стилѣ старинныхъ гравюръ и офортовъ.

Г. ОФИЦЕРАМЪ ЭЛЕКТРИЧ. ФОНАРИ
небывало СВѢТЛО и ДОЛГО горячіе отъ 7 р. 50 к.
Петроградъ, Морская, 33.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

ВИНОКЛИ ЦЕЙСЪ
и другіе офицерскіе военные понога лучшаго образца 6, 8, 10 и 12хмъ
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ
ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33.

РЕВМАТИЗМЪ
Шипучій ДІСТИЛЕНЪ-ДІАМИНЪ
МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО Т-ВА.

излеченъ, такъ содержащій ПИПЕРА ЗИИЪ средоточіи противъ ревматизма, какъ острого, такъ и хроническаго, затѣмъ также противъ всѣхъ формъ по- дагры, мочевого діатеза и мочевого песка, равно и почечныхъ и почеч- ныхъ камней.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, его цѣль- тельная сила объява его р а с т в о р я ю- щимъ и у дѣйствию на органическія соли, отлагающіяся при воспаленіяхъ болѣзняхъ въ суставахъ и другихъ тканяхъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.
Въ виду появившихся на продажѣ под- рѣзковъ вредныхъ для здоровья, требуйте ДІСТИЛЕНЪ-ДІАМИНЪ только «Меди- цино-Фармацевтическаго Товари- щества». Каждый флаконъ снабженъ фабричною маркою, рисункомъ который адѣсь напечатанъ. Безъ фабричной маркіи на флаконѣ, это есть вредна и нигдѣ не- годная поддѣлка. В р о ш и ю р и имѣютъ право безплатно по первому требованію. Цѣна 1 флак. ДІСТИ- ЛЕНЪ-ДІАМИНА—4р.

Главный складъ дело Медицино-Фармацевтиче- ского Товарищества

ПЕТРОГРАДЪ,
угодъ Невскаго- Садовая, 10. тел. —011.

1917 г.
Открыта подписка на 1917 г.

НА РОСКОШНУЮ ГАЛЕРЕЮ КАРТИНЪ ВЪ КРАСКАХЪ

100 Миръ Красоты 100

картинъ.

Великолепная богатая коллекция художественно исполненных картинъ въ краскахъ, съ блестящими выписками, по 8 и 10 отафельнымъ картинъ вложенныхъ въ изящные обложки, съ иллюстрациями очерковъ съ ПОРТРЕТАМИ европейскихъ художниковъ: **100 ПОРТРЕТОВЪ ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.**

Художественное воспроизведение картинъ работы Р. Голике и А. Вильборга, Поставшиновъ Дюра Его Императорскаго Величества, УДОСТОВЕРЕННЫХЪ ВЫСШИХЪ НАГРАДЪ НА ВСЕМИРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
НА ГОДЪ:—100 картинъ въ 12-ти выпускахъ—12 руб.; НА ПОЛГОДА:—50 картинъ въ 6-ти выпускахъ 6 руб.—На исходе срока подписки не принимается.

Принимая во внимание, что многокрасочная репродукция въ изданныхъ размерахъ (34x23 см.) продается въ художественныхъ салонахъ по одному рублю за экземпляръ, а въ переживаемое время значительно дороже, подписавшись получите въ лучшемъ изъ оныхъ громадную галерею картинъ, изящество которыхъ превращаетъ годовую подписную плату болѣе чѣмъ на 100 рублей.

Редакция «Миръ Красоты»
Петроградъ, Суворовск., соб. д. 41.

Редакторъ-издатель
И. В. Корецкій.

**НОВАЯ КНИГИ:
ЗАКОНЫ ПРИРОДЫ.**

Общедост. вложенная основа началъ современного научнаго мировоззрѣнія
Е. И. ИГНАТЬЕВА.
Съ рис. въ теметъ. Ц. 1 руб. 25 коп. съ пересылки. Нал. плат. 1 р. 60 к.

ВЕСЕЛЫЯ ЗАДАЧИ.

101 головоломка для юныхъ математиковъ
И. И. ПЕРЕЛЬМАНА.
Съ 112 рисунками. Ц. 1 р. 50 к. съ пересылкой. Нал. плат. 1 р. 80 к.
Продается въ всѣхъ лучшихъ книжн. магазинахъ. Салады въ книжн. магаз. Т-ва А. С. Суворина — «Новое Время».

ДАМСКІЯ ШЛЯПЫ
открытъ салонъ моды
СЕСТРЫ ВЛЮХЪ.

МОДЕЛИ

Большой выборъ модныхъ шляпъ.
Надеждинскій, 1, кв. 118, 8-й этажъ
подъѣздъ отъ Невскаго, тел. 288-72.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ
А. Ю. ШЛЕДСКОЙ.
НЕВСКИЙ, 93 (уголь Надеждинской).
Тел. 188-95.

Бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, александриты, жемчуга и пр. и пр.

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ
„УРАЛЬСКИХЪ КАМНЕЙ“

Пріемъ на комиссію и покупка драгоцѣнныхъ камней и ломбардныхъ квитанцій. Продажа случайныхъ вещей.

Пріемъ заказовъ на всевозможныя ювелирныя работы. Художественная работа.
Цѣны вѣтъ конкуренціи.

**СЛАБЫМЪ И НЕРВНЫМЪ
ЖЕНЩИНАМЪ**

Я ВЫСЫЛАЮ ДАРОМЪ ПРОБУ **АЛЬБУКОЛА,**
ПИТАТЕЛЬНОГО СРЕДСТВА

рекомендуемаго какъ укрѣпляющее и питательное средство при истощеніи и ослабленіи организма. По произведеннымъ химическимъ исследованиямъ питательное средство „АЛЬБУКОЛА“ содержитъ въ себѣ бѣлковыя вещества, фосфорно-кислыя соли **натрія, кальція и желѣза**—элементы, дѣйствующіе благоприятно при истощеніи и укрѣпляющіе разслабленный организмъ.

Пробную дозу препарата „АЛЬБУКОЛА“ я высылаю совершенно даромъ каждой женщинѣ, сообщившей свое имя, отчество и фамилію, а также свой точный адресъ.

РИТА НЕЛЬСОНЪ. Москва, Фуркасовскій пер. 6. Отд. 43В.

НОРМАЛЬНО
противъ заповоръ
Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейеръ
Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Предотвращаетъ тошноту, изжогу, отрыжку. Стомоксигенъ абсолютно безвреденъ и отпускается изъ всѣхъ апт. по рец. вр.

ПРІЯТНО

Вышло 6-е изданіе (16-ая тысяча) популярной книги
„ГИГИЕНА БРАКА“.
Женщ.-врача Волковой. Ц. 75 к.

Содержаніе: Нуженъ ли бракъ. Воспитаніе дѣтей. Воспитаніе дѣвушекъ. Выборъ мужа. Воспитаніе молодой. Проституція. Выборъ жены. Женское. Вступленіе въ бракъ. Гигіена брачной жизни. Искусственное оплодотвореніе. Разводъ. Бодѣтельные браки и т. д.

Книжный магазинъ „Новое Время“.
Петроградъ, Невскій, 40.

БУХГАЛТЕРІЯ
и коммерческое самообразование. Значное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. **АТТЕСТАТЪ.** Льготныя условія подписки и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО.**

Адресъ: Петрогр., «Кругъ Самообразования», Б. Ружейная, 7-11.

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО“. Вы безусловно **БЫСТРЕ** и **УСПѢШНО** достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемыми предметами, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранее можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО“ успѣло дать анонимнымъ знаніямъ сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же одними чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробно со всѣми нашими изданіями, выберите:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средн.-учебныхъ заведеній, для подготовки на экзаменъ въ высшія учебныя заведенія, высш. начальной, домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. по 96—112 стр.

Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладнаго искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтерія, ком. корр., ком. арием., товаровѣд., банк. дѣло, финансы, биржи и т. д. и т. д.

Народная школа. 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотныхъ и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома— 9 руб. **Бухгалтерія.** 4 тома— 6 рублей.

Коммерческая Корреспонденція. Русскій, Французск., Англійск. Каждый по 1 р. 50 к.

Коммерческая ариеметика. 1 руб. 50 коп.

Ариеметич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библиотека языкознанія. Для усовершенствованія въ языкахъ Франц., англ. и нѣм. по 45 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства „БЛАГО“, Петроградъ, Глаздовая ул., с. д. 18.

Собств. магазины } **ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65;**
(для проживающихъ въ } **МОСКВА, Мясницкая 18.**
Москвѣ и Петроградѣ): }

ХУТОРЯНИНЪ ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

Ежегодный иллюстрированный журналъ, посвященный интересамъ сельского хозяйства, кооп. аци, промышленности и торговли. Издается Полтавскимъ Обществомъ Сельскаго Хозяйства съ 1896 года.

3 р. 60 к. ГОДОВАЯ ПОДПИСКА съ пересылкой и доставкой **3 р. 60 к.**

Въ теченіи 1917 года подписчики получаютъ:
40 НОМЕРОВЪ (около 2-хъ листовъ каждый, что за годъ составляетъ болѣе 1200 страницъ текста съ иллюстраціями). **СБОРНИКЪ С.-Х. СТАТЕЙ.** Младендаръ „Хуторянинъ“ на 1917 г. (Содержитъ 300 страницъ текста, съ массой рисунковъ, цѣна въ отдѣльной продажѣ 40 к.) 6 сборниковъ на годъ самымъ лучшимъ отзывамъ.

Выпускъ библиотеки „ХУТОРЯНИНА“. «Великая Еврейская война». Ежегодное приращеніе (до окончанія войны) въ размѣрѣ 1/2 печатнаго листа, съ рисунками, портретами и картами, что въ концѣ года составитъ иллюстрированную исторію войны, въ объемѣ около 20 печатныхъ листовъ.

Кромѣ того всѣ подписавшіеся до 1-го января получаютъ:
ДЕСЯТЬ СОРТОВЪ СЪМЯНЪ. Сѣмена заказаны въ одномъ изъ лучшихъ сѣмян. хозяйствъ и будутъ разосланы въ началѣ марта всѣмъ подписавшимся до 1-го января 1917 г.

Редакция журнала въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ПРИЗНАНА ТРИ ЗОЛОТЫЯ МЕДАЛИ.

На южно-русской областной выставкѣ въ Екатеринославѣ въ 1910 г. изъ всѣхъ сел.-хоз. журналовъ только редакция журнала „Хуторянинъ“ получила ЗОЛОТУЮ МЕДАЛЬ.

Спеціально избранная комісія (изъ сѣм. отъ Императорскаго Техническаго 0-ва признала наданіе чрезвычайно полезнымъ для улучшенія и развитія мелкаго крестьянскаго хозяйства Малороссіи и заслуживающимъ полнаго одобренія).

Журналъ „Хуторянинъ“ допущенъ въ бесплатн. библиот.-читальни и въ библиотеки сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній Министерства Земледѣлія.

ТРЕБУЕТЪ БЕЗПЛАТНО ПРОСПЕКТЪ для ознакомленія, ПОМЕРА и СМѢТЪ на ОБЪЯВЛЕНІЯ.
Адресъ: Полтава, Пушкинская ул., д. Полт. о-ва сел. хоз., ред. „Хуторянинъ“.

Отвѣст. редак. Презид. Пол. общ. сел. хоз., заслужен. проф. А. П. Шенковъ.
Секретарь редакціи Д. О. Прохоренко.

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральный цвѣтъ, я могу предложить Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ въ полномъ возвратитъ имъ натуральный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==

Письмо немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія **КАЛЬТОНА.**
МОСКВА, Фуркасовскій пер., домъ—109 В. Е.

ВОЛОСЫ

Мистеръ
Разсказъ
— Был
вать отъ
ше сонри
что дост
ня всѣхъ
ств, — го
государств
редъ именъ
въ большо
неостерств
— Я са
отличаю
тый и дов
вѣсть, лѣт
это предл
Маризъ
— Эта
нига во ч
глашаете
дѣйстви
— У м
мистеръ Д
— Опо
вѣливая

НОВОЕ ВРЕМЯ

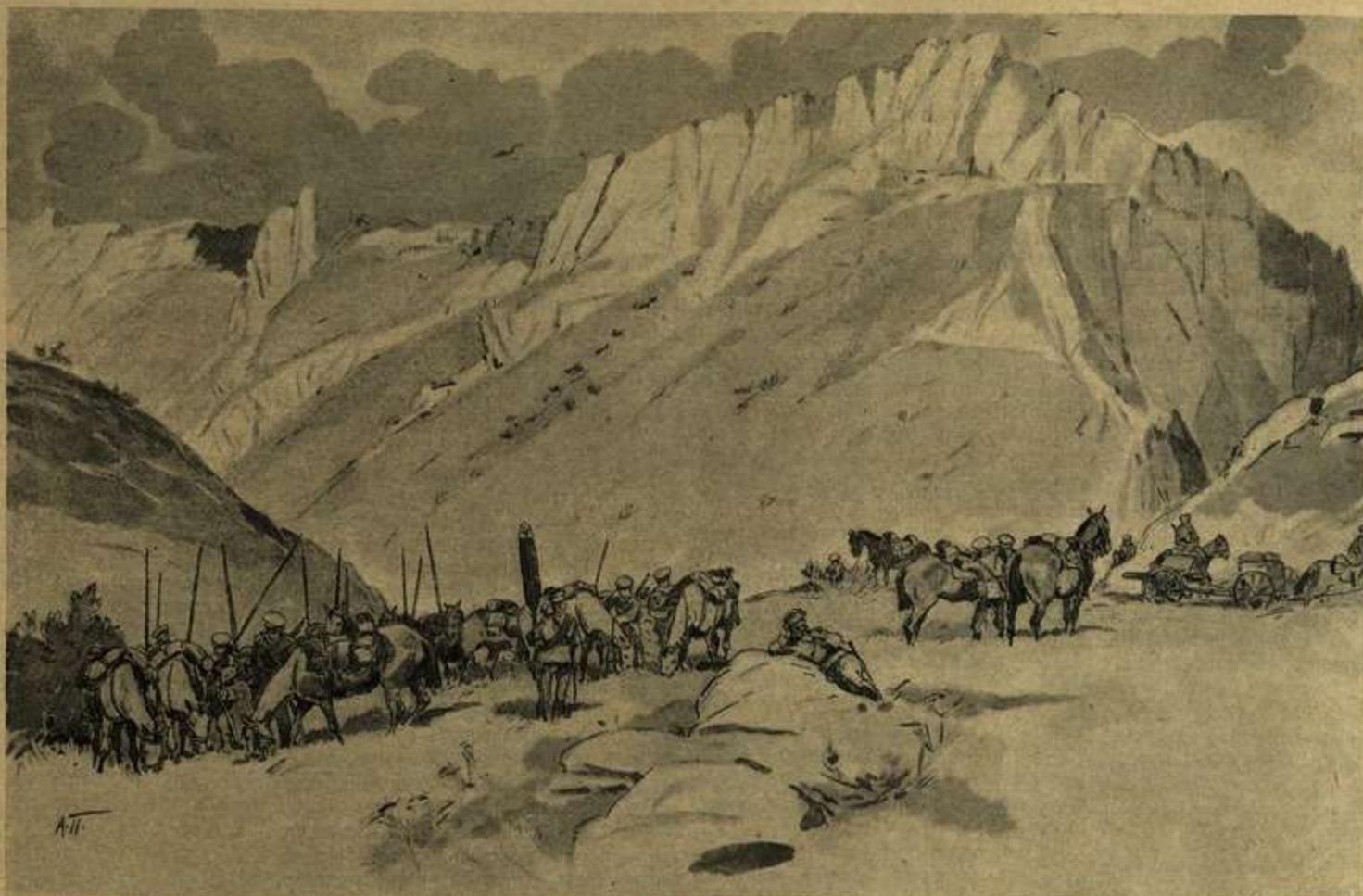
Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14644

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 10 (23) ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА.

№ 14644

СЪ КАВКАЗСКИМИ ВОЙСКАМИ.

Послѣ труднаго перевала и ночевки на высокомъ и дикомъ плато, мы спустились въ ущелье. Путь былъ усеянъ острыми камнями, ущелье мѣстами представляло како-то хаосъ. Курды не ожидали нашего движенія по нему, а то бы не ударились отъ соблазна устроить русскому отряду споры на немъ, что могли сдѣлать почти безнаказанно. Наша артиллерія показала здѣсь наглядно, что ей нѣтъ препятствій. Снаряды наши расчищали, гдѣ могли, путь. Высоко надъ нами временами понизывались силуэты конныхъ Курдовъ, которые съ тревогою слѣдили, не свернемъ ли мы въ боковыя ущелья, куда, очевидно, они подирала свои семейства и скотъ.

Рис. А. Пржевальскій.

Мистеръ Донованъ съ „Downing Street“.

Разсказъ Вильяма Ле Кё (le Queux).

Отъ англійскаго С. А.

I.

— Было бы, конечно, бесполезно скрывать отъ васъ, Донованъ, что это порученіе сопряжено съ большимъ рискомъ, и что достиженіе успѣха требуетъ напряженія всѣхъ силъ, такта и изобрѣтательности, — говорилъ маркизъ Чаддингфордъ, государственный секретарь при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, сидѣвшему передъ нимъ у большого письменнаго стола въ большой, темноватой канцеляріи министерства, мистеру Доновану.

— Я согласенъ сдѣлать попытку! — отвѣчалъ Донованъ, высокий, хорошо одѣтый и довольно красивый молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, выслушавъ это предложевіе своего начальника.

Маркизъ Чаддингфордъ продолжалъ:

— Эта попытка должна быть предпринята во что бы ни стало — и если вы соглашаетесь, я даю вамъ полное право дѣйствовать, какъ вы сочтете лучшимъ.

— У меня будетъ письмо? — спросилъ мистеръ Донованъ.

— Оно готово, — отвѣтилъ маркизъ, вынимая изъ ящика стола подъ листомъ какаго графа, тѣмъ лучше.

официальнаго блокнота и передавая его Доновану.

— Я понимаю, — сказалъ Донованъ, пробѣжавъ письмо. — Мнѣ поручается понасть, во что бы ни стало, въ Берлинъ, передать этотъ шифръ и получить отвѣтъ.

— Совершенно вѣрно. Но помните, милѣйшій Донованъ, что во время вашей недавней поездки за вами слѣдили тайные германскіе агенты, которые, какъ вы знаете, вездѣущи.

— Увѣрьте! — сказалъ, разсмѣявшись, мистеръ Донованъ. — Но я не слишкомъ беспокоюсь на этотъ счетъ, я привыкъ быть на-сторожѣ.

— Графъ фонъ-Шенбартъ живетъ въ Даклембѣ, предмѣстьѣ Берлина, онъ занимаетъ очень большую постъ на Вильгельмштрассе, и я могу сказать вамъ, что онъ вашъ другъ... за деньги, конечно.

— Не знакомъ ли съ нимъ сэръ Льюисъ Меткафъ?

— Насколько мнѣ помнится, графъ былъ постояннымъ посетителемъ берлинскаго посольства, когда, до войны, сэръ Льюисъ былъ тамъ нашимъ представителемъ.

— Тогда, можетъ быть, нѣкоторыя подробности я могу узнать отъ него?

— Конечно.

— Желательно, чтобы я отиравался сегодня же?

— Чѣмъ раньше будетъ письмо въ ваши руки, тѣмъ лучше.

— Отлично! — отвѣчалъ Донованъ, держа въ рукахъ листокъ письма, на которомъ было написано:

95—285—66028—50515—02 — S72
—65789—84285.

Лордъ Чаддингфордъ читалъ большое уваженіе къ Доновану. Не мало тощихъ порученій доверялъ онъ ему еще въ мирное время, и всѣ они были успѣшно исполнены. Но теперь, во время войны, поездка Донована была сопряжена съ большимъ рискомъ, благодаря великодушному поставленію Штейнгауеромъ системы шпionaжа, главное отдѣленіе котораго находилось на Кесингштрассе въ Берлинѣ.

Донованъ, сына британскаго пэра, знала въ британскихъ посольствахъ всей Европы, гдѣ этотъ мужественный и красивый молодой человѣкъ появлялся съ неизмѣнными бѣлыми брезентовыми папетами, старательно скранными и запечатанными особой красной печатью министерства иностранныхъ дѣлъ.

На каждомъ пакетѣ были хорошо знакомые инициалы и номеръ, а внутри находилось множество шифрованныхъ писемъ, почти не имѣющихъ никакого важнаго значенія: консульскихъ докладовъ, донесеній изъ казначейства о подозрѣнной трагѣ двухъ третей шиллинга и двухъ пенсовъ, и т. п. Дѣйствительно, важныя шифрованныя письма, содержащія тайныя предписанія лорда Чаддинг-

форда, Донованъ хранилъ въ поясѣ, который онъ носилъ подъ одеждой. И, падѣвъ такой поясъ, онъ ужъ почти не смыкалъ глазъ за весь путь.

Начиная съ серьезной, тактичной жены посла и кончая самыми незначительными аташе, — всѣ находили мистера Донована самымъ пріятнымъ человекомъ, и не мудрено, что то же самое находила хорошенькая миссъ Мабель, дочь сэра Льюиса Меткафа, бывшаго одно время англійскимъ представителемъ въ Берлинѣ и дружившаго съ графомъ фонъ-Шенбартомъ. И не мудрено, что мистеръ Донованъ былъ по-уши влюбленъ въ миссъ Мабель.

II.

Откланившись маркизу Чаддингфорду, Донованъ вышелъ изъ тихой, мрачной комнаты министерства, съ полинявшимъ ковромъ, съ портретомъ лорда Пальмерстона на угрюмой стѣнѣ, съ тяжелыми старинными часами на каминѣ и съ большимъ круглымъ столомъ съ разбросанными на немъ въ безпорядкѣ книгами и бумагами.

— Доброе утро, Фельксъ! — весело крикнулъ Донованъ пожилому чиновнику, идя къ выходу. — Что, сегодня вы отправляете пакеты въ Скандинавію?

— Сегодня, мистеръ Донованъ, — въ Копенгагенъ, Стокгольмъ и Христиа-

нию, — ответил Фелькс. — Мистер Тарольд берет их сегодня днем.

— Будьте любезны, протелефонировать мистеру Тарольду, что я доведу их до Готеборга. Пусть из Христиании и Стокгольма вышлют курьеров встретить меня в Grand Hôtel в Готеборге, так как у меня не будет времени проехать в Стокгольм. И пожалуйста сообщите об этом в посольство телеграммой.

— Будьте покойны, мистер Донован, все будет исполнено, — отвечал Фелькс.

III.

— Я уезжаю в Германию, дорогая Мабель.

— В Германию?

Хорошенькая Мабель повторила эти слова каким-то испуганным эхом и ее овечьи щеки побледили. Они были наедине в гостиной дома сэра Лиевеля Меткафа на Draycott Place.

— В Германию? Но как?..

— Я еще и сам не решил как следовать, как поехать туда... Я должен тайно пробраться и повидать графа фон-Шенбарта. Ведь ты его, кажется, знаешь?

— Конечно. Он друг мамы и раньше часто бывал в посольстве. Но попытка пробраться в Германию сопряжена с таким риском... в особенности, для тебя.

— Может быть, это и так; но эта миссия имеет весьма важное значение для успеха нашей армии и поэтому, Мабель, я сделаю все, что будет в моих силах.

— Хью, милый мой Хью, да, конечно, так и быть должно, но все же...

Она не дожидаясь своей тревожной речи и поспешно вырвалась из объятий Донована. Раздвигая шаги за дверью и вошел сэр Лиевель Меткаф.

Как только сэр Лиевель узнал о поручении, данном мистеру Доновану, он сказал с некоторым сомнением:

— Несмотря на все мое уважение к лорду Чаддингфору, мне не кажется благоразумной ваша поездка к графу фон-Шенбарту. Если вы будете открыты, то будет открыт и граф.

— Не думаю, сэр Лиевель, чтобы я был открыт, — ответил Донован. — Надюсь съездить успешно. Я пришел узнать ваше мнение относительно того, как лучше приблизиться к графу? Не имеет ли он обыкновения гулять один?

Сэр Лиевель соображал несколько минут.

— Да, мне помнится, он ходит пешком с Вильгельмштрассе в Жюк-клуб. Я часто его встречала на этой прогулке, — сказала Мабель.

Отец кивнул головой:

— Да, дорогая, ты совершенно права. Граф всегда был сама пунктуальность и, думаю, это не изменила даже война.

Затем сэр Лиевель описал Доновану подробно наружность графа, точное расположение его дома в Дахлеми и сообразил несколько других важных подробностей.

Около 3 часов дня Донован уже сидел в вагоне-ресторане I класса экспресса, идущего в Ньюкастль. Он читал купленную на вокзале книжку специально дорожного характера и не замечал, что через вагон, направляясь в вагон-ресторан III класса, прошел господин с большой головой, на вид типичный третьеклассный пассажир. Его хитрые глаза внимательно скользнули по лицу Донована и затем он поспешно вышел и, пройдя три вагона, остановился в четвертом, где в отделении сидела просто одетая, молодая женщина с пышными волосами.

— Это правда, он здесь, — сказал правлению к железнодорожной станции. Это время выступал против Англичаи этот большоголовый человек дама по-английски, но с замкнутым иностран-ным акцентом. Странно, что мы не видели его на вокзале.

— Он не должен вас видеть, — прервала с тревогой в голосе молодая женщина.

— Конечно. Вы будете следить за нами, ведь он вас не знает. А, между тем, он имел бы основание помнить вас. Э? — заметил он оскалив с притворной гримасой зубы.

Большоголовый вспомнил, как при взрыве бомбы в Гавре, предназначенной для высокого Англичанина, было убито восемь из чужих невинных людей, а тот остался невредим. Донован тогда не подозревал о покушении на него.

Из Ньюкастля нужно было ехать морем в Христианию, через Готеборг, так как оттуда путь Донована лежал по железной дороге в Хельсинборг, а затем, переправившись через пролив в Данию, он снова поехал по железной дороге в Копенгаген.

Благополучно исполнив свои дьявольские поручения в Копенгагене, Донован отправился погулять в Rosenborg-Garden.

Никаких интересных встреч не было у него в парке, только все, как будто, по его словам шла какая-то молодая женщина с пышными волосами, одетая кормилицей.

«Ага! сказал он себе, дьявол видит, что не замечает этой женщины. — Тут затывается игра. Кажется, я встречал лицо этой «кормилицы». Я всегда недоверчиво отношусь к женщинам с хорошими волосами. Уж такое мне счастье, что всегда он оказывались коварными».

На следующий день, рано утром, вынуть из саквояжа большой сверток и оставив все вещи в отеле, Донован вышел из гостиницы и пошел по на-

Протоиерей Павел Васильевич ЛЮБОСЛАВСКИЙ, законоучитель 3-й Петроградской гимназии и школы при типографии «Новаго времени». Покойный более 35 лет преподавал Закон Божий в различных учебных заведениях, а за год с небольшим до смерти был назначен помощником наблюдателя за преподаванием Закона Божия в средней школе. Благодаря особой заботливости и энергии П. В., было организовано «Законоучительское братство».

† 2 декабря в Петрограде. См. № 14638 «Нов. Ер.».

Там он остановился перед одним из полуразвалившихся пакгаузов, высмотревшим им накануне, и, толкнув дверь, очутился в лагуну, похожей на лагуну у консьержа гостиницы, и часть себя одежду и надеть платье, выкутое из свертка. Надеть его, он оказался немецким унтер-офицером с круглой кокардой Вюртембергского полка на строю суконной фуражке.

Передвигаясь, он отправился на набережную, от которой, как он узнал накануне, ежедневно отправлялись пароходы в Штеттин, ближайший от Берлина морской порт.

Черное старое судно, с разбитой непогодой красной трубой, стояло готовое к отплытию. Донован смело подошел к нему и, взойдя по трапу, прыгнул в трюм, где было нагружено множество почтовых посылок из нейтральных стран, в том числе и Америки, для перевозки в Германию.

Около шести часов укрывался он тут, пока судно не очутилось в открытом море. Тогда он вышел и, подойдя к матросу, на немецком языке, которым великолепно владел, попросил проводить его к капитану.

Разговор в капитанской каюте принял драматический характер. Карл Штраус, как теперь называл себя Донован, признался капитану, что он дезертир 115 Вюртембергского пехотного полка, бывавший в Копенгагене, чтобы повидаться со своей невестой, служащей продавщицей готового платья на Frederiksgade, а теперь возвращается с виной в свой «фатерланд».

Эта романтическая история вызвала сочувствие у старого капитана, и он даже обещал по прибытии в Штеттин, хлопотать за него перед военными властями.

По прибытии в Штеттин Карл Штраус — Донован, после трехдневного ареста и военного суда по обвинению в побеге, был отправлен под конвоем в Берлин, чтобы присоединиться там к своему полку, который, как раз в

В Берлине Карл Штраус успешно ответил на все тысяча и один вопрос. Теперь Карл Штраус горько таким негероическим походом поскорее в полк, где все украшенные орденами офицеры, который снимал с него допрос, отпустил конвой и ограничился только тем, что запер пока расквашенного дезертира в бараки. Может быть, и у офицера была невеста?

Донован с Downing Street, солдат Вюртембергского полка и обладатель нескольких марок, два дня праздно бродил по баракам, пока однажды, выбрав удачный случай, не проскользнул мимо часовых при входе и не очутился, пройдя по полям, на широкой Вильгельмштрассе. Его быстрые глаза зорко смотрели кругом, на широкой Вильгельмштрассе, который должен был выйти из министерства иностранных дел.

Наконец, на подъезде появился полный, средних лет, господин в поярковой шляпе, в котором, по описанию, сидел Мабель и сэр Лиевель, Мабель узнала графа. Он пропустил его вперед и с четверть мили шел за графом на почтительном расстоянии.

Но вот Донован ускорил шаг. Он уже готовился коснуться его плеча, как вдруг несколько человек схватили Донована, и он очутился в руках сыщиков.

«Страшно не повезло!» мрачно говорил себе Донован, запертый в камеру Моабитской тюрьмы. «Я был идиотом. Штататься так долго по Вильгельмштрассе! Не будем, однако, терять надежды».

Девять суток просидел Донован в заключении, пока не освободили его из камеры для препровождения обратно в бараки.

Справки полиции оказались в пользу Донована. Телеграмма женщины с пышными волосами не привела к желанному результату. В то время, как начальник сыскальной полиции Марколад, согласно ей, искал в каждом углу английского шпиона в штатском платье, Донован благополучно избегал всяких подозрений в виде немецкого солдата.

Отдыхавшись легким наказанием, за отлучку из любовничества, чтобы познать улицы невиданного Берлина (тут Донован разыграл роль большого патриота), унтер-офицер Карл Штраус был наконец назначен к отправлению на Ипр и перед этим получил на несколько часов свободу.

Тут, поставивши все на карту, Донован в половине пятого опит очутился у здания министерства, и граф не заставил себя долго ждать. Теперь, когда только граф поравнялся с ним, Донован слегка коснулся его локтя и произнес по-английски:

— Граф, я с Downing Street, я идию к вам по поручению.

Граф тряхнул на Донована. — Я и без необходимого Герман Великого быстро отпустил. — Кто? — Мабель фон-Шенбарта.

Хор Стеглицца Донован назначен и бурный мяткую и вместе с ним, когда реть мале отнер вх своего слу.

Мит пробраться позань. — чевием и поклонь о шого друи Лиевеля

Ваш суглася г гайскомь сий сода Донован и, раюдр маленькии бумаги, в оказались одномъ б шось, а в стали.

По его рогу в к вь разбит отнесь ее скануль и какъ руба мшазл в ней плато женной ру дь блданю выплыват саят нева снова воо ского сост

Граф свою запи из карма падь нимн Расшиф

УКЛОНЯЮЩЕСЯ.

О мнѣ — Есть сегодня письма?
Мать. — Только одно: отъ твоего дѣда изъ окоповъ.
„The Lunch“.

Графъ вздрогнулъ и пристально посмотрѣлъ на Донована.
Донованъ повторилъ:
— Я долженъ васъ видѣть, графъ. Это необходимо. У меня порученіе.
Германскій сановникъ, одинъ изъ друзей Великобританіи за деньги, нахмурился и быстро спросилъ:
— Кто послалъ васъ?
— Мой начальникъ, лордъ Чаддингфордъ.
— Хорошо, я буду въ 9 вечера, около Стеглицкаго вокзала, — прошепталъ графъ.
Донованъ явился очень аккуратно въ назначенное мѣсто. Вечеръ былъ дождливый и бурный. Графъ, одѣтый въ макинтошъ и мягкую шапку, встрѣтилъ его въ темнотѣ и вмѣстѣ они прошли порадочное разстояніе, когда наконецъ графъ остановился передъ маленькимъ домикомъ, вынулъ ключъ, отперъ входную дверь и ввелъ въ домикъ своего спутника.
— Мнѣ стоило большихъ затрудненій пробраться сюда, — заговорилъ первый Донованъ. — Я прѣхалъ съ тайнымъ порученіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ привезъ вамъ поклонъ отъ лорда Чаддингфорда и отъ вашего друга его превосходительства сэра Либеля Меткафа.
— Вашъ нарядъ великолѣпенъ, — засмѣялся графъ, говоря на чистомъ англійскомъ языкѣ. — Вы отличный германскій солдатъ. Гдѣ же ваше письмо?

Донованъ снялъ съ себя струю фуражку и, раздравъ подкладку, вынулъ оттуда маленькій плоскій пакетикъ изъ бѣлой бумаги, въ которомъ, въ свою очередь, оказались два крошечныхъ пакета. Въ одномъ былъ темно-желтоватый порошокъ, а въ другомъ маленькіе бѣлые кристаллы.
По его просьбѣ графъ указалъ ему дорогу въ кухню, гдѣ Донованъ налилъ воду въ разбитую, найденную здѣсь, чашку и отнесъ ее въ комнату. Послѣ этого онъ скинулъ куртку и, засучивъ лѣвый рукавъ рубашки, обнажилъ руку. Потѣмъ разлѣпалъ въ водѣ кристаллы и, намочивъ въ ней платокъ, началъ тереть имъ по обнаженной рукѣ. Мало-по-малу шифръ въ видѣ бѣдно-коричневыхъ цифръ начиналъ выливаться на кожу, гдѣ онъ былъ написанъ невидимыми чернилами, и теперь снова возстановленъ при помощи химическаго состава.
Графъ старательно счищалъ ихъ въ свою записную книжку и, вынувъ затѣмъ изъ кармана маленькій томикъ, нагнулся надъ нимъ, чтобы расшифровать письмо.
Расшифровавъ, онъ написалъ что-то въ

записной книжкѣ и при помощи маленькой книжки опять перевелъ написанное на шрифтъ, а самый листокъ бумаги, вырванный изъ блокнота, сжегъ.
Тѣмъ временемъ Донованъ пошелъ въ кухню, зажечь свѣчку и высушилъ чашку. Надъ огнемъ, найдя кусочекъ мыла, онъ мылъ руки, «Маскоттой» Наполеона и сумѣлъ начать имъ тереть, пока не исчезло все написанное. Тогда онъ снова налилъ воды въ чашку, всыпалъ желтый порошокъ и свята съ ея легкомысленной, но очаровательной головки.
— Я доставляю вамъ отвѣтъ, — сказала она, — такимъ же точно способомъ, какъ привезъ вамъ письмо отъ лорда Чаддингфорда. Будьте любезны переписать для меня цифры.
И онъ протянулъ графу обломокъ заостреннаго дерева.
Этимъ обломкомъ тотъ написалъ отвѣтъ на прелзнутой рукѣ Донована, обмакнувъ обломокъ въ бѣдно-желтую жидкость, ко-

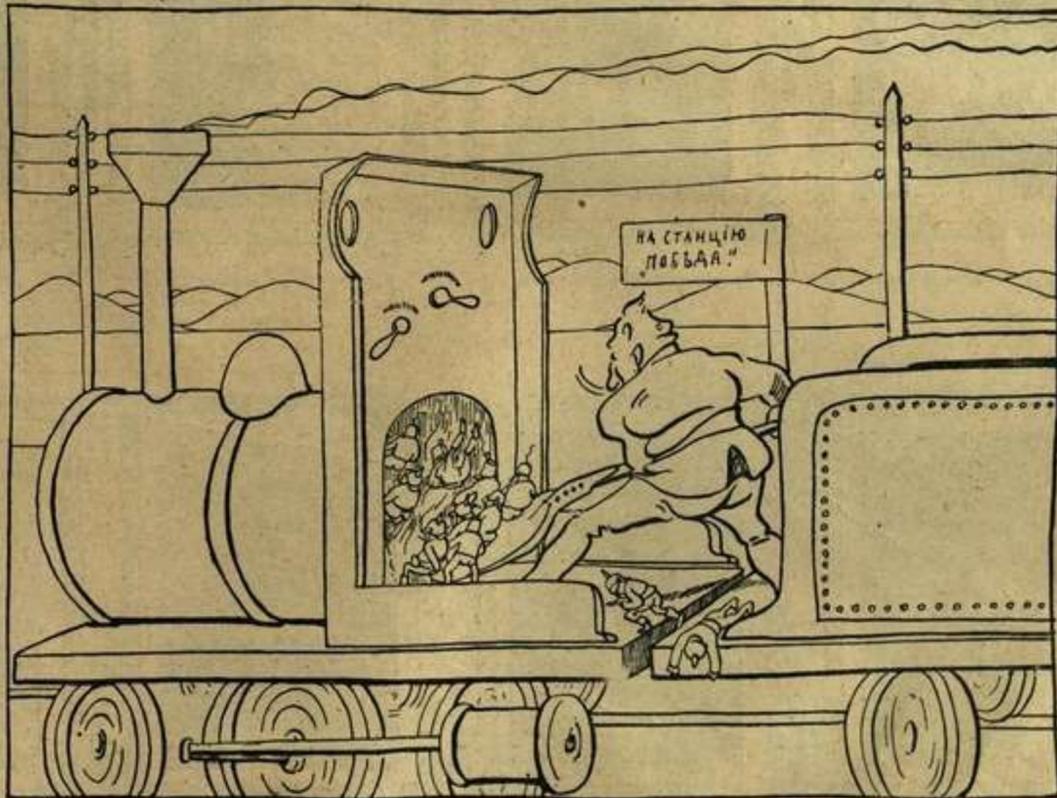
торая быстро высохла, не оставивъ слѣда на кожѣ.
Затѣмъ Донованъ надѣлъ куртку и распрощался съ графомъ.
Безполезно описывать подробности его возвращенія въ Лондонъ.
Достаточно сказать только, что на утро уже не было больше унтеръ-офицера 115-го Вюртембергскаго полка Карла Штрауса, а былъ рядовой 28-го Баварскаго пѣхотнаго полка Генрихъ Гельтманъ, другъ друга, но вмѣшивается случай, и въ котораго тайно превратилъ его графъ.
И этотъ рядовой Генрихъ Гельтманъ отправлялся уже не на Ипръ, а въ Данцигъ навѣстить жену. Изъ Данцига онъ опять въ трюмъ поѣхалъ въ Христианію, и опять въ открытомъ морѣ рассказываетъ о своемъ романтическомъ дезертирствѣ, чтобы повидаться съ женой, которая теперь служила продавщицей кружевъ въ столицѣ Норвегіи.
И опять онъ вызывалъ сочувствіе капитана, рассказывая все это со своей очаровательной улыбкой.
Порученіе было исполнено!
И какою радостью и гордостью сияли хохотенькіе глазки миссъ Мабэль.

Первый бракъ Жозефины, съ Богарне, былъ шлопъ игрою случая. Восемнадцатилѣтній маркизъ де Богарне въ Парижѣ и шестнадцатилѣтняя крошка Жозефина Таше де ла Пажери на далекомъ островѣ Мартиникѣ, никогда не видавшие другъ друга, раздѣленные тысячами миль океана, — гдѣ найти болѣе неподходящую пару! Они даже не знаютъ о существованіи другъ друга, но вмѣшивается случай, и юная невеста переплываетъ океанъ, названная настойчивыми письмами тетки, — м-ме де Ренодъ.
Двигателемъ въ этомъ дѣлѣ явилось разстроенное состояніе финансовъ маркиза де Богарне-отца, опекавшаго жмуество своихъ двухъ сыновей столь недобросовѣстно, что сдача отчета была для него равносильна катастрофѣ.
Годы опекуства поглотили почти все опекаемое состояніе при благосклонномъ сѣдѣйствіи волюбленной маркиза — м-ме де Ренодъ.
Но сыновья выросли, старшій женился, и родные жены настойчиво принялись требовать отчета отъ маркиза.
Кое-какъ удалось ему удовлетворить ихъ требованіе, но оставались такіа крохи, что нечего было и думать о благополучномъ исходѣ подобной же операціи съ младшимъ сыномъ.
Тутъ выступаетъ на сцену м-ме де Ренодъ. По ея мнѣнію, необходимо найти молодому маркизу такую невесту, родные которой не подумали бы поднимать неприятныхъ вопросовъ.
И вотъ въ далекую Мартинику отправлено письмо къ брату находчивой женщины, Иосифу Таше де ла Пажери.
У него три дочери — одна изъ нихъ подойдетъ молодому маркизу, согласія котораго на этотъ бракъ никто и не думаетъ спрашивать.
Де ла Пажери въ восторгѣ отъ предложенія сестры: обдѣланный аристократъ, попавшійся въ какихъ-то несвоевѣстныхъ предѣлахъ, онъ не можетъ вернуться во Францію, а къ Мартиникѣ положеніе его не изъ завидныхъ.
Средняя дочь вполне подходитъ для брака съ Богарне, но вмѣшивается «случай»: молодая дѣвушка умираетъ. Младшая —

Бурная жизнь.

Врядъ ли была въ исторіи другая женщина, которая привлекала бы всеобщее вниманіе въ той мѣрѣ, какъ императрица Жозефина, возведенная на тронъ прихотью случая, бывшая, по общему мнѣнію, «Маскоттой» Наполеона и сумѣвшая сохранить властвіе и силу даже послѣ императорскаго короны была въ чашку, всыпалъ желтый порошокъ и свята съ ея легкомысленной, но очаровательной головки.
Нежданная переписка Жозефины, французскимъ историкомъ Фредерикомъ Массонъ въ «Revue des Deux Mondes», даетъ много подробностей ея жизни, оставшихся до сихъ поръ мало освѣщенными.
И ярко выступаетъ роль «случая» въ жизни этой женщины, сумѣвшей покорить сердце Цезаря XIX вѣка.

НА ДОЛГО ЛИ?

Остатки топлива.

Рис. Зюль-Дра.

Шт.-кап. А. В. Мѣдинскій

Подпор. Ф. И. Вуличевичъ-Сарапъ,
уроненецъ Черногори.

Поруч. В. Н. Ястребовъ.

Подпоруч. Б. Н. Лоренцсонъ.

Поруч. В. М. Левицкій.

Прапорщ. А. Н. Чернышевъ.

Поруч. В. В. Жандо.

Поруч. А. М. Козыревъ.

Полковн. М. А. фонъ-Циглеръ.

Подпоруч. С. М. Барановскій.

Поруч. А. Н. Острогорскій.

Шт.-кап. И. И. Пилеленио

Подпоруч. Т. Т. Лопато.

Кап. А. Бардинъ.

Прапорщ. В. Л. Лопатинскій.

Поруч. Г. Н. Ушаковъ.

Прапорщ. В. П. Герасименко.
Награжденъ орденомъ св. Георгия 4 ст.

Поруч. Г. А. Алентьевъ.

Манетъ—
ни за что
для брата
До за
только ст
понятимъ
за и нехо
«Все, ч
лбный ц
чи и рук
фины сес
Иозефи
днми. Ей
кую Фран
дворъ...
Дурнуш
ми, и эта
счастьемъ.
Но при
«Наружно
нейству
для мота
ютъ в ж
И, вѣ

СЪ ГАВКАЗСКИМИ ВОЙСКАМИ.

Допросъ м.стных жителей черезъ офицеровъ-Персиянъ С-го драгунскаго полка

Спальня драгунскаго офицера. Небо—потолокъ, горы—стѣны, трава—ковъръ.

ВЪ СЕРБСКОЙ АРМИИ.

Новый начальникъ штаба сербской армии, ген. Петръ БОЙОВИЧЪ. Онъ занялъ мѣсто престарѣлаго генерала Путника, слабое здоровье котораго заставило отказаться отъ командованія.

пулея въ революцію, гдѣ играетъ видную роль.

Жозефина остается тоже во Франціи, не изирая на тревожное настроеніе умовъ; зрѣлище вчерашнихъ друзей на гильотинѣ печалитъ ее, но не внушаетъ опасеній за собственную жизнь.

Слишкомъ велика ея вѣра въ свою счастливую звѣзду! Изъ маркизы она становится просто «гражданкой» Богарне, поселяется въ Круасси и беретъ изъ коллегъ сына Евгенія. Для подтвержденія «гражданскихъ» чувствъ матери, двѣнадцатилѣтній отпрыскъ дворянской семьи попадаетъ ученикомъ въ столярку и занисанъ въ ряды городской милиціи.

Но звѣзда Богарне закатилась: его заключаютъ въ тюрьму въ мартѣ 1794 года, а мѣсяць спустя комитетъ общественной безопасности издаетъ приказъ объ арестѣ Жозефины, напрасно доказывающей, что она въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ живетъ въ разлукѣ съ мужемъ.

Генералъ Богарне умираетъ въ июль 1794 года на гильотинѣ, но благотворительный случай и здѣсь приходитъ на помощь Жозефинѣ.

Переворотъ 9 Термидора открываетъ предъ нею двери тюрьмы.

Мало того, пребываніе въ тюрьмѣ сдѣлать помного бѣлымъ останется безъ отвѣта, она забываетъ вносить деньги за содер-

она завязала знакомство съ генераломъ Гошъ.

Выпущенные на свободу Гошъ и Жозефина кутятъ нѣсколько дней въ Парижѣ, затѣмъ генералъ уѣзжаетъ на фронтъ, увозя съ собою въ качествѣ одного изъ своихъ адъютантовъ.

Но уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Жозефина соглашается съ Баррессомъ и выдаетъ сына въ Парижѣ. Въ домѣ Барреса Жозефина завязываетъ знакомство съ Наполеономъ, и звѣзда ея арко разгорается съ этого момента.

Тюрьма свела ее съ Гошомъ, Гошъ познакомилъ съ Баррессомъ, а этотъ послѣдній далъ возможность встрѣтиться съ Бонапартомъ.

Даже несчастья являлись для этой женщины причиной счастья, сглаживая все на ея пути. Дѣти сданы подъ опеку стараго маркиза де Богарне и г-жи де Ренеденъ, уцѣлѣвшихъ отъ разгрома аристократіи и поселившихся въ Сентъ-Жерменъ.

Какъ мать, Жозефина оставляетъ желать много лучшаго. То она осмыляетъ дѣтей бурными засками при посѣщеніи, бѣгаетъ съ ними по парку и шалитъ, какъ дитя, то недѣлями забываетъ объ ихъ существованіи, увлеченная въ водоворотъ свѣтской жизни. Письма Евгенія съ просьбой пригласить помного бѣлымъ остаются безъ отвѣта, она забываетъ вносить деньги за содер-

НА БРИТАНСКОМЪ ФРОНТѢ.

Санитарная собака въ противъ газовой маски.

Манеттъ—категорически заявляетъ, что ни за что не согласна уѣхать во Францію для брака съ невѣдомымъ маркизомъ.

До ла Пажери въ ушнѣ! Остается только старшала—Жозефина, но она, по понятіямъ того времени, стара для жепиха и нехороша собою.

«Все, что ее украшаетъ, это—великолѣбный цвѣтъ лица и очень красивыя плечи и руки»,—пишетъ самъ отецъ Жозефины сестрѣ въ Парижѣ.

Жозефина удручена и плачетъ цѣлыми днями. Ей такъ хотѣлось уѣхать въ далекую Францію, быть маркизой, бывать при дворѣ...

Дуришунка, она терзалась предъ сестрами, и эта партія казалась ей сказочнымъ счастьемъ.

Но приходитъ успокоительный отвѣтъ: «Наружность неважна... Главное—имѣть невѣсту изъ своей семьи». Это гарантія для мота-отца... Молодого маркиза умоляютъ и женить.

И, видя себя отъ радости, Жозефина сжегъ старыя кумиры и съ головою рив-

кой—Негританкой Евфиміей. Невѣстено, какъ издалась за это дѣло m-me Реноденъ, но бракъ состоялся въ пускаетъ въ далекій путь съ камеристкой въ декабрь 1779 года.

Однако, согласіе недолго царитъ въ новой семьѣ. Маркизь Александръ де Богарне вскорѣ спохватывается, что его отурчили, женивъ на некрасивой дѣвушкѣ почти его лѣтъ, безъ приданого, безъ связей...

Начинаются ссоры, молодой маркизь уѣзжаетъ въ имѣніе на цѣлый годъ, Жозефина плачетъ надъ колыбелью первенца—Евгенія.

Далѣе отношенія супруговъ обостряются еще болѣе изъ-за связи маркиза съ нѣкоей г-жей де Лошре. Онъ уѣзжаетъ путешествовать съ нею. Жозефина советамъ отказывается отъ мужа, начинаетъ флиртовать, и въ 1783 году между ними наступаетъ окончательный разрывъ.

По рѣшенію суда, малолѣтнія дѣти оставлены временно при матери.

Впрочемъ, маркизу не до нихъ. Однѣ

жание детей, а затѣмъ кается въ этомъ. Немудрено, что тринадцатилѣтній Евгений относится къ матери въ письмахъ какъ старшій, даетъ ей совѣты, дружески укоряетъ въ легкомысліи...

Трудно понять причины глубокаго чувства, приковавшаго столь надежно и крѣпко Наполеона къ Жозефинѣ.

Если въ пятнадцать лѣтъ, по безпристрастному свидѣтельству отца,—она не была хороша собой, то протекшіе годы не могли украсить ее и сдѣлать изъ дурнушки красавицу въ 35 лѣтъ.

Многіе современники склонны были видѣть въ этомъ вліяніи Жозефины на завоевателя міра какое-то «колдовство». Она измѣняла ему на каждомъ шагѣ, не отвѣчала на его пламенные письма, отказывалась поѣхать къ нему въ Италію,—ничто не могло поколебать чувства Наполеона!

Любопытнѣе всего въ этой перепискѣ письма Жозефины къ сыну и его письма къ ней. Двадцатилѣтній юноша старается руководить ею, остановить въ легкомысленныхъ поступкахъ, но съ осторожностью и деликатностью, достойными перво-класснаго дипломата. Къ нему слишкомъ часто доходятъ слухи о «романахъ» матери, и онъ торопится осторожно поставить ее въ извѣстность, горячо подчеркивая, что онъ не вѣритъ ни одному слову изъ этихъ слуховъ.

Таково, напримѣръ, письмо, отправленное изъ Египта. Недоброжелатели Жозефины поторопились довести Наполеону о ея послѣдней измѣнѣ—увлеченіи нѣкимъ Иполитомъ Шарль, адъютантомъ генерала Леклеръ. Случайно Евгений Богарне слышалъ этотъ разговоръ и пишетъ матери:

«Ты знаешь, что я не вѣрю ни одному слову изъ всего этого, но генералъ (Бонапартъ) весьма омраченъ. Впрочемъ, онъ старается не показывать мнѣ этого и по прежнему, даже больше прежняго внимателенъ ко мнѣ. Онъ, точно, хочетъ показать, что дѣти не отвѣчаютъ за проступки родителей. Но я хочу вѣрить и вѣрю, что все это происки алчныхъ людей, и ты докажешь ему свою правоту...

Впрочемъ трудно приложить мѣрку морали нашего вѣка къ тому, что начало строиться на развалинахъ стараго режима, старухъ вѣрваній и старой морали, капуномъ котораго была гильотина для всѣхъ и каждаго, кто попадалъ случайно въ списки «неблагонадежныхъ».

Наоборотъ, не заключалась ли сила Жозефины въ этой неуловимости, въ постоянной тревогѣ Наполеона за ея любовь?.. Въдъ его характеръ—неугомоннаго завоевателя—ясно выразился всею его жизнью, и тихая любовь Валуевской не могла приковать его такъ прочно, какъ капризы и непостоянство Жозефины.

Дорога.

Вду-вду-вду, подемъ, лѣсомъ, подемъ...
За спиной—разлука, впереди—печаль.
Ну, да что?—смиримся, сердце приневолимъ,
Не смущайте, зори, не обманешь, даль!

Будь теперь, что будетъ: кончено, забыто...
Прочь, тоска! Что воешь, сердца не морочь!
Эй, стучи, телега, эй, живѣй, копыта,
Подемъ, лѣсомъ, подемъ—только-бы время прочь.

Растрясла мнѣ душу бойкая телега...
Думы, мои, думы—спицы въ колеса.
Что подѣлать съ ними, нѣтъ конца ихъ бѣга,
Рвутся—не удержишь, тѣ же, тѣ же вѣсѣ.

Стукъ, да стукъ колеса. Слышится мнѣ въ стукъ:

Нѣтъ тебѣ возврата, даль путь лежитъ.
Колеса, да слушай во хмелю разлуки,
Слушай, какъ телега дробезжитъ—бѣжитъ.

Лидія Ян. ЛИПКОВСКАЯ. Артистка заключила контрактъ на два года съ дирекціей Императорской оперы. 10 декабря она выступаетъ въ «Травіатъ», идущей въ пользу кассы взаимопомощи оркестра Мариинскаго театра.

Слушаю, смотрю я, подбѣваю долѣ.
То не пѣсни въ горлѣ—битое стекло.
То кручина пылью закружилась въ полѣ,
То не кони рвутся—горе понесло.

Эхъ, вы, кони, кони—кабы ваша сила!
Да моталось съ вами ужъ какой годокъ,
Укатали горки, горе износело...
Вскачъ, рысцою, шагомъ и—вставай, съ докѣ.

Встань и скинь злосчастье старое, больное,
Будетъ, Каишь, рысать, что тамъ ворожить!..

Ой, не то на мысляхъ, эхъ, кабы иное—
Крыльевъ, крыльевъ мнѣ бы, взвиться, покружить.

Ну, и завертѣлся-бы паренъ непутевый,
Да и тутъ же книзу, камнемъ, кувыркою.
— Мать-земля сырая, ужъ не будь суровой,
Принимай, не брезгай, довожусь сынкомъ.

— Не дури ты, нудный, блудный, очумѣлый,
Ужъ сидѣлъ бы сиднемъ!.. Ну, сизу, изволь,
Да съ душой нѣтъ сладу, и не милъ свѣтъ бѣлый,
И надежды нѣту, нѣту, ни отколь.

А. Бурнакинъ.

КАКЪ ВОЗОБНОВИЛИСЬ СПЕКТАКЛИ ВЪ ПАРИЖСКОЙ «GRAND OPERA».

Вагнеръ перефразируетъ! За нимъ—длинная вереница Набалуинговъ, на веревкѣхъ—лебеди изъ «Лоизигрина» и конь изъ «Валкирій». Подъ мышкой нѣмецкаго композитора—свитокъ декорацій 1-го акта «Парсифала», «420 метровъ».

Мелочи.

Альбомъ Вильгельма II.

Герой широкообшательной рекламы, Вильгельмъ II приложилъ достаточно усилий къ тому, чтобы быть въ глазахъ современниковъ и оставаться для потомства универсальнымъ человекомъ. Много писали уже на эту тему, но до сихъ поръ недостаточно освѣтили связь Вильгельма съ искусствомъ...

«Der Kaiser und die Kunst»,—гласитъ обложка прекраснаго изданнаго тома, котораго Вильгельмъ II неизменно вручалъ каждому извѣстному художнику, принимаемому имъ въ частной аудіенціи.

Это, въ сущности, альбомъ рисунковъ эскизовъ, набросковъ и чертежей императора, сдѣланныхъ имъ въ разное время, при разныхъ обстоятельствахъ и собранныхъ въ одно цѣлое съ цѣлью доказать разнообразіе художественнаго дарованія кайзера.

Въ ложѣ театра онъ беретъ программу и зарисовываетъ на оборотѣ ея недостатки постановки, проводя параллель между «такъ есть» и «такъ должно быть». На офіціальномъ обѣдѣ онъ вдохновенно изображаетъ, при благоговѣйномъ молчаніи присутствующихъ, «символическую картину или сцену великаго прошлаго Германіи».

Такъ, 12 декабря 1895 года на обѣдѣ въ собраніи 1-го гвардейскаго пѣхотнаго полка, кайзеръ набросалъ эскизы битвы при Сентъ-Прива. Сложная композиція этого рисунка, гдѣ видны и горящія села, и дымъ битвы, и трупы, разбѣянные повсюду,—ясно говоритъ за то, что это не была импровизація, а тщательно подготовленный «урокъ». Внизу Вильгельмъ II приписалъ размахиваемъ почеркомъ: «Эскизъ картины, которую я предназначаю моему старому, доблестному полку».

Нѣтъ отрасли искусства, которой бы Вильгельмъ не испробовалъ! Баталистъ, декораторъ, архитекторъ, керамистъ и ювелирный рисовальщикъ,—онъ хватается самоувѣренно за все. Его альбомъ въ этомъ отношеніи очень характеренъ.

Для ознаменованія дня своей серебряной свадьбы онъ нарисовалъ аллегорическій медальонъ: ангелъ охватываетъ цѣлующими гирляндами портреты обоихъ августѣйшихъ супруговъ. А на слѣдующей страницѣ находимъ чертежъ Вильгельма-архитектора: планъ колокольни церкви Спасителя въ Иерусалимѣ, сооруженной на средства кайзера. Подпись гласитъ: Вильгельмъ, архитекторъ, 4/VII 1893.

Далѣе идетъ проектъ надгробнаго памятника графини Альзенслебенъ. Это попросту плагиатъ—копія памятника Абельяру и Элонгѣ на Монмартрскомъ кладбищѣ Парижа. Внизу подпись гласитъ, что кайзеръ нарисовалъ этотъ проектъ въ сочельникъ 1900 года. Не успѣваемъ мы переварить эти впечатлѣнія, какъ находимъ кайзера въ роли орнаментиста. Передъ нами «Кубокъ»,—полученный отъ Вильгельма въ качествѣ перваго приза на кильскихъ морскихъ гонкахъ. Полное безвкусіе этого кубка, сдѣланнаго съ орнаментовъ фаянсовой печи, можетъ привести въ содроганіе истиннаго художника.

Но и геральдическіе рисунки не чужды ему.—въ этомъ онъ соперничаетъ съ однимъ изъ своихъ предковъ—курфюрстомъ-избирателемъ Фридрихомъ II «Желѣзнымъ Зубомъ» (Eisenzahn), какъ его прозвали современники.

Символика наша выраженіе въ знаменитомъ рисункѣ «Желтая опасность», который былъ отправленъ кайзеромъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ и вызвалъ всюду немалое изумленіе.

Возвращаясь, написанное внизу этой аллегорической картины рукою императора, звучитъ жестокой ироніей въ наши дни. Оно гласитъ: «Народы Европы! Охраняйте ваши священныя сокровища!» Это относится, положимъ, еще къ 1895 году!

Цѣлая серія архитектурныхъ проектовъ, одинъ тяжеловѣснѣе и безвкуснѣе другого, заполняютъ многочисленныя страницы императорскаго альбома.

Любопытно отмѣтить, что футуризмъ, кубизмъ и прочія новѣйшія вѣянія сильно отразились на «творчествѣ» кайзера. Его памятники, колокольни, ратуши, кости курортныхъ памятниковъ стали еще безформнѣе, тѣмъ были до того. На проектѣ главнаго почтамта Карлсруа, онъ пишетъ: «Sehr schön», чтобы не обезкуражить баденское правительство. Но... тутъ же онъ безжалостно

передбываетъ весь проектъ, уничтожая цѣлыя фасады.

Впоследствии выяснилось, что сотрудникомъ въ этой работѣ онъ взялъ архитектора, планъ котораго былъ отвергнутъ баденцами.

Открытие въ Заальбурѣ остатковъ древняго римскаго лагеря дало поводъ Вильгельму II объявить себя археологомъ. Совмѣстно съ Момсеномъ, онъ принималъ въ раскопкахъ горячее участие, старательно раздвигая значеніе его при помощи самой беззастѣливой рекламы. Окончаніе работъ было завершено великолѣпнымъ празднествомъ. Фигуранты, въ костюмахъ древнихъ Римлянъ, призваны были окинуть грандіозный мертвый пейзажъ далекаго прошлаго.

Многіе помнятъ еще, навѣрное, бурю негодования, которая вызвала была въ Эльзасѣ реставраціей стариннаго феодальнаго гнѣзда Габсбурговъ,—замка Хох-Кенигсбургъ. Эти живописныя руины, затеряныя въ вѣковомъ лѣсу, весьма почитались населеніемъ, какъ реликвія прошлаго, и новый замокъ, возростій на мѣстѣ развалинъ, вызвалъ самое искреннее негодованіе Эльзасцевъ. Конечно, окончаніе работъ было отпраздновано со всею помпозностью, столь любезной сердцу коронаваннаго актера. На дѣстнилахъ стояли шалерами; унтер-офицеры мѣстнаго гарнизона, переодѣтые ландскнехтами, у дверей были часовые-аллебардисты, въ залѣ швейцарской стражи разбросаны были театральныя живописныя группы Швейцарцевъ-гвардейцевъ.

Вильгельмъ былъ шумно-веселъ, требовалъ отъ присутствовавшихъ одобренія своимъ планамъ, острель и изощрялся въ каламбурахъ.

На узкой витой дѣстницѣ старой башни, подвергшейся лишь ремонту, Вильгельмъ, со смѣхомъ, читалъ по стѣнамъ надписи, сдѣланныя туристами. Онъ нашелъ инициалы «S. T.», а невдалекѣ отъ нихъ стояло имя «Wilhelm».

— Видите, меня при жизни произвели въ святые!—замѣтилъ онъ съ самодовольнымъ смѣхомъ.—Здѣсь написано: «St. Wilhelm».

Въ огромной кухнѣ замка съ колоссальной печью онъ принялъ идилически-буржуазный видъ и замѣтилъ мечтательно:

— Когда я приѣду сюда съ женой, я буду отправлять ее на рынокъ въ

Кольмаръ за провизіей. Каждую субботу мы будемъ сами печь хлѣбъ въ этой печи и накопимъ окороковъ и гусей на зиму.

Такого же рода реставраціи подвергъ онъ и старый Гейдельбергскій замокъ,—древнюю резиденцію рейнскихъ пфальцграфовъ.

Археологи Гейдельбергскаго университета говорили по этому поводу, что на фасадѣ слѣдовало бы начертать надпись: «Destruendo aedificat», т. е.—«сооружая, онъ разрушилъ».

Вильгельмъ не довольствуется тѣмъ, что наводилъ Германію безвкусными памятниками и зданіями; онъ пытается экспортировать плоды своихъ творческихъ досуговъ и въ другія государства. Но Парижъ вѣжливо отклонилъ честь получить статую Бетховена, для которой кайзеръ нашелъ даже уже заботливо мѣсто: на перекресткѣ Мюеттъ, у въѣзда въ Булонскій лѣсъ.

Америка, Норвегія и Италия получили цѣлый транспортъ такихъ подарковъ, приводящихъ въ отчаяніе художниковъ. Больше всего обиженымъ оказался въ этомъ отношеніи Римъ. Вильгельмъ испортилъ поэтическій и изящный паркъ Боргезе аляповатой и громоздкой статуей Гега.

У подножія статуи раскинулась толстая, неулыбкая женщина, похожая на дѣвуху изъ биргалле. Въ концѣнціи кайзера это... Миньона! Поэтическая, очаровательная Миньона — и эта ужасная, самодовольная «Germania», воплощающая ее по замыслу императора!

На послѣднихъ страницахъ альбома мы находимъ весьма многозначительныя рисунки, объясняющіе психику Вильгельма лучше и ярче, нежели сотни исписанныхъ страницъ.

Таковъ, напримѣръ, проектъ памятника для «Погибшихъ въ 1870 г. гвардейцевъ». Черная колоссальная фигура, застывшая въ позѣ зловѣщаго генія, опирается на штырь. Глядя на него, невольно вспоминаешь Люцифера—духа зла! И этотъ Люциферъ, мрачный и угрюмый, водруженъ на пьедесталѣ въ стилѣ рококо, разукрашенный сагитментальными медальонами стиля Людовика XVI.

Или аллегорія на двухъ панно. Она носитъ громкое названіе «Рахъ»—«Миръ». Человѣкъ въ пламѣ стоитъ въ напряженной позѣ предъ порталомъ романскаго стиля. Сквозь полуоткрытую

дверь видна группа людей, вооруженныхъ мечами и копьями. Они косятъ и рубятъ колѣнопреклоненныхъ враговъ. Далѣе, на заднемъ планѣ — какой-то хаосъ поднятыхъ съ мольбою рукъ, отрубленныхъ головъ, лежащихъ во прахѣ труновъ... И подъ этимъ начертано: «Рахъ! Миръ!»

Другое панно изображаетъ дверь римской тюрьмы, свабженную крѣпкими замками и засовами. По сторонамъ жемчужныя кольца, въ которыхъ, вѣроятно, будутъ прикованы противники мира.

Эта мрачная дверь охраняется львами, у нихъ ноги валются растерзанными, окровавленными орлы. Подъ гигантскимъ прессомъ раздавлены другія аллегорическія животныя. А внизу подпись: «Германія покровительница мира» и—Niemand zuliebe, Niemand zuliebe (Миръ безпристрастный, гдѣ не будетъ принята во вниманіе ни личная любовь, ни страданія).

Вотъ какіе представляется себѣ кайзеръ «миръ»! Ни одного цѣпка, ни вѣтки, ни колеса... ничего изъ того, что символизируетъ миръ въ глазахъ всего мира.

Послѣ пересмотра этого альбома, у каждаго художника является убѣжденіе, что заглавіе «Der Kaiser und die Kunst»—не что иное какъ злая иронія; что «кайзеръ» и «искусство» не сопоставлены, а противопоставлены въ немъ.

лѣтней резиденціи Сигайфъ, королевская семья въ семь часовъ утра уже на ногахъ. Въ 8¼—первый завтракъ, послѣ котораго король и королева убѣгаютъ верхомъ. Къ 10 часамъ король возвращается для пріема министровъ, а королева продолжаетъ зачастую прогулку одна.

Къ часу за завтракомъ собирается вся королевская семья и бываетъ всегда нѣсколько приглашенныхъ.

Министры, являющіеся съ докладомъ, обыкновенно удерживаются королемъ на завтракѣ.

Послѣ этого король посвящаетъ часа 2—3 военнымъ задачамъ. Вообще онъ увлекается арміей, слѣдитъ самъ за передвиженіями и назначеніями офицеровъ, лично присутствуетъ на всѣхъ маневрахъ и живо интересуется жизнью и бытомъ военной среды.

Съ 4 до 7—частная аудіенція короля, а въ 7¼—обѣдъ, почти всегда въ интимной семейной обстановкѣ.

Послѣ обѣда ситара и партія бильярда съ однимъ изъ адъютантовъ, а въ девять часовъ вечера король удаляется въ свой покой, разбираетъ корреспонденцію, читаетъ журналы и бесѣдуетъ съ королевой.

Королева Марія вполне разделяетъ взгляды супруга. Она всегда сердилась, когда ее называли Англичанкой и загладила: «Я Румынка».

Очень образованная и вѣжливая, она говоритъ на пяти языкахъ: французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, русскомъ и румынскомъ и слѣдитъ за всѣми новостями литературы.

Убѣжденная спортсменка, она проводитъ много времени на воздухѣ, великолѣпно ѣдитъ верхомъ и выѣзжаетъ, не смотря ни на какую погоду.

Полковникъ 4 полка Ротіори (красныхъ гусаръ), королева на парадахъ и смотрахъ становится во главѣ полка. Но въ то же время она образованная хозяйка дома и мать. Уютъ и комфортъ за дворцовъ напоминаютъ привлекательность англійскаго home, гдѣ на всемъ виденъ отпечатокъ заботливой женской руки.

Румынскій дворъ до войны.

Король Фердинандъ Румынскій по происхожденію германскій принцъ Зигмарингенскій Гогенцоллернъ.

Въ 1889 году король Карлъ, окончательно потерявшій надежду имѣть наследника отъ своей супруги Елисаветы де Виль, болѣе извѣстной подл литературнымъ псевдонимомъ Карменъ Сильва, призвалъ своего племянника Фердинанда.

Въ 1893 году принцъ женился на притчессѣ Маріи-Александрѣ Саксен-Кобург-Готской, дочери Альфреда герцога Эдинбургскаго, ея высочества Маріи Александровны, августѣйшей тетки Императора Николая II.

Отъ этого брака родилось шесть дѣтей—три сына и три дочери. Жизнь при румынскомъ дворѣ вѣдетъ самая патриархальная. Въ Букарестѣ или въ

на обѣдѣ гнѣхотнаго въ битвы мпаловка ррнція се-сѣбянные что это по-но подго-гельмъ II очеркомъ: рдназна-у полку.

орой бы Вате-ль, кера-нищикъ,— все. Его очень ха-

серебря-огориче-атываетъ еты обо-а на слѣ-чертежъ съ коло-усалимъ, ара. Пол-интекторъ,

пробнаго Бентъ. Это нка Абе-мъ клад-гласить, роектъ въ наемъ мы къ нахо-ментности. нный отъ го призна-е. Полное знаго съ молютъ наго ху-

и не чу-ласть съ курфюр-ъ П. Же-какъ его

СЛѢДЫЕ

Если Вы желаете восстановить Ваши волосы въ прежній естественный цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и не замѣтно для окружающихъ знакомыхъ возвращаетъ имъ естественный цвѣтъ.—Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которые имъ пользовались.—Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

== СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ. ==

Писните немедленно! не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ.

Лабораторія КАЛЬТОКО,
МОСКВА, Фуркасовскій пер., домъ—109 А. Т.

Волосы!

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО и ГЛАВНОЕ.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, Батардъ и пр. 205 рис. и черт. въ текстѣ, транспортантъ и тетрадо-держатъ. Новѣйш. самоучка, для преподава. почерка въ короткій срокъ. Глаза, вышив. образъ на конторкѣ, скорост. Цѣна за полный курсъ съ прилож. и перес. 2 рубля.

ПРАВОПИСАНІЕ русск. яз. Новѣйш. руковод. для самообразован., со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затруднител. вышум., и словъ съ буквою В. Всѣ правила легко усваиваются помощью

121 упражн. и систематическаго ключа. Самоуч. больш. форм. 120 стр. убороч. шрифты. Цѣна съ пер. 2 руб. 50 коп.

СТЕНОГРАФІЯ (искусство писать со скоростью рѣчи) полный курсъ для самообразованія, 268 страницъ. Цѣна 3 руб. 0 коп.

СПРАВОЧНИКЪ, какъ поступить на службу въ казенн. и частн. учр. формы прошен., писемъ, какія бумаги должно принести, чтобы обрѣсти себѣ службу. Цѣна съ пер. 1 рубль.

При посылк. налогъ, плат. на 25 в. дорожн.

Адр.: Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ»—Петроградъ, Б. Румянск., 7—11.

The English Photo-Studio
М. НАППЕЛЬБАУМЪ.
Невскій, 72. Телеф. 140-26.

Художественныя фотографич. снимки въ стилѣ старинныхъ гравюръ и офортовъ.

ВИНОКЛИ ЦЕЙСЪ

и другіе офицерскіе военные новыя лучшаго образца 6, 8, 10 и 12Хемъ.

СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ
ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33.

НЕ СМѢШИВАТЬ СЪ ПОДЪЛКАМИ

англійскіе, долго горящіе
== ЭЛЕКТРО-ФОНАРИ ==

Складъ новыхъ изобрѣтеній
ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33

ВОЗЪЖАНИЕ ПОДЪЯКЪ ТРЕБУЕТЪ МАРКУ

ПРИ ИСТОЩЕНІИ

При истощеніи и ослабленіи организма послѣ изнурительныхъ болячекъ, рекомендуется употребить, какъ высоко питательное и укрепляющее средство **«Лециталь» МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.**

Всѣхдѣтвіе содержанія въ **«Лециталь»**—сильно-питательнаго и укрепляющаго химическаго тѣла лецитина, гемоглобина (составъ красныхъ кровяныхъ шариковъ) и мальтозы (аэробактеріальное вещество соеода). **«Лециталь»** вполнѣ заслуживаетъ много между питательными и укрепляющими средствами при малокровіи и нервнои истощеніи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ:

Въ виду повсильнаго въ прозаикѣ поддѣлки кредитныхъ для здоровья, требуйте **«Лециталь» МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.** Каждая Коробка снабжена фабричной маркой, рисункомъ который адѣсь напечатанъ. Безъ фабричной марки на коробкѣ, это есть кредитъ никажда негодная поддѣлка.

Продажа **«Лецитали»** во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаз. Брошюра выслана бесплатно. Цѣна 1 кор. **«Лецитали»**—5 руб. 50 коп. двойная кор.—10 руб.

Цѣнный складъ Доло: Медико-Фармацевтическаго Товарищества
Петрограда, У. Невскаго—Садовая 15, отд. —014

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 14658

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 24 ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА (6 ЯНВАРЯ 1917 ГОДА).

№ 14658

Мадонна съ Младенцемъ («La Uierge au bas-relief»)
Картина Леонардо да Винчи.

годъ

къ“

XXXVI.
нед.
пьеса.
унковъ.
ггателей
ностран-
евъ.
ерес.
тур. 3 р.
ростъ.

КО“

днаго
р. шк.,
анія, со
нотами

ЧКИ“.

ничекъ
сылкой.
ип.

НЕНИЕ“

ттанія.
привствъ.
ь, семь 7.
фа.
сылкой.
кл.

нгенъ.
ловъ:
Я, 37.
во.

ІЯ,

ЦА,

кожи
овонд
айшей
въ 30
Вти-
нхами
свъ-
ловонъ
аззре-
ь.

Рождество.

Изъ Верхарена.

Громады грозных тяжелых облаков,
Нависших над землей и храмами Латиня,
Метали тлетно глѣвъ въ небесныя пустыни,
Пытаюсь свергнуть власть языческих боговъ.
Юпитеръ мраморный изъ своего чертога
Мирами управляетъ, презрѣвъ судьбы законъ,
И, царства губящій, могучій персть времени
Не въ силахъ былъ сорвать съ него величья тогу.
Но вѣтъ внезапно лучъ звѣзды простой,
Смиреной
Его смущаетъ, жжетъ и вѣсть несетъ
вселенной,
Что чудо свѣтлое во мракъ ея грядетъ.
И этотъ первый лучъ двоятъ и растеетъ,
И заграждаетъ, возставъ изъ глубины незримой,
Горашій кровью Крестъ стальное небо
Рима.

О. Г. Каратыгина.

Легенда о маленькомъ верблюдѣ.

Въ ночь, когда родился Младенецъ Христосъ, волхвы на Востокъ бодрствовали и изучали звѣзды. Внезапно новый свѣтъ появился на горизонтѣ. «Это звѣзда», — говорили одни. «Это комета», — утверждали другіе, и были всѣ смущены. Тогда одному изъ нихъ, Мельхиору, было открыто свыше, что видѣнный имъ свѣтъ не былъ ни звѣздой, ни кометой, но — звездою ангела, посланнаго вести ихъ къ мѣсту, гдѣ лежалъ Младенецъ Христосъ. Мельхиоръ пошелъ и рассказалъ собратьямъ своимъ о бывшемъ ему откровеніи, и рѣшено было, что трое изъ нихъ — Мельхиоръ, Гаспаръ и Балтазаръ — соберутся со всею поспѣшностью и послѣдуютъ за свѣтомъ, куда поведетъ ихъ ангелъ.

Между множествомъ верблюдовъ Мельхиора была одна верблюдица изъ великолѣпнаго стада, принадлежавшаго верховному жрецу — Магарай. Мельхиоръ рѣшилъ ѣхать именно на ней. Онъ выбралъ ее не за красоту и не за кроткій нравъ, — ни тѣмъ, ни другимъ она не обладала, — но за ея рѣдкую невтомимость и выносливость, способность выдерживать и вихрь, и палящее солнце и все тягости длиннаго пути. И такъ какъ предстоявшее Мельхиору путешествіе было, по священноуказанію своей, выше и чудеснѣе всѣхъ, когда-либо имъ предпринимавшихся, то онъ велѣлъ привести себѣ лучшія одежды, а верблюдицу приказалъ покрыть драгоцѣнными тканями, и самъ нагнѣлъ ей на шею новую священную цѣлѣбную повязку, закрѣпивъ ее священными узломъ.

Сдѣлавъ всѣ приготовления, Мельхиоръ преклонилъ колѣни, прося Небо даровать ему благополучный путь, какъ вдругъ жалобный пискъ раздался изъ хлѣва, и маленькое рыженькое существо, ковыляя на неуклюжихъ ножкахъ, подбѣжало къ Мельхиору, стало тереться мохнатой головой о его шелковые одежды и прижиматься къ верблюдицѣ. Мельхиоръ вспомнилъ, что въ ночь, когда появилась небесная свѣтъ, у верблюдицы его родился верблюжонокъ.

Въ смущеніи не зная, что дѣлать. Оставить его дома? Онъ этимъ обрекалъ его на вѣрную смерть. Позволить ему слѣдовать за матерью? Но какъ такое крошечное существо могло перенести тяжелое путешествие? Однако, все уже было готово къ отбѣду, размыслить было некогда, и, ве-

лѣвъ слугамъ держать верблюженка, Мельхиоръ взошелъ на верблюдицу; но тщетно побуждалъ онъ ее идти: верблюдица не трогалась съ мѣста, угрожая сбросить и укусыть своего хозяина, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока слуги, по приказанію Мельхиора, не отпустили верблюженка. Мельхиоръ сошелъ на землю, нагнѣлъ на шею верблюженку маленькую священную повязку, безъ чего ни одно животное не могло отправиться въ священное путешествіе, потомъ снова сѣлъ на верблюдицу и тронулся въ путь, въ сопровожденіи собратьевъ своихъ и многочисленныхъ слугъ, вознихъ драгоцѣнные дары — золото и смирну. А маленькое рыженькое животное съ мохнатой головой побѣжало рядомъ съ верблюдицей-матерью, переваливаясь на своихъ неловкихъ ножкахъ.

Такимъ образомъ слѣдовали волхвы за свѣтомъ, который не былъ ни звѣздой, ни кометой, и подошли они къ Евфрату. Рѣка вдулась отъ зимнихъ дождей, стала глубокой и бурной. Сначала переправились черезъ нее вѣдники, составившіе охрану путешественниковъ. Потомъ о трѣхъ была за Мельхиоромъ, верблюдица котораго вела за собою караванъ. Но едва ступила она въ воду, какъ маленький верблюжонокъ началъ отчаянно кричать, съ ужасомъ бросаясь въ сторону отъ бышено мчавшихся волнъ. Снова верблюдица-мать отказалась идти. Тогда Мельхиоръ, скакавшій надъ верблюженкомъ, помѣстивъ его, крѣпко привязавъ, ей на спину. Самъ онъ вынужденъ былъ временно пересѣсть на коня одного изъ слугъ. Верблюдица вошла въ рѣку, доволная и спокойная, а потомъ, достигнувъ берега, опустилась на колѣни передъ Мельхиоромъ, а тотъ отвязалъ верблюженка, поставивъ его на землю и въ третій разъ сѣлъ на верблюдицу.

Медленно подвигаясь къ западу, пришли они къ мѣсту, гдѣ дорога шла между голыми скалами надъ безплодными каменистыми холмами. Кругомъ не было ни влаги, ни растительности. Съ трудомъ удавалось путникамъ находить пропитаніе для своихъ животныхъ. Верблюжонокъ, утомленный, печально измѣрялъ своимъ маленькими шажками и, глядя впередъ большими кроткими глазами, казался, спрашивая: «Долго ли намъ еще такъ идти?» Порою влеталъ свѣжій или песочный вѣтеръ, мѣшавшій имъ двигаться и по цѣлымъ днямъ задерживавшій ихъ на мѣстѣ. Верблюжонокъ бывалъ доволенъ этими вынужденными остановками.

«Источникъ Волхвовъ» указываетъ въ настоящее время путь, которымъ шли восточные мудрецы. Тихо звѣзда вела ихъ, пока они не достигли Иордана, и какъ только они перешли рѣку, звѣзда скрылась. Передъ ними лежалъ Иерихонъ, но они знали, что Мессія долженъ быть рожденъ не здѣсь, и направились прямо къ Иерусалиму. Отсюда, послѣ встрѣчи съ воинами царя Ирода и краткаго пребыванія у самого Ирода, двинулись они въ Вифлеемъ, и звѣзда снова засіяла передъ ними.

Тѣмъ временемъ маленький верблюжонокъ окрыпъ, сталъ сильнѣе, его ножки потеряли свою неподвижность, и ему захотѣлось прыгать и играть. Дѣти, встрѣчавшіяся имъ, ласкали верблюженку, гладили его блестящую спину, украсили шею его гирляндами и полили его прохладной водой изъ блестящихъ сосудовъ.

И такъ подошли они къ Вифлеему. Тутъ тихо остановилась звѣзда, и тихо было надъ мѣстомъ, гдѣ лежалъ Спаситель. Волхвы увидѣли Иисуса, пали ницъ и поклонились Ему. Въ это мгновеніе оббѣжалъ маленький верблюжонокъ и сталъ сначала прыгать и рѣваться, а потомъ склонилъ колѣни передъ Младенцемъ, словно прося Его ласки. Пресвятой Младенецъ затрепеталъ отъ радости.

Воспоминаніе объ этомъ свято сохраняется на Востокѣ: каждый годъ въ сочельникъ дѣти Востока выставляютъ за двери кувшины съ прохладной водой для маленькаго верблюда, который шествуетъ къ Иисусу.

Жуткая ночь.

I.

Капитанша Капитолина Павловна Заковерская оправдала кружевную косынку, заколотую брошкой съ фальшивымъ аметистомъ, и начала.

— Лѣтъ десять, какъ это со мной случилось, а сейчасъ вспомню — мурашки забѣгаютъ, до гроба не забуду.

Начало такъ заинтересовало полковыхъ дамъ и офицеровъ Н-скаго полка, собравшихся на вечеринку къ полковому командирю, что общій хоръ: «Расскажите, пожалуйста!» — былъ на него отвѣтомъ.

И капитанша повела рассказъ, подробно, образно.

— Въ тотъ годъ мы стояли въ городѣ В-скѣ. Городишко — такъ себѣ; хуже бывають. Кружокъ, разумеется, свой, полковой... Живешь день за день.

Я молодая замужъ вышла, всего четыре года въ супружествѣ находилась.

Мы съ мужемъ до свадьбы ужасно влюблены были и долго влюбленными себя чувствовали.

Да и теперь Мишенька мой нѣтъ-нѣтъ, да и скажетъ въ критичную минуту: «А вѣдь ты, Капочекъ, еще и сейчасъ авантюристка!»

А чего тамъ; сѣдой волосъ глядитъ!

Ну, да это къ разсказу не относится.

Такъ и жили мы очень счастливо и спокойно — разлука, хоть и недолгая. Мужъ командировку получилъ и за нѣсколько дней до Рождества уѣхалъ и денщика съ собой увезъ.

Я же сама настояла, пераха мужъ былъ большой и какъ одинъ, бывало, поѣдетъ, непремѣнно бѣзья не досчитаешься.

Лучше, думаю я, какую-нибудь кемудру бабу возьму; потому что безъ женской прислуги, какъ хотите, — неудобно.

Проводила мужа, поплакала слегка и начала насчетъ прислуги раздумывать.

Съ вѣтра брать не хотѣлось. Попробу, — рѣшила, — нашу одну поручицу.

Она — хозяйка хорошая, всегда сама закупки дѣлаетъ, и, значитъ, кругъ знакомства имѣетъ...

И пошла.

Прихожу, а поручица на кухнѣ тѣсто для пирога раскатываетъ.

— Ахъ, — говоритъ, — pardon...

— Ничего, отвѣчаю, — я сама всегда этимъ занимаюсь.

Окопчила она свое занятіе и пригласила въ гостиную.

— Съ большимъ удовольствіемъ могу вашу просьбу исполнить, — говоритъ, — у моей няньки знакомая баба изъ деревни прѣѣхала и мѣста ищетъ. Я вамъ ее сегодня же пришлю.

Поблагодарила я ее и домой собралась.

— Приходите, ma chère, на праздничкахъ, — пригласила поручица.

— Ваши гости.

Вернулась я домой — пусто, скучно...

Начала уборку помещенію.

На утро является новая прислуга.

Взглянула я: баба высокая, худая, нескладная. Шелкъ плетня, вѣсь лепешкой, а глаза... Ей-Богу, не встрѣчала такихъ.

Свѣтлые, прямо, оловянные и словно пустыше. Даже неприятно.

«Вотъ такъ физія», — думаю. Но разбираться красоту, такъ безъ кухарки насидишься.

— Стрипачъ умѣешь?

— Умѣю...

— Что именно?..

— Голубцы.

— А еще что?

Мелчить.

Такъ кромѣ голубцовъ ничего я и не добилась. Впрочемъ, этотъ вопросъ меня не слишкомъ заботилъ. Я сама всегда стрипала и очень это дѣло любила.

Хозяйка была и съ молоду, могу чокхвалиться.

Сговорилась насчетъ жалованья. Совершенно къ деньгамъ равнодушна.

— А какъ звать?

— Нимфадоръ.

— Значить — Нимфа! Ну, думаю, такъ и ахчетъ мужъ, какъ эту Нимфу увидитъ.

— Что же, — спрашиваю, — за вещами своими сейчасъ пойдешь, или останешься?

— Я опосля схожу.

И осталась.

До праздника одинъ только день, сочельникъ, оставался.

— Ну, — сказала я Нимфѣ, — теперь дамъ тебѣ тряпочку, щетку, и убирай кухню.

Смотритъ на меня, вытараща глаза. Не то дура, не то оробѣла. И вспомнилась мнѣ мамаша-покойница.

— Никогда на первыхъ порахъ прислугу не запугивай, — всегда она бывало говаривала.

— И умная за дуру покажется. Чужой домъ — темный лѣсъ.

И я этимъ правиломъ и понынѣ руководюсь.

— Ну, приказываю, — бери щетку, мети!

Возить по полу, а пыль за собой оставалась. Подку мыть начала, чуть всю посуду не грохнула.

— Ну, — думаю, — ничего-то баба не стоитъ.

И ужъ хотѣла ей цѣлкомъ дать, и отослать, да пожалѣла.

Праздникъ великій, а она безъ мѣста. Прѣѣдетъ мужъ, прѣѣдетъ Васильченко, тогда дамъ ей подарочекъ и жалованье — и съ Богомъ...

Убралась кое-какъ.

Отѣлась я и собралась рѣзкомъ въ магазинъ купить кое-чего. Дворнику приказала присматривать за квартирой.

— Новая кухарка, — кто ее знаетъ, какая она...

Вернулась домой черезъ четверть часа, звонила-звонила — не отирается. Прошла съ чернаго крыльца.

— Что же, говорю, на звонокъ не отперла?

— Я думала — полость... Горитъ гдѣ.

— Ну, кухарка!..

Разобрала покупки, наложила ей вѣской вѣчины: колбасы, масла, вѣчины для праздника, и повесла.

— Это тебѣ... Сейчасъ вѣтъ не станешь скоромное, такъ спрячь, а здѣсь въ шкафу картофель есть и хлѣбъ.

— Не хочется.

Ушла я къ себѣ. И такая, скажу вамъ, на меня скупа напала, хотѣ плачь. Тышина, все прибрано, все блестящее... и никого. Хотѣ бы по-старому Васильченко мой былъ, и то веселѣе было бы.

Бывало, какъ мужа нѣтъ, прѣдетъ ко мнѣ.

— Дозвольте, ваше благородіе, на баладайтъ сыграть.

Разумеется, дозволишь.

Мужа онъ моего любилъ и уважалъ выше мѣры.

— Мой баринъ...

Какъ тотъ крикнетъ бывало:

— Васильченко!

Съ ногъ собьетъ, и на меня не посмотришь: «Его благородіе зовутъ».

Зажгла я лампаду передъ образами, портретъ мужа на столъ поставила и сѣла ему письмо писать.

Хотѣ мысленно съ нимъ праздникъ встрѣтить.

Написала; гляжу, около 11 часовъ, вѣтъ не хочется. Спать — больше нечего

дѣлать. З
ию погл
Гляжу
горятъ,
делать,
вельсь, г
неприятн
— Че
Поздно у
Встала
не разд
«Нѣтъ,
Не чело
раха, на
Пришла
легла.
Но син
Вороча
И все пр
ву и меч
Какъ
встрѣтил
началь...
мнѣ въ т
пуч, мор
Хорошее
а все не
И так
плачь.
И, на
И стра
вѣнній...
Увидѣл
И день
и по это
такъ и з
И глян
въ полно
къ нему,
тельно м
— Две
запри две
И син
Прослу
словно ст
— Две
Вскочи
положила
Легла
могу.
Темно,
Долга зим
И вду
когда тру
скую кам
а тутъ ст
Жутко
Лежу,
И вотъ
тихо отв
жезлы, с
Сердце
Все бл
тишли.
— Бат
Нимфо
спальни?
вати, др
чегъ.
Оклина
какъ въ
Что же
Слышу
щуаешь,
розъ по
этакъ не
когда, и
Господи
тишь?..
Но она
держала
— Чт
ся.—это
Перест
уходить.
Да как
и привок
Да и с
ся, какъ
Нажал
творю. П
леть...
Что, д

двдуть. Захожу передь спомъ въ кухню поглядеть, что моя баба дѣлаетъ.

Гляжу: лампа огромнымъ пламенемъ горитъ, закуски на столѣ не тронуты лежать, а Нимфа сидитъ у стола не шевелась, глазами въ стѣну уперлась. Даже неприятно сдѣлалось.

— Чего ты, говорю, не ложись? Поздно уже. Погаси лампу и ложись.

Встала, молча на лампу дунула и легла не раздвываясь.

«Нѣтъ, подумала я, не годиться, милая. Не человекъ, а амфибія какая-то. И перья, и хвостикъ, страшная».

Пришла я въ спальню, раздвинула и легла.

Не спится...

Ворочаюсь съ боку на бокъ—нѣтъ сна. И все прошлое и недавнее, такъ въ голову и мечется.

Какъ я Мишеньку своего впервые встрѣтила, какъ ухаживать онъ за мной началъ... Какъ въ кинематографъ руку мнѣ въ темнотѣ подалъ... И ночь звездную, морозную и его первый поцѣлуй. Хорошее было время! И сейчасъ хорошо, а все не то...

И такъ я опять загрустила, хоть плачь.

И, наконецъ, уснула.

И. И странный сонъ приснился мнѣ, сонъ вѣрный...

Увидѣла я поле ржавое, колосистое. И день, будто, жаркій, знойный. И иду я по этому полю, по мѣлѣ, а колосья такъ и захлестываютъ.

И гляжу: мужъ мнѣ навстрѣчу идетъ въ полной парадной формѣ. Я бросилась къ нему, обнимаю, а онъ такъ повелительно мнѣ да сурово говоритъ:

— Дверь запри!.. Сейчасъ же немедля запри дверь!

И сгинулъ...

Проснулась, сердце бьется и въ головѣ словно стучать еще его слова:

— Дверь запри! Вскочила я и, словно по его приказу, наложилась крючокъ.

Легла опять и уже совѣсть спать не могу.

Темно, глухо... Лампа тускло горѣла... Долга зимняя ночь.

И вдругъ страхъ на меня валилъ... Никогда трусихой не была. Мужа въ Японскую кампанію проводила и духу не теряла, а тутъ страхъ.

Жутко: безъ причины жутко...

Легу, пошевелиться боюсь...

И вотъ слышу—изъ кухни дверь тихо отворяется... Шаги по коридору: тяжелые, словно мужскіе...

Сердце такъ во мнѣ и замерло. Все ближе... ближе... У моей двери затихли.

— Батюшки мои!.. Да вѣдь это она!.. Нимфодора... Что же ей нужно около спальни?.. Приподнялась я, сѣла на кровати, дрожу вся, а сама не знаю отъ чего.

Окликнуть ее хочу,—голоса нѣтъ. Вотъ какъ въ кошмарѣ.

Что же, думаю,—отъ нея будетъ?..

Слышу у двери топчетъ, руками щупаетъ, да вдругъ... Ой, даже сейчасъ морозъ по кожѣ пробирается... Вдругъ начала втакъ ногтями царапать, какъ кошка когтями, сверху внизъ.

Господи!.. Да она безумная или лунатикъ?..

Но она все скребетъ... Наконецъ, не выдержала я. Встала, подошла къ двери.

— Что ты,—крикнула, голосъ вернулся.—это дѣлаешь? Ложись спать!..

Перестала на минуту, а слышу—не уходитъ, дышетъ тяжело...

Да какъ реветъ дверь!.. Такъ крючокъ и привскочилъ...

Да и стала кричать, грубо, гадко ругаться, какъ пьяный мужикъ...

Нажалъ я рукой крючокъ, стою, молитву творю. Потъ холодный градомъ съ меня льется... Сердце выскочить хочетъ.

Что, думаю, дѣлать?..

Дворника кричать, такъ не докричишься, жильцовъ больше кромѣ насъ нѣтъ, да и отъ крючка отойти боюсь... И вдругъ слышу: ушла она, шаги затихли...

И вѣрите ли: я все-таки всю ночь около двери на стулѣ просидѣла и крючокъ сторожила.

Наконецъ забѣлало на дворѣ; первый день Рождества насталъ, а я, какъ приговоренная, отойти не смѣю.

Слышу—дворникъ прошелъ. Подбѣжала къ форточкѣ, открыла, крикнула не своимъ голосомъ:

— Иванъ! Иванъ!

А сама опять къ двери. Онъ къ окну подошелъ, въ форточку глядитъ. Я ему:

— Голубчикъ, Иванъ,—дойти, погляди, что у меня въ кухнѣ прислуга новая дѣлаетъ. Она такое ночью творила, что не поймешь...

Иванъ пошелъ. Слышу его шаги по коридору.

— Барыня!—говоритъ—у васъ въ кухнѣ дверь открыта и кухня пуста.

Открыла я ему.

— На васъ,—говоритъ Иванъ,—барыня, лица нѣтъ...

— А ты спроси, какъ я жива осталась?—отвѣчаю.

— И Христомъ Богомъ прошу,—ты ее, Иванъ, и на дворъ не пускай,—прибавила я.

Иванъ меня успокоилъ.

Такъ и пронала эта странная и страшная женщина.

Кто была она?..

Безумная, вѣрнѣе всего, если не разбойница. Долго не могла я понять этого. Но тутъ еще удивительное обстоятельство объявилось: телеграмма отъ мужа.

«Телеграфируй. Безпокоюсь. Ужасный сонъ...»

Оказалось, мужъ въ эту самую ночь во снѣ видѣлъ, что ко мнѣ разбойники лѣзали и убить меня хотѣли, а онъ все кричалъ: «Дверь запри!»

— Доже по снѣ ихъ благородіе кричали,—подтверждалъ послѣ Васильченко. Я встрѣтила-таки еще разъ эту женщину, заставившую меня пережить смертный ужасъ.

Черезъ три мѣсяца послѣ случившагося на окраинѣ города была убита старая одинокая барыня. Убийцей оказалась только что нанятая кухарка.

Никогда я по судамъ раньше не ходила, а тутъ упростила мужа-пойти на разбирательство дѣла.

И пошли мы. И какъ увидѣла я преступницу въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ, между двухъ солдатъ со штыками на голо, какъ глянула на меня изъ-подъ бѣлаго холщоваго платка ея пустые глаза,—такъ и ахнула.

Она! Нимфодора!.. А сама трясусь какъ листъ осенній.

И конца дѣла не дослушала. Послѣ ужъ узнала, что ее на вѣчныя времена въ безумный домъ присудили.

Бѣдѣнь какая-то ужасная, манія убійства, у нея оказалась.

А я изъ суда-то, да прямо въ соборъ, да къ образу Владычицы. Плачу и молюсь.

А сонъ мой,—такъ я вѣщимъ его считала. Да оно такъ и есть.

Капитанша смолкла и, наливъ стаканъ клюквеннаго кваса, находившагося въ числѣ прочихъ угощений за столомъ, успокоила свое волненіе, переѣхала тему и заговорила о дороговизнѣ мяса, масла и прочихъ жизненныхъ продуктовъ.

Волнѣть.

Достойный человекъ.

I.

Это было на святкахъ 1860 года.

Юлія Степановна Чепчулина, жена частнаго пристава, особа роста малаго,

особенно когда надвѣвала на себя пыльный кристалль,—одно изъ характерныхъ изобрѣтеній XIX вѣка,—будила супруга своего, Ефима Кондратьевича Чепчулина, бывшаго нахануль на именинахъ у коммерсанта Чайникова, и потому воротившагося домой только въ четыре часа ночи. Привыкшиій просыпаться немедля, такъ какъ по его должности Ефима Кондратьевича будили среди ночи нѣрѣдко, теперь онъ съ трудомъ могъ быть доведенъ до сознанія окружающей его земной сферы, и духъ его все еще виталъ въ области весьма далекой отъ обстановки той части, гдѣ ему полагалась казенная квартира. Причиной этого была мадера, выпитая наканунѣ какъ Ефимомъ Кондратьевичемъ, такъ и присланными купца Чайникова, въ гиперболическомъ количествѣ. Когда высоко чтимый ситцевый и миткальный фабрикантъ Солонепкинъ сталъ жевать ухо одного изъ официантовъ—это было только первой стадіей лукулловскаго пищества. Что было потомъ—все застигалось какимъ-то сѣрымъ туманомъ, клубами, покрывавшими обширныя залы дома Чайникова,—и въ этомъ туманѣ скупо мерцали и гасли свѣчи отъ недостатка кислорода въ удущивомъ воздухѣ. Но все же смутное сознаніе долга теплилось въ мозгу Ефима Кондратьевича, и онъ на все растапливанья жены отвѣчалъ:

— Оставь,—безъ меня пусть...

Однако Юлія Степановна не отставала. Она говорила супругу, что никакого пожара нѣтъ. Но то, что произошло, было важнѣе десяти пожаровъ, и вставать надо было немедленно. Она была особа упорная и, взявшись за дѣло, доводила его до конца, что очень цѣнилось обывателями, нѣрѣдко обращавшимися къ ея содѣйствию,—и если она, загадочно помаргивая пухлыми глазами, нѣвуче говорила:—Что-жъ, можно,—значитъ, было можно,—и на ея обѣщаніе сдѣлать твердо положиться. И супругъ доверялъ ея упорство, зналъ, что ее не переспорить и что спать она все равно ему не дастъ. Поэтому онъ открывъ свои сѣрые глаза съ блѣками, налитыми кровью, и стараясь привести въ порядокъ мысли, которыя разбѣгались въ разныя стороны, какъ зайцы, вытряхнутое изъ мѣшка, спросилъ, сдвигая мохнатые брови:

— Что случилось?

Юлія Степановна увидѣла, что онъ въ состояніи воспринять членораздѣльную человѣческую рѣчь, даже самъ сподобясь ее издать, и не безъ торжественности заявила:

— Жаланиковъ померъ.

Ефимъ Кондратьевичъ задумался. Онъ смотрѣлъ на ленточку карниза, что отдѣляла потолокъ отъ обоевъ, съ нарисованнымъ на немъ греческимъ орнаментомъ, что называлось у архитекторовъ дантиклемъ, и потомъ, проговорилъ:

— Это нищій, что на саврасой лошади вѣдиль? Ну, царство ему небесное!

— Къ Матренѣ нашей прибѣла, сестра ея, что живетъ у протопопа, въ томъ же домѣ, гдѣ Жаланиковъ жилъ...

— Ну?

Юлія Степановна наклонилась къ уху супруга.

— Говорить, четыреста тысячъ осталось.

У Чепчулина сердце вдругъ екнуло, и глаза изъ миндалевидныхъ сдѣлались круглыми, какъ пуговицы.

— Четыреста?.. Врутъ!

Онъ сдѣлалъ въ воздухѣ жестъ рукой, точно написавъ какой кабалистическій знакъ, однако спустилъ мохнатые ноги къ туфлямъ, бодро стоявшимъ на своемъ мѣстѣ у кровати.

— Откуда у него можетъ быть четыреста тысячъ? Ну, вѣдиль на лошади лѣтъ пятнадцать... Ну, собиралъ по грошку...

Вдругъ частный приставъ точно подавился. Онъ точно что вспомнилъ. Ноги застыли въ туфляхъ, и онъ остался недвижимъ на кровати.

— Говорили, что онъ даетъ въ ростъ...

Наступило молчаніе. Романтики увѣряютъ, что во время такой паузы пролетаетъ тихій ангелъ. Глаза пристава вращались. Супруга взирая на него, предвкусывая дальнейшую судорожную дѣятельность.

Она не ошиблась. Онъ зычно крикнулъ:

— Отдѣваться!

Стекла дрогнули. Воробей, устоявшій было на окно, пугливо шархнулъ въ стору.

II.

Широкія сани, заложенныя карачовымъ жеребцомъ (лошади въ пожарной командѣ его части были карачовыя), съ усатымъ кучеромъ, мгновенно покатились у воротъ. Быстро, привычно, систематично натягивая на себя то то, то другое, одѣвался Ефимъ Кондратьевичъ. Жена только освѣдомилась у него:

— Чай не будешь сейчасъ пить?

— Не онъ ей на это отвѣтилъ:

— Четыреста? Врутъ! Откуда четыреста?

Она поняла, что чай не падо. Онъ вѣдиль въ высокія калоши, что теперь, въ эпоху, близкую эммансипаціи, появились даже на шинахъ полиціи, заведующая въ сѣрую шпатель, и на бравое прѣдствіе кучера: «Здравія желаю», только скомандовала:

— Въ домъ Пастухова!

— Гм! Четыреста!—думалъ онъ.—

Вѣдиль на савраскѣ, снималъ пуховый картузъ съ пѣшиной головы и сладко кланялся прохожимъ. Спрашиваю: «Что вѣдиль на лошади, а самъ милостивно просишь?»—А онъ отвѣчаетъ: «Милый, ходить не могу, ноги слабы, ноги стары. Пенсія нѣтъ. Жить-то надо. А много ли лошадка съестъ? Свѣца кучера дадутъ сосѣдніе. У жавозника попросишь ключокъ. Водичка—даромъ. Иногда овсеца ей перепадетъ. Она круглая,—потому что какал у меня вѣда: все шагомъ, все шагомъ».

Разъ говорю: «А ежели воспретить тебѣ публичное прошеніе?» А онъ отвѣчаетъ: «Милый, кому я мѣшаю? Хочешь, чтобы я убогимъ своимъ капиталомъ съ тобой поѣхалъ? Подѣлюсь. Хочешь, пятьдесятъ дамъ? Сѣренькую асигнацію въ пятьдесятъ? Все кушать хотѣть. И ты, милый, хочешь. Я понимаю. И пятьдесятъ тебѣ дамъ поэтому». И далъ. Развязалъ платокъ свой красивый дырявый, вынулъ изъ узелка и далъ. Даже жадности не обнаружилъ. Я говорю: небось, много денюжатъ у тебя? А онъ вздохнулъ и отвѣчаетъ: «Милый, что считать.—Богъ счета не любитъ».—Вотъ теперь померъ... Гдѣ же денюжка-то у него?

Комокъ снѣга больно ударилъ пристава по лицу: это карачовый жеребецъ вырвалъ шипомъ задняго копыта кусокъ изъ пазаженной дороги. Снѣгъ залѣпилъ ему ротъ. Онъ вытерся, отплюнулъ, и скомандовалъ кучеру: «Въ ворота!»

По узкой грязной лѣстницѣ онъ поднялся въ берлогу Жаланикова. Какія-то подозрительныя личности стояли у входа. Одинъ юркнулъ въ подвалъ, двое другихъ остались на мѣстѣ и вытянулись. Проходя мимо, Чепчулинъ освѣдомился:

— Какіе и откуда?

Одинъ, что былъ пошире, сказалъ: «Гробовщикъ». Другой что-то забормоталъ. Чепчулинъ погрозила, и замѣтилъ:

— Ты у меня смотри!

Что «смотри»,—онъ и самъ не зналъ, но сказалъ это на всякій случай. Онъ все-таки написалъ какой кабалистическій знакъ, однако спустилъ мохнатые ноги къ туфлямъ, бодро стоявшимъ на своемъ мѣстѣ у кровати.

— Ты у меня смотри!

«Приспоблаженная Дѣва» (La Beata Vergine).

Съ картины Сандро Боттичелли.

этому явлению особаго значенія приставил не придавалъ:—всегда такъ бываетъ, когда вакантнѣ переложилъ указанную для человека мѣру.

Въ кухнѣ ему встрѣтилась заплаканная баба. Она его не то что испугалась, а какъ-то подобралась прѣ видѣ его.

— Померь?—строго спросилъ онъ.

— Померь! Охъ, померь!—отвѣтила она.

— Тамъ лежать?

— Тамъ, на столѣикъ. И квартальный тамъ. Охъ, тамъ!

Чепчулинъ отбѣднѣлъ.

— Какъ, квартальный?

Онъ распахнулъ дверь и увидѣлъ квартального Пальгунцевича, съ повязанной постромокъ платкомъ щекой, изъ-подъ котораго съ обѣихъ сторонъ выставлялась красная суконка. Онъ что-то держалъ въ рукахъ, и при видѣ начальства такъ разстроился, что у него изъ рукъ все посыпалось. Онъ хотѣлъ наклониться, поднять, но такъ и остался съ растопыренными руками.

— Ты это что же?—выкатывая глаза, зашипѣло начальство, подхвѣвъ къ нему, нѣсколько присѣвши на согнутыхъ въ коленяхъ ногахъ.—Вѣдьто того, чтобы меня оповѣстить, чтобъ немедля дать знать, ты самолично...

Пальгунцевичъ поднялся, вытанулъ и началъ лепетать:

— Я не только что, а даже...

— Сейчасъ же все опечатать! Гдѣ печать?

— Писца нѣтъ.

— Распорядись, чтобъ сей же моментъ...

Пальгунцевичъ несмѣло указалъ приставу на сундукъ, красный, кованный, что стоялъ подъ образами.

— Запереть бы?

— Останусь здѣсь я. Никто не возьметъ.

Они посмотрѣли другъ на друга.

— Ужъ коли вы, то конечно,—началъ Пальгунцевичъ.

— Сургучъ, печать и бумаги,—повторилъ Чепчулинъ.—Садись въ мои сани, и иди.

Квартальный взглянулъ одними глазами на сундукъ: онъ не могъ отъ него оторваться.

— Семья одиннадцать человекъ,—защипѣлъ онъ.

— Знаю. Будешь не оставленъ.

— Уповаю, Ефимъ Кондратьевичъ!

— Уповай!

Чепчулинъ послалъ бабу за сельтерской въ замочку. Выпилъ онъ зарезъ два стакана. Газъ забилъ ему въ носъ, и въ головѣ какъ будто проженило. Понюхавъ лежалъ на столѣ неподвижно, съ заостренными носомъ, и какой-то странной загадочной улыбкой. Чепчулинъ даже тронулъ его пальцемъ, и сказалъ:

— По всей видимости—померь.

Но для большей умирности, онъ прибавилъ:

— Ты, господинъ Жальниковъ, умерь, или прикинулся.

Жальниковъ молчалъ и велъ себя какъ каждый порядочный покойникъ. Только у него одинъ глазъ былъ полуоткрытъ. Это приставу не понравилось. Онъ спросилъ строго:

— Почему глазъ не закрывается?

— А надо три копейки положить, тогда лучше будетъ,—отвѣтила баба.

Пальгунцевичъ долго не возвращался. Потомъ вернулся съ писаремъ. Писарь былъ длинный, черный, съ вывороченными губами и вытертымъ портфелемъ. Пальгунцевичъ былъ грустенъ и томенъ. Въ кабинетъ запахло сивернымъ сургучомъ и салыной свѣчкой. Писарь сталъ скрипеть гусинымъ перомъ, и выковызывать кончикъ языка,—иначе онъ не могъ выводить буквы. Въ кухнѣ сидѣлъ хозяинъ, въ каскѣ съ пшеникомъ. На улицѣ у воротъ стоялъ другой и распорядился:

— Не кидать снѣга сюда! Раскидать туда!

А тому, что сидѣлъ на кухнѣ, внушено было «самимъ»:

— Никого не допускать. Ежели кто спроситъ—доложить.

Третій хозяинъ ходилъ съ двумя заплатами-распоряженіями, ходилъ не то ребро ла, золото.

— Не говорите. Завѣда въздѣтъ раз-

боку тесакъ, которымъ тогда была украшена полиція.

— Одинадцать человекъ!—слезливо шепталъ квартальный, по-собачьему глядя на начальство.

— Всякому по дѣламъ воздается,—издыхая, говорилъ Чепчулинъ.—И зло, и добро—все по своимъ заслугамъ.

— А сколь много у него вещей было, должно, въ закладѣ?—философствовалъ квартальный.—Можно сказать—блужу! Таперча лошади позорекъ себя толще... Охъ же баба эта. Видели? Сколь объема-стухъ тѣлесъ! Раскормлена. Лихой головой клевалась-клевалась, да и выкалывалась.

— Брысь! Прехоши!—посоветовалъ началникъ.

Пальгунцевичъ посмотрѣлъ на него и сказалъ почти шепотомъ:

— Замолчать-то я замолчу. А только что пользы изъ того будетъ?..

III.

Чепчулинъ ожидалъ, что мѣдной монеты здѣсь уйма, но ее оказалось всего на 16 рублей съ копейками.

— Странно!—сказалъ онъ.

— Мѣдалью постоимъ. Отлечить не желалъ себя мѣдью,—замѣтилъ Пальгунцевичъ.

— Деньги никогда не отагощаютъ!—возразилъ ему Чепчулинъ.—Мѣдъ ла, се-то ребро ла, золото.

— Не говорите. Завѣда въздѣтъ раз-

«Отдыхъ въ Египтѣ». («Мадонна делла-Скоделла» «Мадонна съ тарелкой»).

Съ картины А. Корреджіо (Антоніо Аллегри).

на укра-
слезливо
ому гля-
ется, —
И зло, и
ей было,
становалъ
— бичу!
толще...
объема-
голодой
тел.
вѣтовать
а него и
А только

монеты
а 16 ру-

не жо-
внуще-
ютъ! —
за, се-
разн-

стает... Вы вот упомянули — золото. А есть еще платина.

— Знаю. Ну, так что же?

— Приятный металл. Не отягощает.

— Я про то и говорю.

— А где—это металл подлый, так сказать, буржуазный. Когда из неа колоколь льют, и то серебра прибавляют.

— Довольно! Говоришь ты много сегодня. И слова не по чину: что такое—буржуазный?

— Позвольте. Ефим Кондратьевич, по ежи молчать, то чьм же тогда человек отличится от бессловесной тваря?—спросил Пальгунцевич.

Ефим Кондратьевич показал пальцем на разсыпанную мёд.

— Вадаль? Тварь в семь толку постичь не может. А человек—воспринимает.

Пальгунцевич вдруг языком щелкнул.

— Да-сь, покойник тоже воспринимал! Как курочка, клевала по крупочк! и на-клевала.

В это время какой-то смутный говор раздался в кухне. Затем в дверях показались две хозяйки Дерабо.

— Ваше высокородие, — слыно заговорила она, — желают вас видеть, карточку подали. Докладывали, что ваше высокородие в занятях, а они говорят: «Скажи—племянник!».

На карточк, под маленькой дворянской короной, стояло:

«Ардальон Ардальонович Бельбицкий—коллежский советник!».

Очевидно, господин Бельбицкий знает, что делать, заказывая карточк с обозначением чина. Чепчулин сказал своему подчиненному:

— Прибрать!

Когда тот все лишнее прибрал, он сказал Дераб:

— Впустить!

Господин Бельбицкий сбросил шубку на руки хозяйки. Хозяйка повесила ее на гвоздик, а господин Бельбицкий расчесал уши, надел на курносый носик пенон и, семеня ножками, переступил порог комнаты. Первое, что он увидел—старичка, лежащего на стол, с высохшими желтыми руками. Он перекрестился, прошел мимо при-става к покойнику, поклонился в землю и обоблажал желтую ручку. Потом он повернулся, снова надел свалившееся пенон и к без строгости спросил:

— Господин пристав? Потом он показал пальцем на стол и возглаголь:—Дядя!—А я—состою при министерств публичных зданий, непосредственно при господине министре.

Чепчулин подошел к нему стул и промовлял:

— Чьм могу служить?

— Охраняете?—спросил господин Бельбицкий.

— По должности,—уловчиво ответил Чепчулин.

У Бельбицкого, как будто скользнула усмшка на тонких и мокрых губах.

— И много поохраняли?—спросил он.

Чепчулин притворился непонимающим, но прежде, чьм он успел ответить, беззванный гость продолжал:

— Сейчас прибудет сюда полицей-мейстер—Федор Денисович Подопри-Гора. Я был сейчас у него, он об-щал мн.

Чепчулин насквозь пронизал Бель-бицкого взором. Одн он был пре-восходно. Павталоны модны—шоколад-ныя, еб бьлым лампасом, пробор роз-ный, до ниточк, воротнички бьланы изумительной, но рост—самый подозри-тельный и негарачный. А потому он временно не выказал ни тревоги, ни страха, а сказал только:

— Побойникс—ваш дяденька?

— Дядя. Но вы понимаете, по моему служебному положению, будучи при ми-нистр и прочее,—не мог же я выказы-вать свои родственны чувства?.. Видь он тут...

Господин Бельбицкий постучал себя по лбу.

— Он тут был попорчен. Попро-сту говоря: свихнулся. Как, будучи че-ловком богатым, обеспеченным...

— Вы говорите богатым?—как бы удивился Чепчулин.

— Ну, конечно, богатым... И он просил милостину, как, извините, сам-ый последний нищ на паперти. Права-да, он ездил на своей лошади и нигде не вставал ни перед кьм... Он был дворянин. Столбовой дворянин... Повторяю,—он был брат моей мате-ри. Но, завидев его издали, я прину-жден был переходить на другую сторо-ну, чтоб не встретиться, не кланяться.

А то он, увидев меня, махал рукой и кричал: — «Ардальон,—подожди! Ар-дальон,—подожди!».

— Так вы говорите, он был бо-гаты?—повторил Чепчулин.

— Естественно, богат! Да вот я вам скажу. За одно нижегородское по-месье он получил около двухсот ты-сяч. Он продал его всего восемь лет назад.

Квартальный точно костью поперхнул-ся, лицо у него наалось кровью и спазмы сдавили горло.

— Ты бы распорядился, чтобы пе-ском посыпали лэстницу,—шепнул ему Чепчулин.

— Потому посл жены,—продолжал господин Бельбицкий,—когда она умер-ла у него кое-что к задоям прили-пло. Отец ее был становой пристав.

Вы знаете, что такое по прежнему вре-мени становой пристав? Ну, и вооб-ще у него были доходы.

Он остановился и показал себя на тцедушную грудь перстом.

— И я—единственный наследник.

Потом он пожел глазами вокруг, остановился на поперхнувшем кварталь-ном и потом вопросительно посмотрел на пристава. Тот поизл и сказал:

— Митрофаша, посмотри, все ли в порядке. И ты, Егорушка, поведь.

IV.

Митрофаша, кашляя, влоя носом воз-дух и как-то сторбившись, вышел; за ним скользнула губастый Егорушка. Бельбицкий посмотрел на дверь, при-двинулся со стулом к Чепчулину, опас-ливо оглянувшись на покойника и прогово-рил:

— Десять процентов с найденного. Чепчулин вздохнул облегченно.

«А я думал, что это король быва-ый!» мелькнуло у него в голове, и он посмотрел на Бельбицкого, как на геразуняного мальчика в коротких шта-нишках.

— Напрасно беспокоитесь, — сказал он.—Долг службы прежде всего.

Бельбицкий поизл в карман и молча вынул бумажник. Пристав поспри-тельно посмотрел на него. Он подал ему радужную. Чепчулин потряс голо-вой и отвел руку, подающую ему.

— Не возьму-сь.

— Да видь это для начала только... А там десять процентов... Хотите сейчас больше? Двести? Триста?!

— Невозможно, милостивый государь! Невозможно! Я весь вьм своей прослужил непорочно...

— Десять процентов,—захлебываясь, шептал Бельбицкий.

Пристав опустил глаза долу и мол-чал. Так молчит дьяк, когда армей-ский офицер изясняется перед ней в

вьчных чувствах. Она так тиха и спокойна снаружи, но все трещит и бьется внутри.

Он вдруг поднял глаза: — Тридцать!—вдруг вырвалось у него.

Бельбицкий прискочил, точно морской рак вился ему клешней в то мьсто, на котором он сидел. Рот его открыл-ся, но одновременно с этим распахну-лась и дверь, пропуская огромного, усата-го, в черном парик, полицеймейстера Подопри-Гору. Сади мелькнули извиваю-щиеся фигуры квартального и шкери. Го-ворить, Зевес мог наполнить собою все видимое пространство, если хотел. Таков был и Подопри-Гора. Он наполнял со-бою всю комнату, когда входил.

— А, ты тут!—сказал он и подал приставу руку.—А, и вы тут? Удостои-рение и метрика необходимы. Я уж го-ворил вам.

— Но я не выхожу с метрикой из дома,—заполновался Бельбицкий.

— Покажите нам дерево, генеалогиче-ское дерево, так сказать.—Подопри-Гора схватил его за пуговицу.—Понимаете, без генеалогического дерева ничего не-льзя. Вы говорите: «дядя». Хорошо. Но доказательства? Видь и он скажет: «да-да». Я скажу: «дядя». Нам нужны не-шественны доказательства.

Он протянул руку и потерь боль-шого, указательного и среднего паль-цем, точно цупал тоновую бумагу.

— Доказательства!—повторил он.— А без доказательства—ничего.

— Но он был родным братом мо-ей матери,—пролетел Бельбицкий.

— Возможно. Я не отвергаю возмож-ности этого. Но доказательства?

— И я то же имь докладывал,—за-вивал с своей стороны пристав.—Без доказательства невозможно.

— Хорошо! Тридцать процентов! Хо-рошо!—вдруг завонил племянник с пьной у рта.—Согласен на тридцать!

— Какie тридцать процентов?—уди-вался полицеймейстер.

— Они говорят, что дяденька их в ум тронулись,—сказал Чепчулин.— Может быть, это у них родовое?

Подопри-Гора посмотрел на Бельби-каго испытующе.

— Весьма возможно!

— Нет,—захлебываясь и волнуясь, заговори чепчик:—нет, я в твер-дом ум... в здравой памяти. В твер-дой памяти и твердом ум...

— Побжайте домой,—дружески заго-ворил Подопри-Гора.—Побжайте домой, соберите все бумаги и часиков в девять вечера побжайте ко мн... Успокойтесь... Мы и побещуем тогда с вами... мы и побещуем...

Уже зима сумерки синим пологом спустились над городом, когда Чепчу-лин воротился домой.

— Ну, что?—встретила его Юлия Сте-пановна.

— Только всего сто тридцать тысяч,— ответил он.—И бумажки все развен-ки...

Жена посмотрела на него пристально.

— Только и всего?—переспросила она.

— И все это в пакет запечатано, и за печать дано самому полицеймейстеру.

— А ты что-ж? Ничего?

Чепчулин строго помахал передь ей носом пальцем.

— Ничего!

Часа через три принес для подписи какой-то важны бумаги Пальгунцевич. Уходя из кабинета начальника, он ска-зал Юлии Степановн:

— Вот нищ был, милостину про-сил! А сколь достойный уважения чело-век! Сколь достойный! И дьтникам на золотишко ныче на святках ест. Видь одиннадцать у мн... одиннадцать...

Старый Джозь.

Какъ всё...

(Изъ современныхъ мотивовъ).

Провь Иванчъ былъ скупенекъ. Ханувъ гд-то кучу денегъ, Онъ женъ своей (хорош!) Ни пальто фасона «клошъ», Ни подьсокъ изъ рубиновъ, Ни шикарныхъ лимузиновъ, Ни заморскаго эспри, Вышной аршина въ три,— Подарить и не подумалъ: Съ нею я и такъ въ ладу, моль: Было бь живо естество,— Остальное баловство! А Евгения Петровна, Хотъ обиженная кровно, Не терзала лишнихъ словъ: У нея былъ планъ готовъ. Пусть супругъ былъ экономекъ, Пусть онъ даже былъ феломекъ Въ этой области,—но слабъ Былъ и онъ кой въ чьм: былъ рабъ Онъ «навазчиковъ идея»,— Какъ бы то скунить скорье И припрятать про запасъ, Что въ цбнъ на день сто разъ Повышалоса скачками, И не то, чтобъ пятачками,— Велса счетъ ужъ на рубля... И мшки, тюки, кули, Свертки,—все лежало кучей, Было куплено «на случай» Все за полъ, за треть цбны... Разъ онъ слышитъ отъ жены: «Ждетъ рубиновый насъ кризисъ! Онъ, нежданно къ намъ приближася (Урожай рубиновъ плохъ), Вызвалъ вдругъ переполохъ... Какъ бы не было заминки: Ужъ хвосты стоятъ на рынкъ...» — «Какъ? Хвосты?.. Скорый бгн И вернуться не могъ»,— Говоритъ онъ, брови сдвинувъ,— «Безъ десятковъ двухъ рубиновъ...» Черезъ день жена: «Ну, вотъ,— Новый кризисъ... въ царствъ модъ... Тотчасъ, реенье обнаруживъ, Мужъ ршилъ «Запасы кружевъ, Перьевъ страусовыхъ, зонтъ Собирай... Лови моментъ, Чьмъ товары не изсякли...» Мужъ сей мудрый—на маньякъ ли Онъ, во всей своей красть?.. Нетъ! Онъ просто былъ... Какъ всё! Много ль въ немъ «отличья знаковъ»? Велъ удель насъ однаковъ, И, услышавъ слово «хвостъ», Всякий точно также простъ... И, не тьмъ путемъ, такъ этимъ, Такъ, что мы и не замьтимъ, За какую-то вину Въмъ обячьтатъ намъ мшну... Бенедиктъ.

Джентльменъ изъ чернильницы.

Ровно въ полночь, когда часы моего дьдушки, сь циферблатомъ въ длинномъ ящикъ краснаго дерева, прозвонили ровно двьнадцать ударовъ, и когда я совершенно отчаался въ возможности написать къ сроку обьцанный редактору святочный рассказъ, не извлечши изъ своей головы ни одного привидьня, ни единой страш-ной ночи, ни страшнаго гадая, ни вь-щаго сна, ни расказаннаго при свьтб звьзды и звона колоколовъ убийцы, ни благодьтельной дамы сь игрушками для бьдныхъ дьтей, ни благодьтельной вьр-ной собаки, согрвьшей запоздаващаго пут-ника,—въ ту самую минуту, когда глаза мои начали заволакиваться, а гд-то въ моемъ ухъ начинали время-отъ-времени раздаваться какя-то басовыя ноты фаго-та, какъ бы исходящия изъ мнъ же, въ эту минуту мнъ показалось, что захоп-нутая, въ безнадежномъ ожиданн твор-ческой фантази, крышка чернильницы моей прабабушки открылась и что-то

как будто закурилось, повисло каким-то туманом или дымком в моей комнате, и затѣмъ распространился в ней какой-то слабый, не неприятный, но ветхий запах, если можно такъ выразиться, напоминавший запахъ старыхъ шкафовъ со старыми платьями. Затѣмъ я сталъ различать слабый шорохъ чьего-то присутствія и, наконецъ, изъ тумана или дыма, повисшаго в комнате, начало что-то складываться в линію, проясняться какая-то опредѣленная форма.

При этомъ я вспомнилъ о пуделѣ, изъ котораго вошелъ въ кабинетъ доктора Фауста странствующій схоластикъ, а тутъ— изъ этого дыма, или изъ моей чернильницы, вышелъ джентльменъ.

Да, именно, джентльменъ английской складки, съ бритымъ, правильнымъ лицомъ, одѣтый въ очень поношенный «макинтошъ», или что-то въ этомъ родѣ, въ старомодный, очень помятый цилиндръ и въ широкія клѣтчатыя панталоны.

Сомнѣнія не было: передо мною стояло существо, которое я могъ опредѣлить, по его виду, названіемъ стараго джентльмена.

Но онъ рѣшительно не имѣлъ въ себѣ ничего дьявольскаго. Какъ бы ни ридился чортъ, онъ все же никогда не скроетъ той черты карикатурной уродливости, въ чемъ-нибудь да просвѣчивающей, въ носѣ, въ ногѣ, въ какой-нибудь наглости, отвратительной ужимкѣ, которая ужъ непременно прорвется.

Этотъ старый джентльменъ былъ или очень старъ или очень изношенъ и въ костюмѣ и въ кожѣ своего лица, съ выцветшими, но мягко мечтательными глазами, съ узкими, блѣдыми бровями губами, на которыхъ бродила какая-то полугрустная полушутливая улыбка. Былъ онъ похожъ на какого-то стараго, благороднаго пенсионера, а то и на какого-то стараго одинокаго путника, который заходитъ въ зимній, предпраздничный вечеръ, постучавшись, въ любой домъ къ огоньку и гдѣ его неизменно принимаютъ.

На минуту я усомнился: не экспроприаторъ ли? Вѣдь теперь, какъ никогда, экспроприаторы принимаютъ различныя формы.

Правда, если бы появившійся передо мною старый джентльменъ и оказался экспроприаторомъ, онъ немногимъ пользовался бы въ моей квартирѣ. Я только-что пробылъ мой гонимый и уже добдалъ авансъ, изъ котораго обулъ себя и мою семью на двѣсти рублей, но, тѣмъ не менѣе, развѣ экспроприаторы непременно похищаютъ сотни и тысячи?

Но нѣтъ, въ моемъ посетителѣ, въ этомъ старомъ джентльменѣ было что-то почтенное, хотя уже и очень изношенное, и что-то приятное вотъ и въ этомъ его ветхомъ старомодномъ костюмѣ, изъ котораго распространился ветхий запахъ, связывавшійся съ наматію далекихъ лѣтъ, съ елкой, съ дѣтскими рождественскими книжками въ хорошенюхихъ переплетахъ.

Я ему поклонился, и онъ чуть приподнял свой цилиндръ.

— Вы не ошиблись дверью? — спросилъ я.

— Нѣтъ, я не ошибся, ни дверью, ни часомъ прихода. На городскихъ часахъ ровно двѣ минуты тому назадъ пробило полночь, а ваши часы разнятся отъ нихъ ровно на двѣ минуты.

— Но, позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь?..

— А я, видите ли, — я старый, странствующій фокусникъ.

— Фокусникъ?

— Да. Я очень-очень старый фокусникъ. Если хотите, я даже привидѣніе стараго фокусника, его блуждающій прахъ.

— Это крайне любопытно... Знаете ли? Это даже можетъ быть темой святочнаго разсказа?..

РОЖДЕСТВО НА МОРѢ ВЪ БУРЮ.

Рождественскій пуддингъ въ ослепости!

Блѣдыя, узкія губы улыбнулись. — Ну, да, я, вѣдь, именно не кто иной, какъ призракъ святочнаго разсказа, его иставшая оболочка, его блуждающій прахъ.

— Вы выражаетесь нѣсколько туманно, мистеръ... или какъ позволите васъ называть?..

— Это все равно, хотя бы и мистеръ. У меня, конечно, есть не мало английской крови, но, въ общемъ, я космополитъ, я во-первыхъ, спать хочется, а во-вторыхъ, уже давно-давно путешествую въ рождественскіе дни по всѣмъ странамъ, и неизменно я имѣю большой запасъ фокусовъ. Посмотрите вотъ на этотъ цилиндръ: это цилиндръ фокусника. У него тройное, четверное дно, изъ которыхъ могутъ выскочить самые неожиданные персонажи.

А этотъ макинтошъ, эти клѣтчатыя панталоны, этотъ длинный ридинготъ, — въ нихъ безчисленное количество кармановъ фокусника, наполненныхъ опять-таки самыми фантастическими фигурами и происшествіями. Бѣда въ томъ только, что почти всѣ они стали рѣшительно всѣмъ, даже дѣтямъ известны. Взгляните на мой костюмъ: все это сшито изъ безчисленнаго количества кусочковъ рождественскихъ журналовъ.

— Да, конечно, печально для фокусника, когда всѣ его фокусы известны! Вашъ визитъ, мнѣ не неприятенъ, напротивъ, — отъ васъ вѣдетъ этимъ славнымъ теплымъ духомъ милой старины, печкой, сверчкомъ. Но вашъ разсказъ, къ сожалѣнію, не имѣетъ для меня практической пользы. Вотъ я вижу на правомъ вашемъ рукавѣ кусочекъ Диккенсовскаго сворика, на воротникѣ его же «Тинъ Марлея», а вотъ на вашей шляпѣ: «Святочный ель» Андерсена, вотъ «Ночь подъ Рождество» Гоголя. Не

переписывать же Диккенса, Андерсена или Гоголя. Хотя это и случается... Позвольте, позвольте, да тутъ не только кусочки знаменитостей, тутъ и нашъ братъ. Вотъ я вижу: мой собственный святочный разсказъ — у васъ подъ мышкой. Не переписывать же самого себя... Хотя и это тоже случается. И хотя цѣлая ночь еще впереди и цѣлое утро, и можно было бы поспѣть къ сроку... Но, во-первыхъ, спать хочется, а во-вторыхъ, всѣ фокусы известны, никакой темы въ головѣ. Ужъ, кажется, была живая тема: святочные покойники. Сколько мертвецовъ, за время моего сотрудничества, ставилъ я въ одну редакцію къ сочельнику, а теперь — стоишь. И тема о покойникахъ стала мертвой.

— Но зачѣмъ же привидѣніе? Въ сущности, какъ ни много фокусовъ я показывалъ и дѣтямъ и взрослымъ, но вѣдь можно же что-нибудь изобрести не совсемъ затрепанное. Развѣ можетъ не быть темы?

— Конечно, можетъ.

— Что вы, что вы! Да вѣдь темъ столько, что не хватитъ тысячей писательскихъ рукъ, чтобы ихъ использовать.

— Но мнѣ-то нужна маленькая святочная тема. А ея нѣтъ.

— А ваша чернильница?

— Это тема? моя чернильница.

— Конечно, и даже фантастическая. Сколько лѣтъ вы пишете? Десять? Двадцать? Какъ же вы никогда не думали о вашей чернильницѣ? Чернильница это не просто неодушевленный предметъ, а это весьма живое и весьма загадочное существо. Думали вы когда-нибудь объ этомъ сообществѣ чернильницы и писателя? Чернильница близка писателю, какъ подруга, какъ любовница, перѣдно

она остается единственной его подругой.

И не изъ чернильницы ли выскакиваютъ самыя гениальныя картины, гениальныя звуки? Не изъ чернильницы ли вышли «Гамлетъ», и «Война и миръ», и «Ревизоръ», и «Мертвыя души», и вся прелесть пушкинскихъ стиховъ и шопеновскіе прелюды, мазурки, и человѣческая комедія Бальзака, и утонченная мысль обаятельнаго и жуткаго гения Мопассана, и свиточные разсказы Диккенса?

Не изъ чернильницы ли выходятъ цѣлые перевороты въ царствѣ мысли, въ политикѣ? Не чернильница ли имѣетъ въ насъ, наполняющемъ ее, какъ бы отталкивающимъ вѣишине, составъ и желчь и нѣжность, и силу и злобу, и клевету и доносъ, и предательство, и грозный приговоръ, и любовный упрекъ, и любовный восторгъ, и грусть, и разлуку, и счастье близкой встрѣчи, и безнадежныя строки умирающаго?

Вы думали о старыхъ чернильницахъ съ засохшей жидкостью, оставшихся въ комнатахъ умершихъ?

Я помню такую писательскую чернильницу. Писателя проводили на кладбище. Онъ долго страдалъ, онъ нѣсколько лѣтъ, своихъ послѣднихъ лѣтъ, уже съ неизлечимой болѣзью, все еще продолжалъ это общеніе съ своей послѣдней подругой, которая невольно уже начинала все очевидно ему измѣнять. На его глазахъ въ его сознаніи, — заедивъ съ ней, — она чуть тлѣлась, она догорала, какъ лампада съ остаткомъ масла — эта многолѣтняя его подруга — чернильница. Я остался какъ-то одинъ въ его кабинетѣ, спустя мѣсяцъ послѣ смерти писателя. Письменный столъ, какъ никогда при жизни, въ порядкѣ, молчалъ, и чернильница стояла съ высохшей жидкостью, какъ нѣчто умершее съ застывшей кровью. А теперь? Когда мы живемъ въ такое страшное время, развѣ не гана чернильница дѣлала съ вами ваши мысли, которая неизменно тамъ — на фронтѣ?

И вотъ эти письма, которые, я вѣдаю, пойдутъ съ поздравленіями, съ горячими пожеланіями все туда же, на тѣ же линіи огня, гдѣ будутъ, читая ихъ, вспоминать семью, родной городъ въ рождественскій сочельникъ, — развѣ они не вышли изъ пащей чернильницы?

Думаете вы о чернильницахъ нотаріальныхъ конторъ, изъ которыхъ засохшіе, старые клерки, а теперь перѣдко и свѣженькія дѣвушки, выживаютъ акты за вѣщаній, купчихъ крѣпостей, запродажныхъ, дарственныхъ и т. п.

Я перѣдко думалъ, глядя на чернильницы нотаріальныхъ конторъ: сколько невидимыхъ, узаконенныхъ преступленій вытекаютъ изъ нихъ, сколько несправедливостей въ распредѣленіи своимъ богатствомъ, чтобы лишить иногда самыхъ близкихъ и немущихъ въ пользу тѣхъ, которые не имѣли правъ! И думали ли вы когда-нибудь о различіи между чернильницей и пишущей машинкой?

На машинкѣ, конечно, и гораздо скорѣе и, какъ будто, удобнѣе. Однакожъ, мнѣ кажется, есть вещи, которыя непременно требуютъ пера и чернильницы. Вотъ хотя бы и святочный разсказъ. Быть можетъ, наступитъ время, когда не будутъ говорить «человѣкъ пера», а «человѣкъ машинки».

Быть можетъ, я уже человѣкъ отсталый? Мнѣ нужна чернильница, нужно перо при работѣ воображенія. Тутъ есть какое-то таинственное общеніе. Въ погруженіи пера въ чернильницу, въ блужданіи его по бумагѣ есть какой-то загадочный путь, продолжающій путь мысли...

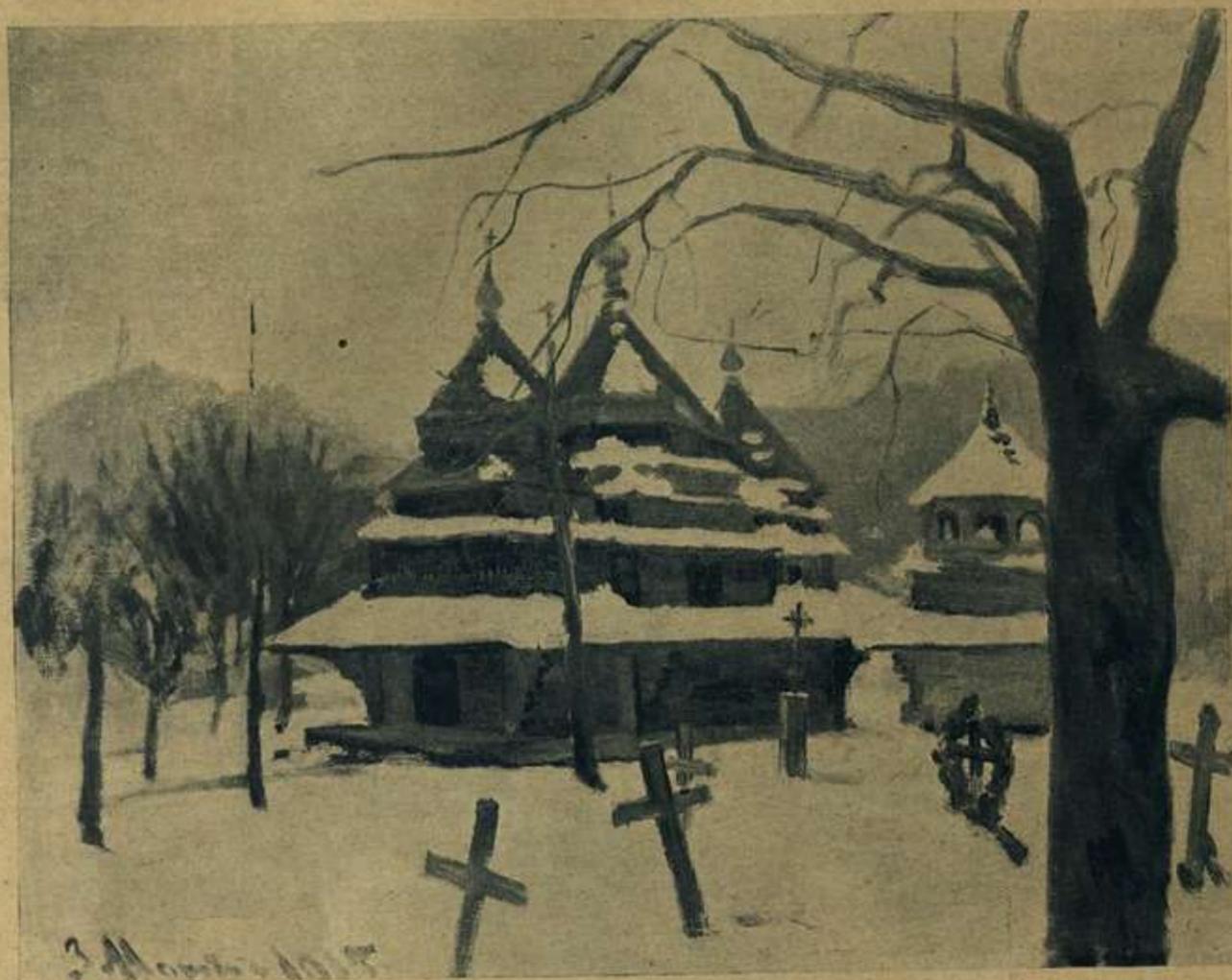
А вы, однакожъ, заснули надъ вашей чернильницей? Покойной ночи!

На утро я увидѣлъ мою чернильницу закрытой и стараго джентльмена не было въ комнатѣ. А листки бумаги лежали исписанные.

Я запечаталъ ихъ въ большой редакціонный конвертъ и отослалъ въ редакцію.

И. Вильке.

ВЪ ГАЛИЦКОЙ РУСИ.

Старая униатская церковь («корабль», недалеко отъ Сколе, по дорогѣ на Тухлу, въ Карпатахъ.
Этюдъ съ натуры, Н. И. Кравченко.

Въ деревнѣ на святкахъ
Фото-этюдъ В. Я. Мальцева. Снято въ Рязанской губернии.

Имен
Граубад
Это случ
небольш
риха во
бхали
рожным
картъ на
вицки ва
гя соти
позады,
перъ себ
ходятъ
пость ко
станокт
недѣл
пуса пѣ
улапы С
ми и п
въ бѣг
какъ е
выстрѣ
кой, по
очевидн
вдругъ
пусть че
дороги,

• Пр

«СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО». — Картина Аннибале Караччи.

Чечельницкий лѣшій.

Итменские уланы: фонрихъ * Отто фонъ Граубадъ и вахмистръ Мицке заблудились. Это случилось два дня тому назадъ, когда небольшой разъѣздъ лѣшій командой фонриха возвращался съ развѣдки. Уланы ѣхали лѣсомъ, тѣмъ проклятымъ бездорожнымъ русскимъ лѣсомъ, который на картѣ называется «дѣръ грессе Тшетцельницки валдъ» и который тянется на многія сотни верстъ во всѣ стороны. Гдѣ-то позади, впереди или сбоку (точно уланы теперь себѣ не представляютъ этого!) проходитъ большая дорога, западная оконечность которой упирается въ глухой полустанокъ Подѣскихъ дорогъ, занятый дѣльщиками недѣли тому назадъ частями N—го корпуса итменской арміи. На этой-то дорогѣ уланы были внезапно настигнуты казаками и послѣ короткой схватки обращены въ бѣгство. Фонрихъ помнитъ только, какъ его ворона Валкирія, испуганная выстрѣлами, гиканьемъ казаковъ и свалкой, по безтолковому дорганью фонриха очевидно понимая, что онъ тоже боится, вдругъ прыгнула въ сторону и, перемахнувъ черезъ канаву, отдѣлявшую тѣсь отъ дороги, переселась чащей. Отто итменски-

* Принадлежитъ.

твенно зажмурился, пригнулся и, отдаваясь всецѣло во власть охватившаго его ужаса, забылъ все на свѣтѣ въ вихрь дикой скачки. Онъ не чувствовалъ, какъ вѣтки въ кровь царапаютъ лицо, рвутъ одежду, колѣни то и дѣло задѣваютъ за вѣтвистыя деревья и выступающіе сучки... Только когда на какой-то круглой полянѣ замученная, задыхающаяся Валкирія, налетѣвъ на стѣну сплошного непролазнаго орѣшника, остановилась, фонрихъ какъ бы очнулся, и увидѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ все время скакалъ Мицке. Уланы и лошади были окроплены, обсыпаны бѣлыми листьями, древесной мелочью; одежда на обоихъ висѣла клочьями, отъ сѣделъ были оторваны походныя сумки (у Мицке даже правое стремя), оружіе тоже потеряно, только у фонриха чудомъ уцѣлѣлъ револьверъ.

Отъ стыда и досады Отто выругался, нѣсколько разъ ударилъ Валкирію кулакомъ по головѣ, изо всей силы рванулъ поводья, такъ что несчастная лошадь, одурѣвъ, заплесала на мѣстѣ. Мицке послѣдовалъ примѣру начальника, послѣ чего уланы сбѣжались, чтобы привести нѣсколько въ порядокъ и себя и лошадей. Такъ какъ уже вечерѣло, то рѣшили отдохнуть, а передъ разсвѣтомъ ѣхать «обратно», разыскивая дорогу по тѣмъ

слѣдамъ, которые безъ сомнѣнія оставила въ лѣсу ихъ дикая скачка. Но вотъ уже третьи сутки уланы блуждаютъ по лѣсу, потому что на почвѣ, густо засыпанной сухими листьями и валежникомъ, невозможно найти слѣдовъ, а вѣтки, обломанные скакавшими лошадьми, похожи на вѣтки, обломанные лосями, козами, зубрами и другими крупными животными.

Напряженно прислушиваясь къ испуганнымъ жуткимъ лѣснымъ шумамъ, зорко всматриваясь въ густыя таинственныя тѣни чащи, гдѣ мерещатся казаки, уланы то ѣдутъ наобумъ, то въ недоумѣніи останавливаются. А вокругъ, какъ живой шепелитъ и еле внятно шепчетъ все то же страшный, сказочный русскій лѣсъ, передъ глазами безъ конца все та же причудливая сѣтка сиплящихъ вѣтвей на фонѣ мрачно-сѣраго осенняго неба...

Когда красная коза, на минуту заморозивъ на мѣстѣ въ живописно-изящной позѣ, съ головой круто повернутой въ сторону всадниковъ, вдругъ прыгнетъ и мчитъ ураганомъ, похрустывая валежникомъ, нервы Отто не выдерживаютъ, онъ готовъ вскрикнуть или заплакать. Мицке, тайкомъ отъ фонриха даже крестится. Только однажды мелькнула надежда на спасеніе: донесся смутный далекий гулъ капоны. Обрадованные уланы побѣжали на

выстрѣлы, но изголодавшіеся замученныя лошади, не смотря на всѣ понуканія, еле передвигали ноги, ежеминутно спотыкаясь о корни и рытвины. Между тѣмъ стрельба стихла. Спать приходилось на сырыхъ отъ дождя листьяхъ, согрѣвая другъ друга собственнымъ тѣломъ. Но когда усталость превозмогла голодъ, когда безнадежную дѣйствительность смѣняли уродливо-страшныя полу-лви, тревога, постоянный страхъ за каждое слѣдующее мгновеніе, все-таки не оставляли уланы: то одинъ, то другой внезапно, точно отъ удара электрическаго тока, вскакивалъ, чтобы прислушаться къ треску упавшей вѣтки, къ злобному визгу совы, къ порыву вѣтра, который, какъ рой духовъ, налеталъ на вершины деревьевъ, градомъ осыпая съ нихъ дождевыя капли... А стояло проснуться, какъ начиналъ терзать голодъ, который нельзя было унять пережевываніемъ молодыхъ побѣговъ и сырыми грибами, который постоянно туманилъ сознание, переходя въ какую-то тягучую боль-тоску...

Старый Буреломозитъ, лѣшій Чечельницкаго лѣса, давно пересталъ показываться. Народъ рѣшилъ, что итѣ больше лѣсно-го дѣда, что онъ, осерчавъ на вонючую

чугунку, недавно перерезавшую его царство, ушел далеко в чечельницкий дуб, где еще не хозяйничали люди... Вместе с соснами, козами и прочей лесной тварью забился дядь в большой чечельницкой топи, куда только зверь тропу знает, да в третьем году юродивый Лаврушка из Верхней Потулочки ходил, да едва не утонул, куда не достают свистки и грохот позадков. Там, в дупле старого дуба, Буреломович устроил себе логово, закрылся сухими листьями, свернулся калачиком и уснул... Только раз в году, в ночь на Ивана Купалу, когда загорается в косомь овраге шапоротник-цветы, когда по лесным полянам, в пятнах зелено-голубого лунного сияния с тихим смехом рывятся хоромы русалок, и все, все вокруг кажется вернувшимся к сказочной прекрасной старине, лесной дядь просыпается... Посапывая, покрихывая, вылезает из дупла и, страхуясь с сыдых косомь и борды сухих веточки и листья, идет, приплясывая, покачиваясь на зыбких, трясущихся от старости погах... И мутно-зеленые глаза его загораются искорками веселья: плянуть дядьшкю ночной воздух, насыщенный острыми запахом грибов, лесной ирван, болотных трав и цветов, плянуть лунный свет, веселая музыка чуть шевелящихся деревьев и смех русалок и ласкающая прикосновения порывисто-нужного ночного ветра... И хочется старику пошалить, вспомнить былое, хочется гикнуть, свистнуть, пройтись вприсадку или погоняться за русалкой... Да не тут-то было: кости дожить, плечи не разогнуть, а голова ослабела и срывается... И, в лад русалочьей пляски прихлопывая в ладоши, тончется дядь на мбсть и все ярче и ярче горят глаза его от сладкого хмля волшебной ночи, да вдруг сам не зная чему начинает смяться... Хочет до слез, до удущья, до колик и, čímь больше смется, тьмь смбшье ему кажется все кругом, тьмь сильнее и дольше хочется смяться... А на лесной опушке, куда приехали ребята в почное, лошади перестают жевать траву и, перелю подрагивая шеей, безвольно прислушиваются... Но лишь только заслонится молочный туман над трясинной и величаво-прекрасная Каралуни*, пошлет вселенной сквозь сон свою первую улыбку, вздрагивает Буреломович от утреннего холода, пугается и, плюнув через плечо направо и налево, крихтя прихет в свою берлогу... Он снова засыпает. Снится ему милая раздельная старина, снится давно умершие братья, с которыми он что ни ночь проказил по лесным дорогам, снится необъятная лесная угодья, снится могучи рьки, где жил его тесть—Водяной... Где-то он теперь?! Может быть уплыл вместе с теми рьками, от которых теперь остались только кодобины да густотские овраги? Может быть зарылся в тину на дне чечельницкой топи? Ах, не он ли майским вечером плачет вместе с русалками, не он ли, когда припекает полуденное солнце ворочается на дне, заставляя закипать на поверхности стайки желтых серебристых пузырьков и тогда шевелятся стебли болотных трав и цветы, а голубые стрекозы, испуганно трепеща прозрачными крыльшками, взлетают на воздух и, перегоня друг друга, стремятся к берегу. Спит Буреломович... Спит, и далеко несет его богатырский храм... И снится лесному дядь, что он вышел на прогулку, что ночь темная, беззвездная: собирается гроза... Выныхивает фиолетовая молния, сразу вырывая из тьмы то здесь, то там одиночные группы деревьев трепещущих от ужаса каждым листом... Приталась в гнздах проснувшаяся птица, за-

из альбома проф. Влад. Егор. Маковского.

«МОКШЕРЬ». — Рисунок В. Е. Маковского.

«ПРИНИВАЛКА». — Рисунок В. Е. Маковского.

С фот. Коен. Гамбовской.

* По литовскому народному поверью, божеством неба является дьна-Каралуни; голову она вбначает солнце, роса—ея слезы, зоря—ея улыбка...

бились в логова звери—все ждуть со страхом приближения разгневанного Перуна и все гуще, все грознее грохот его тяжелой колесницы... Внезапно дохнувший жаром, швырнул Перун ослепительную стрелу; ахнул дядь и застывал, а Буреломович проснулся. Выглянул из дупла: вокруг творилось что-то неслыханное, чего он совсем не мог понять. Небо было темно, а между тем непрерывно гремел гром, сверкала молния, валылись громадные деревья, как пушинки летели вверх клочки больших веток, вместе с глыбами земли и хворостом. По лесу, давя друг друга, лико мчались, смбшавшись в одно стадо, обезумевшие козы, лошади, зубры, даже волки и лисы... Большой филин, испуганно таранивший незрячие глаза, вдруг шархнулся с ветки, полетел, ударился со гблуп головой о дерево и, упав, забился в листьях...

Жутко стало дядь: такой грозы он еще не выдал, а уж каких гроз, каких бурь не пришлось ему видеть за свой долгий век. Гром внезапно стих, а когда наступил вечер, Буреломович вылез из своего дупла, с трудом разыскал под горами упавших деревьев и веток звериную тропу и пошел осмотреть свое царство...

Отто идет по хрустящему гравю широкой аллеи Граубадского парка. Сейчас за поворотом направо откроется вид на замок, а налево на лесном откосе во всей красе предстанут руины древнего «благурма», первого обиталища графов Граубад, разрушенного в эпоху Тридцатилетней войны войсками Валентинова...

Верхушки высоких, прямых сосен, пронизанные золотом заката, чуть шевелятся от ветра и шелесть их сливается с далеким пением виолончели—это сестра фенриха Кора играет «арию Баха»... Отто очнулся. Нет, это не выходящий величественный Граубадский парк! Это загадочно-страшный русский лес тяжелой громадой обступил его со всех сторон... Это не виолончель... не ария Баха... это русский лес напваает свою однообразно-унылую пбню. Вот около фенриха спит скорченный от холода Мицке, вот поодол понуро стоят лошади... Над лесом суетятся тучи вороны, собираясь на ночлег, за день им было некогда поговорить и теперь они оживленно галдят вперевод, снбша подблаться впечатлительными встекшего дня и обоудить план действий на завтра. То группами, то в одиночку вороны перелетают с ветки на ветку, охорашиваются и чистят голые крепкие клювы. Как противны, эти большие жирные птицы, какой у них пглый самодовольный вид! Чем дольше смотреть на них фенрих, тьмь больше и больше его охватывает чувство отвращения и страха; ему кажется, что стоит только одной воронке замбтить влзу под деревьями двух одиноких путников, и вся необъятная армия черных мародеров с пронзительными криками накинется, начнет терзать и разнесет на клочки как падал... Фенриху так жутко, что он вскакивает, будит Мицке, и уланы снова идут искать дорогу... Быстро густеют осенние сумерки. Над лесными далами курится бело-серый туман, обволакивая низины и дьлая лесные холмы островами... Во снб еле слышно бормочут деревья, шурьдка брякнет подкова о корень или фыркнет лошадь и опять—та же тишина; опять полудремота туманит сознание фенриха...

Вот порьдлы впереди деревья, лес кончился. Уланы вытзают на опушку. Э, да это—знакомый мбста! Ну, конечно—вот сторожка с провалившейся крышей и разбитыми окнами, вот за ручьем на пригорке деревня... Наконец, приехали!

Видь это та самая деревня, где недьло тому назад уланы очень весело провели время! Отто прищоривает Валерию и скачет по грязной деревенской улице к

усадьбы, и издали... саду направо, что к деревьям глазами, бинны, жадно... Но вот колоннами тонь. Пркрыльца, пеням и ри входит стгуза вь лбть себе хлопья пы не жаль... вадь здсь перы... Зда убита эта никгда в вой фигур лица, ея номь бред этого тор умбсна т огромная шия карт Старуха «двбушку», чаяня и торымь п Пехе изь и видимо

«ПЬСЕНКА». — Картина худ. Жана-Луи-Эрнеста Мейссонь.

усадьбы, каменный забор которой бѣлѣть издали... Фенрихъ минуетъ ворота и по саду направляется къ дому... Какъ странно, что кругомъ нѣтъ никого... Только на деревьяхъ сидятъ громадные вороны и глазами, горящими въ темнотѣ какъ рубины, жадно провожаютъ всадника.

Но вотъ и домъ—большой бѣлый, съ колоннами и лѣпнымъ гербомъ на фронтонѣ. Привязавъ лошадь къ периламъ крыльца, Отто взбѣгаетъ вверхъ по ступенямъ и черезъ высокія стеклянные двери входитъ въ большую прихожую, а студа въ залъ... Странно, что въ домѣ нѣтъ мебели, а на полу и по угламъ—хлопья пыли, точно здѣсь уже давно не жилъ... Вѣдь, всего недѣлю тому назадъ здѣсь весело пировали нѣмецкіе офицеры... Здѣсь, въ этомъ большомъ залѣ, убита эта старуха-помѣщица. Фенрихъ никогда не забудетъ ея высокой, величавой фигуры, ея изступленнаго страшнаго лица, ея горящихъ какъ въ лихорадочномъ бреду глазъ... Она стояла посреди этого торжественнаго зала, гдѣ такъ умѣстна тяжелая краснаго дерева мебель, огромная зеркала, громадная потемнѣвшая картины въ массивныхъ рамахъ... Старуха обѣими руками обнимаетъ «ту дѣвушку», чуть живую отъ ужаса и отчаянія и даже два пьяныхъ солдата, которымъ приказано вышвырнуть die alte Пехе изъ дома, перѣпуганно мнутъ и видимо боится подойти къ ней... Фен-

рихъ храбрѣе: онъ подходитъ къ двумъ женщинамъ и развязно предлагаетъ молодой паненкѣ принять участіе въ пессетомъ ужинѣ господъ офицеровъ, а старой солдаткѣ... Отто не успѣлъ договорить, такъ какъ старая дама звонко ударила его по шее, и тогда Фенрихъ вмѣстѣ съ двумя солдатами набросился на нее и двумя руками убила... Да, это тотъ самый залъ, только безъ мебели. Изъ глубины комнатъ слышатся приближающіеся шаги... Кто-то идетъ тяжело шлепая туфлями... Отто знаетъ «кто» это идетъ; хочетъ спрятаться, но негдѣ... Вотъ «она» вошла, высокая худая... Сдѣлае волосы въ беспорядкѣ падаютъ на окровавленное лицо... Глазъ не видно, но Фенрихъ чувствуетъ—она устремлена на него... Она подходитъ медленно, методично, какъ машина, и въ этой методичности движеній, въ этихъ тяжело шлепающихъ шагахъ заключаетъ что-то неуловимое, неизбежное, что-то такое, что приковываетъ Фенриха какъ зачарованнаго къ мѣсту...

— Halt an!—вступленно кричитъ кто-то.

Отто мгновенно приходитъ въ себя. Вокругъ почти темно; Валькирія, подавшись впередъ и прижавъ на переднія ноги, хрипитъ, всматриваясь въ таинственный мракъ тѣла. Лошадь вахмистра боязливо жмется и наваливается боками на Валькирію.

— Halt an!—снова тѣмъ же дикимъ голосомъ вопитъ Мицке.

Впереди виденъ неясный силуэтъ кого-то или чего-то, слышится не то сопѣніе, не то мурмыканье, хруститъ какъ бы отъ шаговъ сухія вѣтки и фигура то поднимается, то присѣдаетъ... Что это—лось, зубръ, или какой-нибудь другой крупный зверь? Но если это зверь, почему его не пугаютъ окрики, почему онъ такъ смѣло приближается... Почему такъ испуганы лошади: онъ точно наэлектризованъ, трещитъ каждымъ мускуломъ, роютъ усилія выкарабкаться и дико кричатъ. Но земля, хрипя и неудержимо рвется конвульсивными движеніями Валькирія мѣтаетъ, что даже не вѣрится, что это тѣ самые замученныя голодомъ и скитаньями по тѣсу чуть живыя клычи, на которыхъ уланы бѣжали нѣсколько минутъ назадъ. Этотъ ужасъ животныхъ оообщился и людямъ... Фенрихъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, выхватилъ револьверъ и по цѣлямъ выстрѣлилъ...

Въ мгновенной вспышкѣ выстрѣла передъ уланами мелькнуло что-то невиданное, что-то большое, мохнатое съ громадной головой въ сѣдыхъ космахъ и растрепанной бородѣ, это что-то протягивало къ всадникамъ когтистую звѣриную лапу...

Послѣ выстрѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ привидѣлось странное существо, вспыхнули два тускло зеленыхъ, какъ у кошки, глаза, захрустѣлъ хворостъ и подъ ноги

лошадямъ съ чудовищнымъ визгомъ, лаемъ, хохотомъ, комомъ выкатилась большая темная масса... Обезумѣвшіе лошади рванулись, понеслись и вдругъ, какъ по волшебству, передъ всадниками исчезли деревья, мелькнуло звѣздное небо. Въ слѣдующее мгновеніе Фенрихъ, вахмистръ и ихъ лошади безпомощно барахтались въ невылазной засасывающей трясинѣ Чечельницкой топи. Мицке, при паденіи разбившій голову о дерево, тонулъ безъ сознанія, а Отто дѣлалъ нечеловѣческия усилія выкарабкаться и дико кричалъ. Но конвульсивныя движенія Валькирія мѣтаетъ, что даже не вѣрится, что это тѣ самые замученныя голодомъ и скитаньями по тѣсу чуть живыя клычи, на которыхъ уланы бѣжали нѣсколько минутъ назадъ. Этотъ ужасъ животныхъ оообщился и людямъ... Фенрихъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, выхватилъ револьверъ и по цѣлямъ выстрѣлилъ...

Въ мгновенной вспышкѣ выстрѣла передъ уланами мелькнуло что-то невиданное, что-то большое, мохнатое съ громадной головой въ сѣдыхъ космахъ и растрепанной бородѣ, это что-то протягивало къ всадникамъ когтистую звѣриную лапу...

Послѣ выстрѣла на томъ мѣстѣ, гдѣ привидѣлось странное существо, вспыхнули два тускло зеленыхъ, какъ у кошки, глаза, захрустѣлъ хворостъ и подъ ноги

Василій Афанасьевъ.

Редакторъ М. А. Суворинъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина—
«Новое Время».

ВЪ СТАРОМЪ ПЕТРОГРАДѢ.

Бѣга на Невѣ зимою противъ Зимняго дворца, въ половинѣ прошлаго столѣтія. Ориг. рисунокъ В. Тимма.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г. (39-е издание) на ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СЕВЕРНЫЙ ЖУРНАЛЪ и КНИГѢ „РОДИНА“

АБОНЕМЕНТЪ № 1:
232 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА „РОДИНА“ и ПРИЛОЖ. „МОДЫ“
 Въ номерахъ 3100 страницъ, повѣстей, рассказовъ, стихотвор. только РУССКИХЪ писателей на темы войны и проч. современ. быта и до 1200 иллюстрацій (портретовъ, картъ и сценъ) современ. жизни и каррик. в началѣ того—12 ММ жур. „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“ и 12 ММ жур. „НОВАЯ МОДА“

52 КНИГИ 12 РУССКИХЪ РОМАНОВЪ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ, выдающ. образц. изъ лучшей томы современ. класс.

12 КНИГЪ НОВОЙ СЕРІИ ИСТОРИЧЕСК. РОМАНОВЪ **М. Н. ВОЛКОНСКАГО**
12 РОМАНЪ **Н. СЕВЕРИНА** и 4 КНИГЪ СОЧИН. **„БИБЛИОТЕКА СМѢХА“**
12 КНИГЪ ЖУРНАЛА (съ 200 пов., разск.), **„СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“**

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА АБОНЕМЕНТА № 1
 безъ доставки въ Петроградъ 13 р. съ пересылкой 14 р. РАЗСРОЧКА первый взносъ 5 р.

АБОНЕМЕНТЪ № 2:
232 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА „РОДИНА“ и его ПРИЛОЖ. „МОДЫ“ и **82 КНИГИ** полного собранія ВСѢХЪ БЕДЛЕТРИСТИЧ. и ФИЛОСОФ. СОЧИН. **Л. Н. ТОЛСТОГО**

стоющаго въ отдѣльной продажѣ двадцать (20) рублей.
 ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА АБОНЕМЕНТА № 2
 безъ доставки въ Петроградъ 17 р. съ пересылкой 18 р. РАЗСРОЧКА первый взносъ 6 р.

Подписчики журнала „РОДИНА“ любого абонемента, выписывающіе также любой абонементъ иллюстрированнаго литературнаго журнала **„ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“** (съ объявленіемъ дѣлѣ), пользуются уступкой въ **ОДИНЪ РУБЛЬ** съ общаго годового подписнаго цѣны обоихъ журналовъ—**ПОДРОБНУЮ ПРОГРАММУ БЕЗПЛАТНО**.—Подписки съ указаніемъ журнала и абонемента адресуется: Акціон. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. НАСПАРІИ, ПЕТРОГРАДЪ, Литейская, 114.

ОТДѢЛЕНІЕ главной конторы въ ПЕТРОГРАДѢ, Садовая ул., д. 20 (протъ Гостин. двора, третій д. отъ Невскаго)

АБОНЕМЕНТЪ № 3 (СОЕДИНЕНІЕ АБОН. №№ 1 и 2):
232 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА „РОДИНА“ и его ПРИЛОЖ. „МОДЫ“ и **134 КНИГИ** т. е. 82 эк. повѣст. собр. сочин. Л. Н. ТОЛСТОГО, 12 эк. ИСТОРИЧ. роман. эк. М. Н. ВОЛКОНСКАГО, 12 эк. роман. Н. СЕВЕРИНА, 12 эк. „РУССКИХЪ РОМАНОВЪ“, 12 эк. „СБОРНИКА ЛИТЕРАТУРЫ“ и 4 эк. „БИБЛИОТ. СМѢХА“.

ГОДОВАЯ ПОДПИСНАЯ ЦѢНА АБОНЕМЕНТА № 3
 безъ достав. въ Петрогр. 24 р. съ пересылкой 26 р. РАЗСРОЧКА первый взносъ 8 р.

УДЕШЕВЛЕННЫЙ АБОНЕМЕНТЪ № 4:
232 ВЫПУСКА ЖУРНАЛА „РОДИНА“ и его ПРИЛОЖ. „МОДЫ“ и **28 КНИГЪ** СОЧИНЕНІЙ РАЗН. АВТОР. 12 КНИГЪ РУССК. РОМАНОВЪ выдающихся современ. писателей 12 журн. „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ 4 КНИГЪ СОЧИН. „БИБЛИОТЕКА СМѢХА“.

ГОДОВАЯ ПОДП. ЦѢНА 11 р. 50 к. безъ достав. въ Петрогр. Съ пересылкой 12 р. РАЗСРОЧКА первый взносъ 4 р.

ПОДПИСЧИКИ журналовъ „РОДИНА“ и „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ получаютъ **2 КАРТИНЫ** БОЛЬШОЯ ПРЕМИИ: 1) „ГАДАНИЕ“ 2) „СВИДАНІЕ“.

Худож. иллюстрированныя карты выш. красками обѣ эти картины будутъ рубль (вмѣстѣ двѣ) только за трихъ рублей) при условіи внесенія въ теченіе года всей подписки платити

ОТКРЫТА на 1917 г. ПОДПИСКА на АБОНЕМЕНТЪ № 1: ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“

больш. 2500 ст. текста съ 1000 иллюстр. и много „СМѢХЪ и САТИРА“

24 КНИГИ раздѣленныя на двѣ группы: 12 эк. истор. ВОЛКОНСКАГО и повѣст. Н. СЕВЕРИНА ГОДОВАЯ ПОДП. ЦѢНА 9 р. 50 к. безъ достав. въ Петрогр. съ пересылкой 10 р. РАЗСРОЧКА первый взносъ 3 р.

АБОНЕМЕНТЪ № 2: ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ и юмор. отд. „СМѢХЪ и САТИРА“ и 82 книги сочин. Л. Н. ТОЛСТОГО

За годъ безъ достав. въ Петроградъ 16 р. съ пересылкой 17 р. РАЗСРОЧКА первый взносъ 6 р.

БИБЛІА

полная на рус. яз. съ параллел. мѣст. и указател., печать Синодальной типографіи, иллюстрирована въ текстѣ **208 художест. КАРТИНАМИ**, размѣр. кн. венными 6х4 верш., 2 толиц. в ѳ. 9 ф., 1550 стр., въ проч. красив. тисн. золотомъ полукожан. переплетѣ съ футляр. ц. 8 р., съ перес. и упаков. Евр. Россіи 9 р. ПЕРВАЯ и единственная въ Россіи ПОЛНАЯ иллюстрир. Библия. Эту великую книгу каждый долженъ имѣть каждый.

Адр.: Петроградъ, Невскій пр., 153.
 Тел. 90-36. Е. П. Масленникову.

БУХГАЛТЕРІЯ
 и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТТЕСТАТЪ. Льготныя условія полноты и пробная лекція **БЕЗПЛАТНО**.

Адр.: Петрогр., «Кругъ Самообразованія», Б. Ружейная, 7—11.

ВИНОКЛИ ЦЕЙСЪ
 и другіе офицерскіе военные новаго лучшаго образца 6, 8, 10 и 12хизъ.

СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 33.

Открыта подписка на 1917-ый год на большой художественно-литературный журнал

8-ой годъ
издания.

„СОЛНЦЕ РОССИИ“

8-ой годъ
издания.

«СОЛНЦЕ РОССИИ» является единственным в России журналом, издаваемым по типу лучших еженедельников Франции и Англии. Особое внимание в нем обращено на художественное исполнение иллюстраций, благодаря чему среди русских еженедельных журналов «СОЛНЦЕ РОССИИ» занимает совершенно особое место.

В «СОЛНЦЕ РОССИИ» печатаются иллюстрации в красках.

В «СОЛНЦЕ РОССИИ» обширно применяется способ «глубокой печати» (меццотинто-гравюры), представляющий собою последнее слово в области художественного воспроизведения иллюстраций.

Съ начала 1917 года в «СОЛНЦЕ РОССИИ» вводится целый ряд технических реформ, направленных къ поднятию художественнаго уровня журнала на небывалую еще в России высоту.

Такъ, предпринятъ рядъ мѣръ къ улучшенію качества печати, съ которыхъ печатаются въ журналѣ иллюстраціи. Оборудованы новыя художественно-цифровграфическія мастерскія, къ работѣ въ которыхъ привлечены лучшія спеціалисты. Этими мѣропріятіями достигается то, что красочныя иллюстраціи будутъ помѣщаться въ каждомъ номерѣ журнала; кромѣ того, художественныя качества иллюстрацій, вообще, сильно повысятся.

Значительно улучшено качество бумаги. Въ результатѣ долгихъ сношеній съ скандинавскими странами одна изъ крупнѣйшихъ фабрикъ Норвегій—Niels Juul et Co—изготовила для «СОЛНЦА РОССИИ» громадную партію великолѣпнѣйшей хромовой бумаги, превосходящей по своимъ качествамъ всѣ лучшіе сорта бумаги, применявшіяся въ журналѣ въ мирное время.

Въ «СОЛНЦЕ РОССИИ» помѣщаютъ свои произведенія всѣ лучшія литературныя и художественныя силы Россіи. На театрѣ военныхъ дѣйствій «СОЛНЦЕ РОССИИ» имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ-фотографовъ, запечатлѣвающихъ въ яркихъ и художественныхъ снимкахъ весь бытъ военно-походной жизни.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ) на

„СОЛНЦЕ РОССИИ“

на 12 мѣсяцевъ 15 руб.
„ 6 „ 8 „

Для гг. годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ—5 руб., къ 1 марта—5 рублей и къ 1 мая—5 рублей.

Желающіе получать журналъ на роскошной мѣловой бумагѣ приплачиваютъ къ годовой подписной цѣнѣ—12 руб. и къ полугодовой—6 руб.

Подписныя деньги адресовать:

Конторѣ журнала „СОЛНЦЕ РОССИИ“, Петроградъ, Лиговская, 111-113, соб. д.

Съ новаго года издательство приступаетъ къ выпуску ряда художественныхъ монографій, альбомовъ иллюстрированныхъ книгъ. Особенно грандіознымъ изданіемъ явится предпринимаемая издательствомъ огромная энциклопедія художественной Россіи подъ общимъ названіемъ «ВЕЛИКАЯ РОССИЯ».—Цикль изданій, рассчитанный на нѣсколько лѣтъ. Первая серія этого цикла—«МОСКВА» будетъ выпущена въ теченіе 1917 года.

Подписывающіеся на журналъ „СОЛНЦЕ РОССИИ“ получаютъ художественныя изданія „СОЛНЦА РОССИИ“ на льготныхъ условіяхъ. ИЗДАНИЯ ЭТИ СЛѢДУЮЩІЯ:

Б. М. Кустодіевъ.

БОЛЬШАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОНОГРАФІЯ СО СТАТЬЯМИ

Н. Б. РЕРИХА и С. П. ЯРЕМИЧА.

Монографія будетъ выпущена въ большомъ форматѣ—in folio—на бумагѣ высшихъ сортовъ и будетъ заключать въ себѣ до 30 точныхъ воспроизведеній—fac simile—въ краскахъ самыхъ значительныхъ картинъ художника и его декоративныхъ работъ для театра и до 200 автографовъ и гравюръ.

„ЧЕХОВЪ ВЪ ТЕАТРѢ“.

Большое иллюстрированное изданіе. Текстъ и редація

ВЛАД. ИВ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО.

Книга будетъ выпущена въ форматѣ 27—28 сантиметр. Она будетъ содержать въ себѣ до 200 страницъ текста и иллюстрацій. Зарисовка постановочныхъ декораций и т. п. иллюстрацій будутъ воспроизведены въ краскахъ на роскошной мѣловой бумагѣ. Множество воспроизведеній (постановки, персонажи и т. п.)—по способу меццотинто-гравюры и автографовъ.

„МОСКВА“

(ИЗЪ ЦИКЛА „ВЕЛИКАЯ РОССИЯ“).

БОЛЬШОЕ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ В. Я. КУРБАТОВА

при ближайшемъ участіи

АЛЕКСАНДРА БЕНУА, И. Я. БИЛИБИНА, АПОЛИНАРІЯ ВАСНЕЦОВА, ИГОРЯ ГРАБАРЯ, М. В. ДОБРУЖИНСКИГО, А. В. ЩУСЕВА и Н. Ф. ЮОНА.

«МОСКВА» выйдетъ въ свѣтъ въ трехъ самостоятельныхъ изданіяхъ—русскомъ, французскомъ и англійскомъ. (Необходимо при подпискѣ указывать, на какомъ языкѣ желаетъ подписчикъ получить свое изданіе).

Англійское изданіе—подъ редакціей англійской писательницы миссъ МЕРІАЛЬ БЮКЕНЕНЪ, дочери великобританскаго посла въ Петроградѣ, почетнаго гражданина города Москвы.

Цѣль изданія—собрать въ капитальномъ художественномъ трудѣ и показать міру безцѣнными національными сокровища матери русскихъ городовъ, а также познакомить съ нашей художественной культурою союзные съ нами народы.

Выдающіеся русскіе художники пишутъ для этого изданія спеціальныя иллюстраціи.

Изданіе будетъ выпущено въ большомъ форматѣ (приблизительно 35—45 сантиметровъ) на бумагѣ наилучшаго качества.

Изданіе выйдетъ въ свѣтъ въ ШЕСТИ ТЫСЯЧКАХЪ большого объема. Каждый выпускъ будетъ содержать въ себѣ около ста репродукцій, исполненныхъ разнообразными способами печати. ВСЕГО ВЪ ИЗДАНІИ ДО ШЕСТИСОТЪ КРАСОЧНЫХЪ И ОДНОЦВѢТНЫХЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Для любителей высокохудожественныхъ изданій будутъ выпущены именныя нумерованныя экземпляры на особо-дорогихъ бумагахъ въ роскошныхъ переплеткахъ.

„КАЗАКИ“ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Кавказская повѣсть.

въ роскошномъ изданіи in folio съ иллюстраціями Е. Е. ЛАНСЕРА.

Изданіе будетъ отпечатано на бумагахъ самыхъ высокихъ сортовъ со вслѣдками-иллюстраціями въ краскахъ и меццотинто, съ художественными виньетками и т. п.

„СКАЗКИ“ М. В. ДОРОШЕВИЧА.

Роскошное художественное изданіе

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ С. П. ЛОДЫГИНА И МИССЪ.

Книга «Сказки» В. М. Дорошевича будетъ выпущена въ большомъ форматѣ на бумагѣ высшего качества. Иллюстраціи въ краскахъ будутъ исполнены на мѣловой бумагѣ. Множество стильныхъ иллюстрацій и виньетокъ blanc et noir. Книга будетъ заключать въ себѣ свыше 150 страницъ текста и иллюстрацій.

Подписная цѣна на художественныя изданія:

НАЗВАНІЕ ИЗДАНІЯ.	При самостоятельной подпискѣ на художественныя изданія.		При одновременной подпискѣ на 1 годъ на «Солнце Россіи»	
	Обыкновенный экземпляръ.	Именной экземпляръ.	Обыкновенный экземпляръ.	Именной экземпляръ.
I. «Москва»	100 р.	150 р.	95 р.	145 р.
II. «Б. М. Кустодіевъ»	30 р.	50 р.	25 р.	50 р.
III. «Казань» Л. Н. Толстого	20 р.	45 р.	16 р.	40 р.
IV. «Чеховъ въ театрѣ»	12 р.	35 р.	10 р.	33 р.
V. «Сказки» В. М. Дорошевича	7 р. 50 к.	25 р.	6 р.	23 р.

Подробные проспекты высылаются по первому требованію.

Подписныя деньги адресовать:

Конторѣ журнала

„Солнце Россіи“

Петроградъ, Лиговская ул., 111-113, соб. д.

Льготы для подписчиковъ „Солнца Россіи“

Для облегченія подписчикамъ «Солнца Россіи» подписки на художественныя изданія устанавливается слѣдующая льгота: лицо, подписавшееся сразу на весь 1917 годъ на журналъ (непрезѣнное условіе на пользованіе льготой), можетъ вносить подписныя деньги за художественныя изданія, которые оно выберетъ, не все сразу при подпискѣ на журналъ, а въ слѣдующіе сроки:

- За изданіе «Б. М. Кустодіевъ» — къ 1 февраля.
- » » «Сказки» В. М. Дорошевича — къ 1 февраля.
- » » «Казань» Л. Н. Толстого — къ 1 мая.
- » » «Чеховъ въ театрѣ» — къ 1 июля.

На изданіе «Москва» для годовыхъ подписчиковъ журнала—слѣдующая разсрочка: при подпискѣ—30 р., къ 1 марта—20 р., къ 1 мая—20 р., къ 1 июля—15 р. и къ 1 сентября—10 р. (При подпискѣ на именной экземпляръ каждый взносъ увеличивается на 10 р.)

Такимъ образомъ, пользуясь помѣщаемой ниже таблицей, каждый подписчикъ можетъ составить себѣ схему, по которой онъ долженъ высылать деньги, въ зависимости отъ того, какия изъ объявленныхъ изданій онъ пожелаетъ получить.

Срокъ взноса.	ЗА КАКОЕ ИЗДАНИЕ.	За обыкновенный экземпляръ.	За именной экземпляръ.
При подпискѣ	Годовой экземпляръ «Солнца Россіи»	15 р.	
	на мѣловой бумагѣ	27 »	
	«Москва» (I-й взносъ)	30 »	40 руб.
1 февраля	«Б. М. Кустодіевъ»	25 »	50 »
	«Сказки» В. М. Дорошевича	6 »	23 »
1 марта	«Москва» (II-й взносъ)	20 »	30 »
1 мая	«Москва» (III-й взносъ)	20 »	30 »
	«Казань» Л. Н. Толстого	16 »	40 »
1 июля	«Москва» (IV-й взносъ)	15 »	25 »
	«Чеховъ въ театрѣ»	10 »	33 »
1 сентября	«Москва» (V-й взносъ)	10 »	20 »

УИЛЬЯМЪ ЛОКЪКЪ.

Уильямъ Локкъ въ короткое время сталъ самымъ популярнымъ и любимымъ писателемъ во всемъ мѣрѣ. Секретъ его успѣха — не только въ необыкновенно занимательной фабулѣ, въ красочности языка и блестящемъ изложеніи, но еще и въ чрезвычайно любовномъ и вдумчивомъ отношеніи автора къ своимъ героямъ. Локкъ не задается цѣлью кого-либо поучать, онъ — не проповѣдникъ, не основатель новыхъ социальныхъ теорій. Но онъ любитъ человека со всеми его недостатками и ошибками, и поэтому его романы примиряютъ съ жизнью, успокаиваютъ издерганные нервы современнаго читателя и укрѣпляютъ вѣру въ будущее человечества.

Открыта подписка **„ВСЕМИРНАЯ ПАНОРАМА“**
9-ый годъ изданія. **НА 1917 годъ** 9-ый годъ изданія.
на еженедѣльный художественно-литературный журналъ

„ВСЕМИРНАЯ ПАНОРАМА“, за 8 лѣтъ своего существованія, стала однимъ изъ самыхъ распространенныхъ иллюстрированныхъ еженедѣльниковъ. Комплектъ журнала за годъ представляетъ объемистый томъ, заключающій до 2.000 столбцовъ текста и до 3.000 рисунковъ. Въ журналѣ помѣщаются рассказы, очерки и популярныя статьи лучшихъ русскихъ и иностранныхъ писателей и ученыхъ.

Подписчики „Всемирной Панорамы“ въ 1917 году получаютъ слѣдующія **бесплатныя приложения.**

30 книгъ сочиненій знаменитаго англійскаго писателя Уильяма Локка, заключающихъ 12 отдѣльныхъ романовъ, (стоющихъ въ отдѣльной продажѣ болѣе 20 рублей).
5 художественно-исполн. большихъ ГРАВЮРЪ-ПОРТРЕТОВЪ нашихъ героев-военачальниковъ. Портреты будутъ воспроизведены на плотной бумагѣ по способу меццотинто-гравюры и въ отдѣльной продажѣ будутъ стоить 10 руб.
2 РОСКОШНЫЯ КАРТИНЫ, большого размѣра 60x42 см., изъ военного быта (цѣна картинъ въ отдѣльной продажѣ 6 рублей).
40 художественныхъ ОТКРЫТОКЪ. На открыткахъ будутъ помѣщены: а) 10 женскихъ головокъ, работы известныхъ художниковъ; б) 10 портретовъ писателей и виднѣйшихъ общественныхъ дѣятелей; в) 10 красивыхъ видовъ; г) 10 паррикатуръ.
12 выпусковъ Женскаго журнала. Выпуски будутъ обильно снабжены рисунками, изображающими послѣднія моды и разныя рукодѣльныя работы.
12 выпусковъ журнала для дѣтей; въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаемы рассказы, рисунки, игры и забавы.
4 КАРМАННЫХЪ СЛОВАРЯ: а) Русско-Англійскій; б) Англійско-Русскій; в) Русско-Французскій; г) Французско-Русскій. Каждый словарь будетъ заключать отъ 300 до 400 страницъ убористой, четкой печати. Словари выйдутъ въ 12 выпускахъ.
Книга о Японіи. Роскошно изданная книга съ многочисленными рисунками, изображающими бытъ и нравы нашей могучей союзницы — страны Восходящаго Солнца.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 52 №№ журнала „ВСЕМИРНАЯ ПАНОРАМА“ со всѣми бесплатными приложениями **15** рублей въ годъ.
Допускается разсрочка: при подпискѣ — 5 руб., къ 1 марта — 5 руб. и къ 1 мая — 5 рублей.

ДЕНЬГИ ВЫСЫЛАТЬ ПО АДРЕСУ:
ПЕТРОГРАДЪ, АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ИЗДАТЕЛЬСКАГО ДѢЛА „КОПЪЙКА“. ЛИГОВСКАЯ, 111-113, соб. домъ.

САМОКРАСЯЩІЯ ГРЕБЕНКИ.
Электрич., безъ красокъ, 15 р. только силою въ нихъ тока.
СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОВРѢТЕНІЙ
Петроградъ, Морская, 88.

Въ книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Суворина „Новое Время“
ПРОДАЕТСЯ РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ
ШЕКСПИРЪ
ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ
СЪ РИСУНКАМИ
ДЖЕМСА Д. ЛИНТОНА
Цѣна 10 руб.

Открыта подписка на 1917 г. на лучший въ Россіи модный и сезонный журналъ **ВѢСТНИКЪ МОДЫ.** Петроградъ, Александринская площадь, 9.
Переводъ французскаго журнала „la Mode pratique“. Выходитъ въ 5-ти издаваніяхъ и дается: 24 модныхъ №№ около 800 рис. въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалетовъ и бѣлья, 24 №№ рукодѣлій около 400 рис. съ узорами въ натуральную величину, 24 выкроечныхъ листа около 500 выкроекъ въ годъ, 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 6 раскрашенныхъ узоровъ и 2 прѣсны: 1) Гигіена лица д-ра Гасту и 2) Альбомъ работъ Гарданиеръ. Кроме того 2-ое издаваніе получаетъ 12 вырѣзныхъ выкроекъ, 8-е — 12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ, 4-е — 48 раскрашенныхъ карт. и 5-е — 96 раскр. карт. Въ программу журнала входятъ: романы, биографія съ портретами, статьи по женскому вопросу и воспитанію дѣтей, кухни, домоводство, гигиена и косметика и пр. подъ редакціей спеціалистовъ. — Цѣна въ годъ: 1 изд. — 7 руб. 2-е — 8 р. 3-е — 10 р. 4-е — 14 р. 5-е — 28 руб. Подписной годъ начинается съ 1-го Декабря. Есть подписка на 1/2 г. и съ разсрочкой. Въ 1916 году было помѣщено между прочимъ: Замки погребеніи, Р. Кадантъ, Клятва на Вермудскихъ островахъ, Нов. Галль, Проступокъ молодости, Нов. Фр. Коппе, Агнесса, Раа. Н. Дорин, Сидд. Раа. Ж. Дорин, Прочудилъ любви, Раа. Зоботъ, Пачка писемъ, Раа. Желтыба по призывленію, Комедія Мольера, Путь къ счастью, Шесть бесѣдъ, Основныя правила ухаживанія за А. Рипо, Отчего мы крадемъ, О снисходительности, А. де-Врутель, Графиня К. де-Врутель, За и противъ привычекъ, де-Гурле Воспитаніе дѣлашекъ, М. Мандусъ, Первое чувство, Е. Марсаль, Самолюбіе и воспитаніе, Дѣтскія игры, Д-ра М. Е. П. Психологія ребенка, Веселые-Фаворъ, Воспитаніе некривности, Уходъ за кожей, К. де-Врутель, Верные тикки и манеры, Д-ра Винашъ, Предупрежденіе насильныхъ злодѣяній, Недостатки въ цвѣтѣ лица, К. де-Врутель, Лечение солнцемъ, Д-ра П. Е. М. Уходъ за полостью рта, Волосы дѣтскаго возраста, Д-ра Винашъ, Гигіена лица К. де-Врутель, Гигіена питанія, Д-ра П. М. Уходъ за ногами, — Основныя вещества въ пищѣ, Курсы гигиеническаго питанія, Проф. Пако, О температурѣ пищи и питья, Разборъ различныхъ режимовъ питанія, Проф. Пако, Ежедневныя меню завтраковъ и обѣдовъ съ подробнымъ изложеніемъ приготовленія, Выдѣлка мясныхъ домашнихъ способомъ, Что можетъ дать небольшое домашнее птицеводство, Маринование овощей, Здѣсь же принимается подписка на журналъ „БѢЛЫЕ И ВЫШИВКИ“, дающій, кроме бѣлыхъ вещей, родовъ, рукодѣлія, всѣхъ съ узорами въ натуральную величину, 6 №№ въ годъ. Цѣна 2 р. 25 к.

Въ книж. магаз. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“
продается книга
ЦАРЬГРАДЪ И ОКРЕСТНОСТИ.
Историко-художественное описаніе А. Барта.
248 стр. съ 58 рисунками и чертежами, въ художественной обложкѣ.
Переведъ Н. М. Лаговъ.
Дополнено Н. Н. Пѣшковымъ.
Цѣна 1 руб. 50 коп.

Новая книга В. ОПОЧИНИНА:
Трезвы и Жизнь.
Античные эскизы. Отклики войны. Краски жизни. Альбомъ восточныхъ набросковъ и другія стихотворенія.
Цѣна 1 руб. 50 коп.
Продается въ книжныхъ магазинахъ Товарищества А. С. Суворина — „Новое Время“, Цопова и друг.
Обложка Г. Нарбута. Издательство „Лукоморье“.

УЧАЩИМСЯ
Пособія для сочиненій, разборы классиковъ, Домоусова, Фонвлинна, Карамзина, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Крылова, Бѣлинскій, Жуковскій, Гоголь, Аксаковъ, А. Толстой, Некрасовъ, Достоевскій, Тургеневъ, Островскій, Гончаровъ, Майковъ, Григороничъ, Чеховъ и Л. Толстой, сост. А. И. Нолновымъ. Каждое изъ нихъ содержитъ біографію, разборъ главъ, прописей, темъ и плановъ, содержаніе ихъ, полный характеристики дѣйствующихъ лицъ, значеніе въ литературѣ, разборъ произведенія. Пособіе не только материалъ для нѣсколькихъ сочиненій на различныя темы. Предвидя болыюю потребность и желая дать возможность приобрести каждому, — назначены доступныя цѣны по 60 и 80 коп. на каждое. Высылаются наложеннымъ плат. Выписывающіе въ складъ А. Загряжскаго (Петроградъ, Разъѣздъ, 14-Г.) на сумму не менѣе четырехъ рублей на пересылку не платятъ. Поступила въ продажу того же автора руководство къ составленію сочиненій, для самостоятельнаго, подготовленія и для самообразованія, книга **КАКЪ ПИСАТЬ СОЧИНЕНІЯ**. Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 25 коп. За двѣ десятикопѣечныя маркі высылается указатель учебныхъ пособій. Указатель содержитъ перечисленіе существующихъ рѣшеній, конспектовъ, повторительныхъ курсовъ, переводовъ-подоточниковъ, словарей, программъ и др. подобныхъ изданій съ указаніемъ цѣны.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПРИРОДА И ЛЮДИ 1917 г.

Природа и Люди

28-й г. изд.

52 №. №. ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЛЛЮСТР. ЖУРН.

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ И РАЗСКАЗЫ, ЖИВОПИСНЫЕ ПУТЕШ. ПО ВСЕМЪ ЧАСТЯМЪ СВѢТА. ОПИСАНИЕ ЧУДЕСЪ И ВЕЛИКИХЪ ЯВЛЕНІЙ ПРИРОДЫ. ВОЕННЫЕ ОБЗОРЫ. СПОРТЪ. НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. ОЧЕРКИ ПО ВСЕМЪ ОТРАСЛЯМЪ ЗНАНІЯ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА 6 РУБЛЕЙ съ доставкой и пересылки 5 руб. 50 коп.

РАЗСРОЧКА НА ЖУРНАЛЪ И ПРИЛОЖЕН. ДОПУСКАЕТСЯ:

Въ два срока: при подп. половиной стоимости и къ 1 мая остальных.

Въ три срока: при подпискѣ треть стоимости, къ 1 февраля еще треть стоимости и къ 1 мая остальных. ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ 1916 ГОДА ПО 1-ое НОЯБРЯ 1917 ГОДА.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: ПТГР., СТРЕМЯННАЯ 12, СОБ. Д. ИЗД. П. П. СОЙКИНЪ.

— ПРИЛОЖЕНІЯ ПО ВЫБОРУ, ЗА ОСОБУЮ ПЛАТУ: —

42 КНИГИ ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧ. ЗНАМЕН. ИСТОРИЧ. РОМАН., АВТОРА «СЕРГѢЯ ГОРБАТОВА» и др.

ВСЕВОЛОДА СОЛОВЬЕВА ЗА 8 РУБЛЕЙ 60 коп.

Настоящее полное собрание сочинений будетъ пополнено произведениями, не вошедшими въ прежнія изданія

12 КНИГЪ МІРЪ ПРИКЛЮЧЕНІЙ ЗА 4 РУБЛЯ съ иллюстр.

Романы, повести, рассказы. Новизна, оригинальность, безконечное разнообразіе сюжетовъ, занимательность и драматичность интриги.

12 КНИГЪ ИСТОРИЯ НОВѢЙШАГО ВРЕМЕНИ ЗА 4 РУБЛЯ 1.000 стр.

Событія всемірной истории съ 1815 года по 1915 годъ, Александра Торсовъ. Съ приложениемъ профессора В. И. Лучицкаго.

12 КНИГЪ ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ ЗА 5 РУБЛЕЙ

Роскошно иллюстр. журналъ для самообразования съ картинками въ краскахъ.

— ПРИЛОЖЕНІЯ БЕЗЪ ЖУРНАЛА НЕ ВЫСЫЛАЮТСЯ. —

ЧАСЫ для подарковъ

съ высок. качества механизмомъ и изящной отделкой внѣшности

Швейцарскій часовой магазинъ

А. Брудереръ,

Пассажъ, 24-26. Петроградъ.

Имѣетъ постоянный разнообразный выборъ карманныхъ, браслетныхъ и другихъ часовъ.

В. П. ОПОЧИНИНЪ.
ВЪКЪ НЫНѢШНІЙ
КНИГА РАЗСКАЗОВЪ. ЦѢНА 2 РУБ.

ПИСАТЬ

КРАСИВО, СКОРО И ГРАМОТНО.

КАЛЛИГРАФІЯ 6 отдѣл. Рондо-Готикъ, батардъ и пр. 201 рис. и черт. къ текстѣ, транспорант. и тетради-держат. Новѣйш. самоучит. для испр. почерка въ короткій срокъ. Главн. выж. образ. на контрол. скорост. Цѣна за полный курсъ съ образц. и перес. 2 руб. 50 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ПРАВОПИСАНІЯ русскаго яз. значительно дополненъ и расширенъ изданіемъ новѣйш. руковод. для самообученія съ двумя отдѣлами: орфографіей и синтаксисомъ и со справочн. словаремъ всѣхъ словъ, затрудняющ. пишущ. и всѣхъ

Адресъ: Книгоизд. «КРУГЪ САМООБРАЗОВАНІЯ» — Петроградъ, Б. Ружейная, 7—11.

The English Photo-Studia

М. НАПЦЕЛЬБАУМЪ.

Невскій, 72. Тел. 149-26.

Художественные фотографич. снимки въ стилѣ старинныхъ гравюръ и офортовъ.

ПРИ ИСТОЩЕНІИ

При истощеніи и ослабленіи организма послѣ изнурительныхъ болѣзней, рекомендуется усильно, какъ высш. питательное и укрѣпляющее средство **«Лециталь» МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.**

Всѣдѣтвѣ содержанія въ **«Лециталь»** specially-питательнаго и укрѣпляющаго химическаго тѣла лецитина, гемоглобина (содѣла красныхъ кровяныхъ шариковъ) и мальтозы (энергетическое вещество соеда). **«Лециталь»** многазъ вслуживаетъ много между питательными и укрѣпляющими средствами при малокровіи и нервномъ истощеніи.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ:

Въ виду появившихся въ продажѣ поддѣлокъ вредныхъ для здоровья, требуйте **«Лециталь» МЕДИКО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.** Каждая Коробка снабжена фабричною маркой, рисунокъ которой здѣсь напечатанъ. Безъ фабричной марки на коробкѣ, это есть вредная нелегкая поддѣлка.

Продажа **«Лецитали»** во всѣхъ аптекахъ и аптекарск. магаз. Брошюра высыл. бесплатно. Цѣна 1 кор. **«Лецитали»** — 5 руб. 50 коп.; двойная кор. — 10 руб.

Главный складъ Депо: Медицино-Фармацевтическаго Товарищества
Петроградъ, У. Невскаго — Садовая 15, отд. — 014

ПРИМИТЕ

2 ПИЛЮЛИ

НАНОЧЬ ПЕРЕДЪ

СНОМЪ

КАЖДОЕ УТРО

ВАШЪ ЖЕЛУДОКЪ

БУДЕТЪ СВОБОЖДАТЬСЯ, ЛЕГКО НОРМАЛЬНО И ПРИЯТНО. ПРОТИВЪ ЗАСТАРЫВЪХЪ ЗАПОРОВЪ СЪ ГЕМОРРОЕМЪ, ГОЛОВНЫМИ БОЛЯМИ, ДІАРИЯМИ ИШЕИ, КАТАРЪ, АТОНІИ, ПРИ ТОШНОТѢ, ИЗЖЕГѢ И ВЗДЪТІИ ГАЗОВЪ

НАДЕЖНО И ВЪСТРО ДѢЙСТВУЕТЪ — КООРИНЪ

COORINE оздоравливаетъ желудокъ и ПРИЗВАЕТЪ ИШЕИКИ КЪ АККУРАТНОМУ ДѢЙСТВІЮ.

ОНЪ АБСОЛЮТНО БЕЗВРЕДЕНЪ и отпускается ИЗЪ ВСѢХЪ АПТЕКЪ по РЕЦ. ВР. отъ. продана ВО ВСѢХЪ АПТЕКАРСКИХЪ СКЛАДАХЪ.

Если въ аптекѣ не оказалось **НАПИШИТЕ** и мы немедленно укажемъ Вамъ ближайшую аптеку.

БРОШЮРА БЕЗПЛАТНО. Обратитѣ вниманіе на оригинальную упаковку.

Главный складъ **«КООРИНА»**
МОСКВА,
Мясницкая, Милютинскій пер., д. 3/р.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО БРОШЮРУ.

ВЫТЯЖКА

ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеросклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, бессонницѣ, половомъ безсиліи, хроническомъ разстройствѣ питания и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжелыхъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотери и проч.

Гг. ВРАЧАМЪ, ЛАЗАРЕТАМЪ и БОЛЬНИЦАМЪ СЪМЕННОЯ ВЫТЯЖКА лабораторіи Д. Калениченко для наблюденія высылается БЕЗПЛАТНО. ОБШИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ пересылка — 40 к., пересылка съими одного флакона — БЕЗПЛАТНО. 2-ой почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика.

Адресъ: Органотерапевт. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. 10, кв. 24. Тел. 409. Моск. адр. Москва, Каледвлюндъ.

3 р. 25 н.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ
Вытяжка или съменная железная соль не является лекарствомъ, а лишь средствомъ для усиленія деятельности организма.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ НЕВРАЛГІИ, ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ

ишаса, простудныхъ и ревматическихъ болей, да-ать Кефалдолъ Дра Сторъ Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефал-долъ абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ

Маленькая месть.

I.

Его так и называли по прежнему—Колла Валуйский, а между темъ Николаю Викторовичу было уже под сорокъ: стали захитно серебриться виски, появилась некоторая грузность въ станѣ. Но на служебное положеніе, ни то обворожительное легкомысліе, съ какимъ онъ себя держалъ, не давали рѣшительно никакого права вычеркнуть это имя изъ списковъ столичной молодежи.

Карьера Валуйскій не сблалъ, да, вѣдѣно, ею несколько и не интересовался. Человѣкъ неглупый и способный, онъ все свое честолюбіе, въ концѣ концовъ, уложилъ въ очень ограниченный кругъ желаній: быть всегда изысканно одѣтымъ, появляться почаще въ обществѣ, имѣть репутацію остроумнаго и тонкаго собесѣдника, опаснаго для женщинъ. Своимъ успѣхомъ неотразимаго мужчины онъ гордился въ особенности.

Говорили одно время, что Валуйскій сумѣетъ себя подыскать блестящую партію, что это и есть его главная жизненная задача. Но проходили годы,—Валуйскій и оставался холостикомъ. Можетъ быть не удавалось ему найти желаннаго, — вѣдь, дешево бы онъ своей свободой не продалъ, а можетъ быть не хватало въ характерѣ настойчивости или даже просто не хотѣлось лишиться привычнаго своего покоя. Самъ онъ вообще любилъ подтрунивать надъ браками.

Но въ сущности Валуйскій не былъ ни черствымъ эгоистомъ, ни кажимъ-нибудь безсердечнымъ покорителемъ женщинъ. Онъ жилъ себѣ изо дня въ день, достаточно счастливый, чтобы быть добрымъ, прасель, беззаботнымъ и звѣтскій. Въ душѣ онъ даже былъ не чутокъ какой-то сентиментальности, любилъ декламировать Апухтина, по настоящему любилъ музыку и немного пѣть. «Какой милый, какой очаровательный!» говорили всѣ о Валуйскомъ.

Николаю Викторовичу надо было сегодня захватить въ большой магазинъ на Невскомъ, выбрать какой-нибудь пу-стакъ хозяйкѣ дома, гдѣ онъ вечеромъ обѣдаетъ. Приказчица уже передъ нимъ разставила фарфоровыя бездѣлушки, которыя можно будетъ наполнить конфетами. Онъ обернулся еще разъ въ сторону витрины, гдѣ видѣлъ что-то какъ будто бы болѣе изящное, и неожиданно встрѣтилъ внимательно на него устремленный взглядъ стоявшей неподалеку дамы.

Онъ ее сразу узналъ, хотя рѣшительно не ожидалъ именно ее здѣсь встрѣтить и именно о ней меньше всего за минуту передъ тѣмъ думалъ. Отношенія были даже таковы, что ему слѣдовало бы, пожалуй, смутиться, но Валуйскій себя умѣлъ держать во всѣхъ положеніяхъ съ удивительной выдержкой. Обычная свѣтская приязнь тона окрашивала у него какия-угодно настроенія.

— Марья Егоровна! Я не ошибаюсь?... — заговорилъ онъ первымъ съ полной непри-нужденностью.—Какими судьбами?

Дама приветливо улыбнулась и протянула ему руку.

— Здравствуйте, здравствуйте, Николай Викторовичъ...

Оборонный этикетъ приветствіемъ, Валуйскій сталъ ее оглядывать, какъ хоро-шій и близкій знакомый.

— Какъ я радъ васъ увидѣть... вспо-мнить...

— А я васъ сейчасъ же узнала, Николай Викторовичъ...

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь АЛЕНСІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.
Съ фот. К. В. Гана и К° во Царскомъ Селѣ.

Она продолжала все такъ же мягко и ласково улыбаться, щури свои красивые темные глаза. Въ нихъ было такое теплое и участливое вниманіе, неподдельное удовольствие.

— Вы въ Петроградѣ давно?—спросилъ Валуйскій.

— Пріѣхала только къ праздникамъ. Иду теперь мужа изъ Архангельска.

— Мужа?

— Да, я замужемъ. Вышла тогда же, только весной. Да вы его даже хорошо знаете...

— Позвольте, позвольте, ужъ не тотъ ли сосѣдній помѣщикъ? Немного выключи-тей блондинъ?

— Ну да, Николай Ильичъ Бальсовъ. Помните?

— Еще бы не помнить! Я все это очень хорошо помню, милая Марья Егоровна.

— Ужъ будто бы!

Она съ некоторымъ кокетствомъ пове-

ла дружески:

— У мужа теперь довольно крупная дѣла: ему приходится часто ѣздить по-слѣ праздниковъ мы опять къ себѣ.

— Въ Воронежѣ?

— Да, мы живемъ въ Воронежѣ.

Валуйскій на нее близко смотрѣлъ, и такой ему опять милой показалась эта Ма-руся, которую онъ, кажется, немного лю-билъ. Мягкая, женственная, разумная... Можетъ быть, правда, счастье это было тамъ, можетъ быть, вообще оно около такихъ женщинъ, въ нѣжной ихъ заду-шевности, въ трогательной заботѣ...

— Вотъ уже три года,—сказала она, какъ смозъ раздумье.

— Да, три года,—откликнулась она.

— И вы такъ скоро уѣзжаете? Сей-часъ же послѣ праздниковъ?

— А у меня дома сынишка, я въ пер-вый разъ его оставила, поручила бабушкѣ.

Мнѣ нельзя задерживаться. Да я дѣла мужа...

— Словомъ—вѣрная супруга и добро-дѣтельная мать,—улыбнулся Валуйскій.

Улыбнулась и Марья Егоровна.

— Конечно.

Что-то неприятное, что-то злобно-мстя-тельное вдругъ почувствовалъ онъ въ се-бѣ. Это была, разумеется, не ревность, это была скорѣе всего обида. Вѣдь, Маруся его любила, онъ это зналъ. Разорвалъ съ нею, онъ себя обвинялъ, считалъ посту-пкомъ самымъ непорядочнымъ. Онъ ее искренно жалѣлъ, старался даже не навредить спра-вокъ, боясь, что разбилъ ей жизнь.

И вдругъ оказывается, что эта самая Маруся черезъ два-три мѣсяца уже вышла замужъ, да еще мало того—почти готова теперь увѣрить, что очень счастлива. Еще пожалуй, скажетъ, что вышла по любви.

«Всѣ онѣ, женщины,—такія», подумалъ Валуйскій: «ихъ жалѣть не стоить».

И внезапная мысль ему пришла в голову, когда он сейчас оглядывал Марусю—все-таки, ему очень понравившаяся. «Посмотрим!»

Она заметно похорошела за эти три года, немного поплотнела, но к ее высокому росту это шло. И какое-то особенно мягкое выражение приобрели ее темные глаза.

— Да, я не забыл прошлого,—повторил Валуйский, на этот раз уже нарочито подчеркивая свои слова, сообщая голосу тот особый искренний тон, который ему обыкновенно удавался и, по его мнению, действовал на женщин.

Маруса, как будто, задумалась.

— Вы в первый раз в Петроград?—спросил ее Валуйский.

— Да, в первый...

— В таком случае мой долг вас здесь принять и встретить в качестве местного хозяина и старожилы.

— Хорошо... я буду очень благодарна...

Маруса просто и доверчиво посмотрела на Валуйского.

— А вы все-таки постарели, Николай Викторович... Хотя я вас узнала и сразу, а теперь вижу. Да вы, голубчик, не обижайтесь: ведь, мы же с вами приятели...

Она улыбнулась, повзвывая опять на него той мягкой женственностью, которая ему в ней так нравилась. С этой улыбкой можно было говорить что угодно—ведь самая неприятная. И вместе с тем не такой уж должна была быть простодушной женщиной, этакая улыбающаяся.

«Посмотрим!» еще раз сказал мысленно Валуйский, и ему стало вдруг совсем весело. Он любил неожиданные завязки, в особенности с улыбающейся за себя постоять партизаном. А выпешшая замуж Маруса казалась именно такой.

Они оговорились сегодня же вечером быть вместе в театре.

II.

Встреча с Марусей три года назад была одной из самых необычайных в жизни Валуйского. Во-первых, Маруса была тогда барышня и барышня вполне приличная и нравственная, а, во-вторых, он на ней чуть-чуть не женился. Если еще прибавить, что у Маруси даже и приданого почти не было, то это естественно должно показаться для Валуйского совсем удивительным.

А дело происходило так.

Валуйский приехал осенью в Воронеж, чтобы окончательно развязаться с доставшимся ему от матери почти бездоходным имением. Продажа затанулась, а деньги были очень нужны. Приходилось поневоле ждать в городе со дня на день и по возможности коротать время, скрадывая провинциальную скуку. Познакомился он с очень милой семьей архитектора Кожурина и стал понемногу все серьезней ухаживать за его старшей дочерью Марусей, которая была самой хорошенькой и капризной городской барышней.

Марусь было уже, вероятно, лет около двадцати пяти, но с замужеством она, видимо, не торопилась: выбрала с осторожностью. Кокетливая и бойкая, она участвовала во всех любительских спектаклях, беззаботно кружа головы своим многочисленным поклонникам. Она была действительно очень свѣжа и хороша собою: высокая и гибкая, чуть-чуть смуглая, малороссийского типа брюнетка, с красивыми, выразительными глазами. Валуйский ее отбил сразу.

А Маруса умела ловко дразнить призрачного столичного красавца и аристократа, заставила его к себе подойти совсем близко, сдѣлала постоянным гостем своего дома. Имѣние было уже продано, дважды посылались сообщения на службу о продолжающейся серьезной болѣзни, а Валуйский все еще не уезжал и даже не намечал своего отъезда.

Наступила зима, выпал снег. Стало утрачиваться зимние пикины, поздки за

город, которыми его постоянно сталкивали и сблизжали с Марусей, дѣлала их отношенія все проще и проще. Но Маруса очень долго не давала на себя никаких прав, даже иногда нарочно вызывала ревность, приближая к себе то одного, то другого из поклонников, среди которых он хорошо помнил олимпийцаго, широкоплечаго помѣщика Николая Балысова—ее нынешнего мужа.

Валуйский начинал по настоящему суетиться, хотѣлъ во что бы то ни стало сделать это своеобразное кокетство дѣлушкой.

И Маруса, наконец, действительно сдалась. Она окончательно бросила всякую ириу и стала совсем покорной.

Как памятна ему эта чудная, морозная лунная ночь, когда впервые ему показала Маруса такой грустной, как легко теперь вспоминается их краткий тогдашний разговор!

Она его спрашивала о словах романа, который он накануне читал.

— А я люблю, как вы поете,—сказала она.—Когда вы уѣдете, я буду вспоминать...

И она отвернулась. Может быть, единственный раз в жизни испытывать Валуйский именно с Марусей глубоко захватывающее умиление перед смущением и грустью молодой дѣвушки, любовью которой он уже чувствовал.

— А вы скоро ѣдете?..

— Нѣтъ, нѣтъ, Маруса, не скоро, мнѣ так хорошо с вами.

Она его взяла за руку, она ему сказала перестать:

— Милый...

А он ее так ласково и нежно прилеп и стал дѣловать с какой-то осо-

бой бережностью. Она ему отвѣчала на эти поцѣлуи, и мягко свѣгались ее полузакрытые глаза.

— Ты меня любишь?—опять-таки первая спросила Маруса.

— Да, да...—повторил Валуйский.— Люблю тебя, моя дѣвочка.

Он себя тогда чувствовал таким позрелым, таким по-юношески счастливым.

— А ты уѣдешь?

— Нѣтъ, нѣтъ, только с тобой...

Эти слова срывались непроизвольно, хотѣлось говорить одно лишь радостное и приятное, одно лишь то, что нравилось Марусѣ.

— Милый...—повторила она.

— Да, да... только с тобой...

Валуйский был уже готов на какія угодно жертвы. Он вѣдь вообще привык в этом отношеніи не слишком стѣсняться с женщинами.

В таком же приблизительном настроеніи прошли и еще нѣсколько дней. Тут как раз наступили рождественские праздники, и были какія-то святочные поздравки, словомъ полная возможность отдаваться любви и поэзии, тонко волнуемым, мимолетнымъ заскамъ этой стыдливо раскрытавшейся, влюбленной дѣвушки. И Валуйский был уже совсем близокъ къ женитьбѣ.

Повторивъ в сотый разъ, что никуда не уѣдетъ, он такъ многозначительно обѣщалъ приѣхать под Новый годъ къ ее родителям, чтобы поздравить собою новаго счастья, что Маруса была безусловно въ правѣ ожидать съ его стороны въ этотъ день официального предложенія. Она въ этомъ, конечно, не сомнѣвалась.

И даже, проснувшись утромъ, он сталъ этотъ свой шагъ серьезно обдумывать.

ВЕРНУЛСЯ

На родномъ пепелищѣ въ праздникъ.

«The Life».

вать. Но съ четырехчасовымъ поѣздомъ, пискорю уложившись, совершенно неожиданно выѣхалъ въ Москву. Черезъ нѣсколько дней онъ написалъ Марусѣ что-то сумбурно-небѣдное и живо-извиняющееся, а въ общемъ остался все-таки очень доволенъ, что въ послѣднюю минуту такъ рѣшительно спохватился и избѣжалъ грозившей опасности.

Маруса ему ничего тогда не отвѣтила, и всѣ эти бывшія воспоминанія опять зашевелились въ его памяти послѣ ихъ новой встрѣчи черезъ три года.

III.

Прошло нѣсколько дней.

Валуйский не отходилъ отъ Маруси на шагъ. Онъ началъ, кажется, ею увлекаться заново. Только теперь это было въ порядкѣ вещей. Хорошенькая дамочка безъ мужа,—вполнѣ естественно.

Онъ во всякомъ случаѣ на время забросилъ всѣ свои обычные свѣтскія обязательства, онъ настойчиво ее окружалъ самой внимательной и нежной лаской.

Маруса это принимала съ какой-то веселой беззаботностью, какъ вполнѣ заслуженную дань, напоминая ему своимъ поведеніемъ ту проклятую воронежскую Марусю, кружившую голову на провинциальныхъ вечерахъ. А впрочемъ—сквозь ее доверчивый тонъ и мягко-ласкающій взглядъ сквозило какое-то болѣе глубокое, болѣе лукавое кокетство.

По во всѣ эти тончайшіе отгѣнки Валуйский особенно подробно не вдумывался. Маруса ему нравится, кокетничаетъ, идетъ навстрѣчу,—остальное неминуемо доскажется какъ-нибудь послѣ ужина въ невольномъ полубытіи немного угарной жизни. Онъ въ это твердо вѣрилъ.

О прошломъ заговорили только разъ, при чемъ Маруса какъ-то шутливо показала плечами, сказавъ ему:

— Бросьте, Николай Викторовичъ... Да мало ли что случается! Вѣдь, мы же другъ на друга не въ претензіи?

А потомъ прибавила:

— Ну, и глупое же вы мнѣ написали письмо...

— Действительно, лучше бросить,—согласился, улыбувшись, Валуйский.

— А вы мнѣ все-таки очень понравились,—сказала онъ ей въ тотъ же день вечеромъ.

— Да, конечно,—отвѣтила она.—Только знаете, Николай Викторовичъ,—это вышло хорошо, что такъ случилось. Какой же вы въ самомъ дѣлѣ мужик!

— А кто же я по вашему?

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, нѣтъ... Постарѣлъ и для этого... Вы просто старый холостякъ...

Валуйский слегка поклонился.

— Развѣ это обидно, Николай Викторовичъ? Будь я мужчиной, я бы, пожалуй, тоже не стала связываться... А что я сказала «старый», то это не въ смыслѣ возраста... и не въ смыслѣ внѣшности. Разуиѣтается,—вы еще выглядите очень хорошо. Только мнѣ кажется,—она внимательно ему посмотрѣла прямо въ глаза,—мнѣ кажется, Николай Викторовичъ, что вамъ всѣ ваши похождения уже начинаютъ немного надоедать. Вамъ уже какъ будто бы лѣнь...

— Это упрекъ?—задормо засмѣялся Валуйский.—Вызовъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не поняли. Я хочу только сказать, что ваша нынешняя жизнь васъ уже не такъ очевидно увлекаетъ, развѣ вы готовы терять время около старой приятельницы...

Разговоръ происходилъ въ антрактѣ, и Маруса сейчас же послѣ звонка вошла въ партеръ. Она очень интересовалась пьесой, внимательно слѣдя за ее содержаниемъ, и за игрою. А Валуйский смотрѣлъ на ее нѣжную, чуть-чуть смуглую щеку, на эти красивые завитки темныхъ волосъ около уха и, оупчая близость пражившейся ему женщины, думалъ: «Вѣдь онъ въ сущности таковъ,—уже готова

меня упрямчиво...
рая при...
больше...
болѣе...
вранство...
прекрас...
дѣйстви...
Но и...
дуюиій...
недосту...
сто, что...
нарушат...
тонъ «...
ка», ра...
какъ он...
«А толь...
валась»...
еще жел...
Марус...
вдругъ...
тактику...
дѣйстви...
когда он...
за друга...
чайно, б...
него те...
раль о...
— В...
валъ оп...
шлотъ...
А она...
— М...
те мнѣ...
ды это...
— Да...
Валуй...
отдерну...
«Сего...

Бой в Лысых Горах, под проволочными заграждениями.

Рис. А. Пржевальский.

меня упрекать в недостаточной предпримчивости! Хорошо же, моя милая, старая приятельница, времени терять мы больше не будем! Я тебя, правда, считала больше сентиментальной, пожалуй больше нравственной, а хочешь по другому — прекрасно! Коля Валуйский — холостяк действительно опытный».

Но и в течение этого вечера, и на следующую день Маруся себя держала так недоступно и вместе с тем так просто, что было бы по настоящему глупо нарушать этот естественный дружеский тонь. «Все-таки она очень ловкая кокетка», размышлял Валуйский, вспоминая, как она умела дразнить и раньше. «А только попадетя,—вздых и тогда поналась». Зато победа стала ему казаться еще желанней.

Маруся это, повидимому, заметила и вдруг за обедом совершенно перевернула тактику. А, может быть, на нее просто подействовало вино, — только вечером, когда она сидела в театре, она уже была другая. Она несколько раз, точно случайно, брала его за руку, вскидывая на него темные глаза. И Валуйский заговаривал о совсем увлечении.

— Вздых вы же видите, видите... давал он свой действующий на женщин шопот.

А она молчала.

— Марья Егоровна... Маруся... Скажите мне что-нибудь... Скажите, что вы рады этому нашему свиданию...

— Да, я рада,—серьезно сказала она.

Валуйский взял ее за руку. Она руку отдернула.

«Сегодня будет решающий день», по-

думал он. «Я вижу по ее серьезности, у меня будете, посмотрите мою квартиру старого холостяка...»

И Маруся была действительно какая-то нервная и сосредоточенная, точно чего-то не договаривала.

Валуйский ей предложил захватить после театра к нему, поговорить, выпить чаю, но она решительно отказалась: она себя чувствовала усталой.

— А я так мечтал, что вы все-таки

у меня будете, посмотрите мою квартиру старого холостяка...

— Если хотите—завтра,—отозвалась Маруся.

— Завтра?—переспросил Валуйский.

— Да, если хотите. Вздых завтра тридцать первое, и я готова встретьте Новый год у вас.

— Блестящая мысль! Вы завтра у меня обьедаете!

Валуйский держал, прощаясь, ее

руки и поочередно их целовал, засматривая ей в глаза.

— Как же мне не прийти в гости самому! Как же это до сих пор...

— Ну, вот видите,—перебила его Маруся.—И же говорю, что вы стараете...

Прихергса вас учить... Лулавая, заирывающая улыбка была на ее губах.

Валуйский потянул к себе Марусю, обхватывая ее стаян.

— Завтра, завтра,—прошептала она, вырываясь из его объятий.

IV.

Как все подлинные холостяки и любители женщин, Валуйский был довольно взыскательным гастрономом. Стол он вообще дома не держал, но когда устраивал иногда у себя небольшие приемы и обеды, то всегда очень внимательно все заказывал сам клубному повару—великому мастеру дьла. Было известно, что у Валуйского можно хорошо поесть и выпить.

— Так слушайте, Яковь,—смаковал он уже заранее во время заказа,—чтобы эти самые растегайчики...

— Я полагаю, Николай Викторович, сделать их на этот раз совсем маленькими...

— Вот-вот... и чтобы талла... положить только в рот, а—ничего... легкий вкус, теплота... ничего твердого.

— Ужь будьте уверены, Николай Викторович...

— А вы рыбу достанете?

Яковь только улыбнулся:

— Будьте уверены.

Конь предназначенный Шефу Первого Нерчинского казачьего полка Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу.

1916 годъ.

Январь

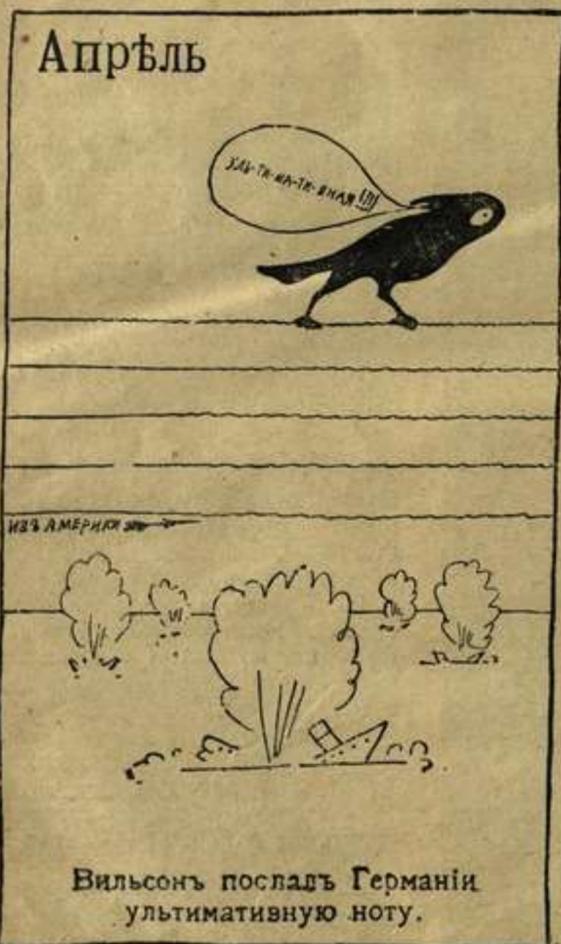
Февраль

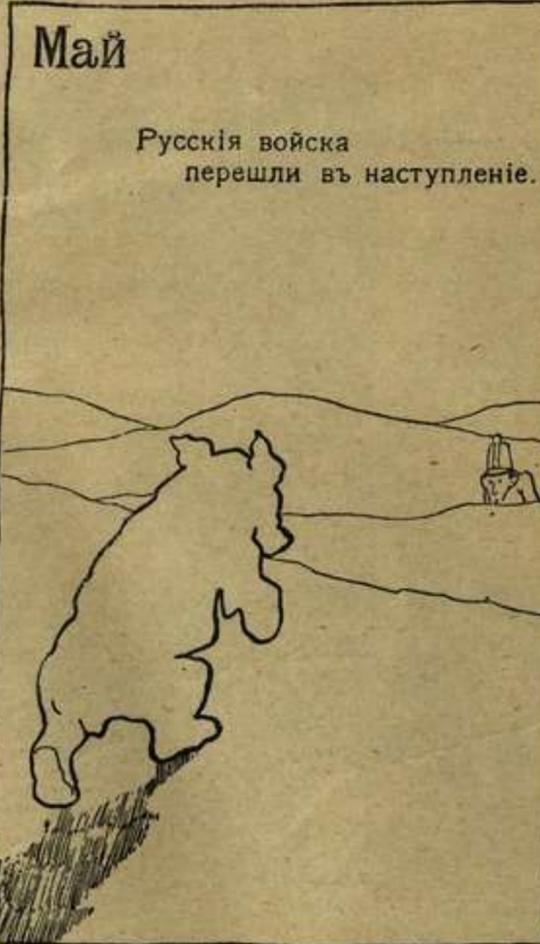
Мартъ

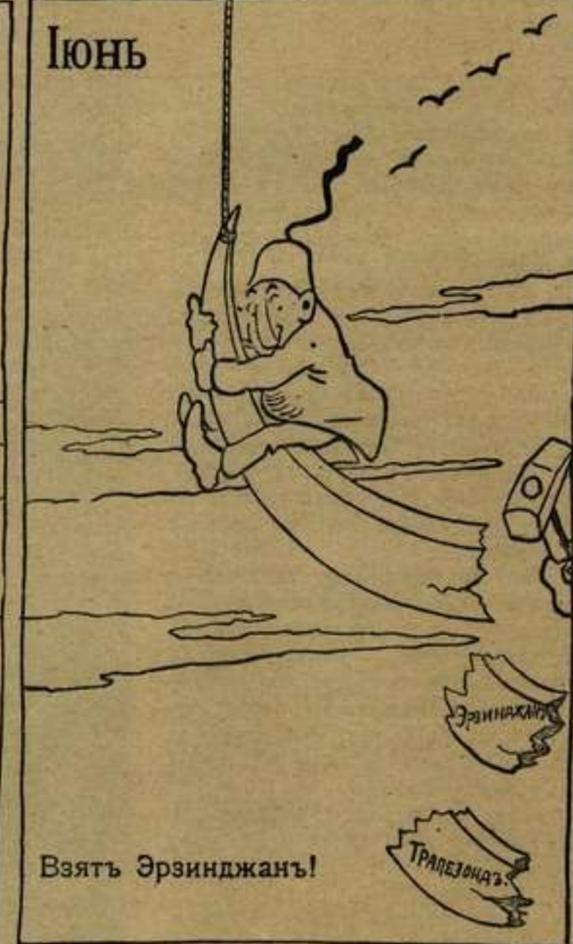
Апрѣль

Май

Іюнь

Июль

Вторая годовщина войны или очередное размышление передь собственнымъ портретомъ.

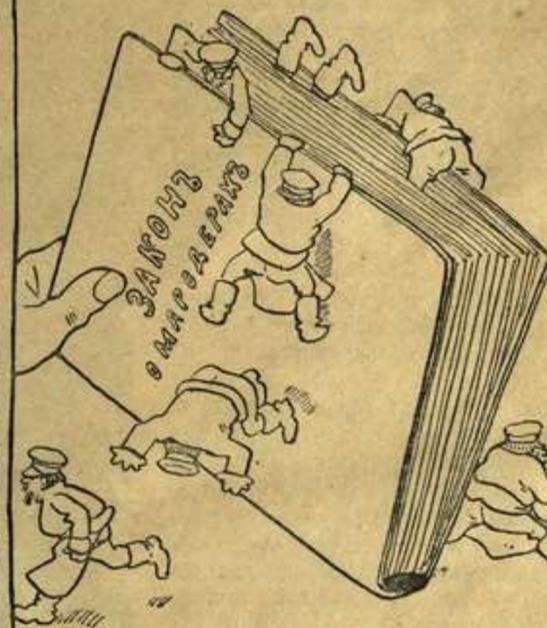
Августъ

Выступила Румынія.

Сентябрь

Опубликованъ законъ о мародерствѣ.

Октябрь

Въ Германіи призвали Гинденбурга спасти отечество.

На вершину побѣды.

Ноябрь

Вступившій на престолъ внукъ Франца-Иосифа, Карлъ, продолжилъ политику своего дѣда.

Декабрь

Германія предложила союзникамъ миръ.

Подкинула!

Эль Эль

ИЗЪ АЛЬБОМА ПРОФ. ВЛАД. ЕГОР. МАКОВСНАГО.

Отпустив Якова, Валуйский провирлил вина. Велъль уорать бутылку портвейна, которая показалаеа кааъ-будто немного мутной, разсортировал шампанское и самъ перелил ликеръ въ граенный графинчикъ.

«Въ этомъ отношеніи все есть», подумалъ онъ: «надо будетъ закуски».

За закусками онъ опять-таки отправился собственной персоной и по пути заѣхалъ въ цвѣточный магазинъ. Пришлось остановиться на бѣлой сирени и на хризантеяхъ, такъ какъ ничего лучшаго не нашлось. Потомъ онъ пробовалъ бѣлорыбницу и свѣжую икру, оцунывалъ большого жирнаго сига и, наскоро позавтракавъ въ первомъ попавшемся ресторанѣ, прошелъ пѣшкомъ въ известную кондитерскую, какъ всегда переполненную покупателями.

— Que désire monsieur Valouisky? — немедленно обратился къ нему, бросая другихъ, востроносая худенькая блондинка въ высокой модной прическѣ.

Онъ взялъ и конфеты, и шоколадный тортъ, и еще печенья къ чаю. А по дорогѣ домой заѣхалъ на минуту къ парикмахеру.

Тутъ онъ завилъ усы и почему-то немного постригся и купилъ большой флаконъ французскихъ духовъ. Надо было еще непременно сдѣлать одинъ визитъ—отказаться подъ предлогомъ внезапной и очень снѣжной работы отъ сегодняшняго приглашенія на ужинъ и встрѣчи Нового года. Все это Валуйский закончилъ часамъ къ пяти.

Осмотрѣвъ сдѣланныя покупки, онъ сталъ распорядиться сервировкой. Столъ было рѣшено накрыть не въ столовой, а въ кабинетѣ: это куда уютнѣй. Совсѣмъ маленькій столъ, всего на два прибора, убраннаго бѣлой сиренью. Въ столовой оставалась только закуска.

Возились долго съ выборомъ освѣщенія и наконецъ перенесли изъ спальни въ кабинетъ красивую бронзовую лампу—облаженную женщину съ большимъ яркимъ абажуромъ въ рукахъ. Ее поставили на какую-то тумбу около обѣденнаго стола, а изъ открытыхъ дверей спальни два-два струился мутный, свѣтло-сиреневый свѣтъ висящаго тамъ надъ постелью тусклаго, матоваго фонаря.

Валуйский осматривалъ очень подробно и приводилъ въ порядокъ свой туалетный столикъ, выдвигалъ всѣ его ящики, кое-что выбрасывалъ, насыпалъ свѣжую пудру, раскрывалъ только что купленные духи. Онъ даже заглянулъ въ сосѣднюю ванную и убралъ оттуда какой-то неслѣдственный тамъ халатъ.

Потомъ онъ рѣшилъ переодѣться. Времени уже оставалось мало, и онъ сдѣлалъ по часамъ.

Но когда раздался съ лестницы желанный звонокъ и послышались шаги прислуги, Валуйский вышелъ уже совсѣмъ одѣтый, свѣже-вымытый и благоуханный, весь сия радостнымъ довольствомъ вѣстаго современнаго эскурейда.

— Я такъ счастливъ...

И вдругъ его слова замерли. Маруся была не одна, а съ мужемъ. Онъ его сейчасъ же узналъ—этого плечистаго, немного полнаго, добродушнаго улыбаващагося блондина, который замѣтно конфузился.

— Вы знаете, Николай Викторовичъ,—заговорила со своей обычной непринужденностью Маруся.—Боля ни за что не хотѣлъ къ вамъ ѣхать...

Имя «Боля» въ особенности рѣзнуло Валуйскаго: это его она должна была сегодня называть Колей.

А Маруся продолжала все съ тою же беззаботностью:

— Мужъ мой явился утромъ, и я ему

«Философъ». —Рисунокъ В. Е. Маковскаго. Съ фот. Кооп. Гильбовской.

рассказала о нашей встрѣчѣ и о нашей ихъ любезно повелъ въ гостиную, уже дружбѣ, и о томъ, что у васъ обѣдаю. соображая, что надо будетъ сейчасъ распорядиться и велѣть накрыть обѣдъ въ столовой.

Онъ извинился, что еще не все готово, что въ холостомъ хозяйствѣ заминки неизбежны, и просилъ разрѣшенія ихъ на правку свѣтлаго человѣка, Валуйский минуту оставить.

Уссурийскій казакъ на фуражировкѣ.

— Да я вамъ помогу,—просто сказала Маруся, выходя за нимъ въ сосѣдную комнату.

Въ кабинетѣ она увидѣла маленькій обѣденный столъ и приборы съ цвѣтами, и уютную яркую лампу, и открытую дверь куда-то въ сиреневое пространство.

— Какъ у васъ хорошо! какъ преледно! — едва подавали вырывавшійся смѣхъ, воскликнула она и тутъ же заглянула въ освѣщенную матовымъ фонаремъ спальню: прелесть!

Но, увидѣвъ велѣтъ заѣтъмъ скончательно разстроенное лицо Валуйскаго, она его мягко взяла за руку и заговорила уже серьезнѣй:

— Простите меня, Николай Викторовичъ,—это моя маленькая несть. Вѣдь, вспомните: сегодня канунъ Нового года—годовой день вашего тогдашняго бѣгства. Казось: я еще вчера къ вечеру узнала, что мой мужъ прибѣгаетъ сегодня, и я это все подстроила нарочно. Вы очень сердитесь, Николай Викторовичъ?

— Да, это жестоко... очень жестоко...—проговорилъ, наконецъ, Валуйский.

— Но вѣдь и вы были тогда жестоки,—вспомните... а теперь... будете друзьями, Николай Викторовичъ. Дайте мнѣ вашу руку...

Обѣдали за большимъ столомъ и въ столовой, при чемъ Балласовъ съѣлъ одинъ цѣлаго сига, выбраннаго съ такой тщательностью утромъ. Вообще онъ пересталъ стѣсняться, хвалить каждое блюдо и былъ очень разговорчивъ.

Когда подали шампанское, онъ предложилъ тостъ за торговое процвѣтаніе Архангельска и за значеніе новаго сѣвернаго пути. А увидѣвъ потомъ великолѣпную утку съ шампиньонами, замѣтилъ, весело улыбаясь:

— Продуктовъ у васъ въ Петроградѣ, повидимому, изобиліе, а вотъ—все жалуетесь.

Валуйский стойко выдерживалъ этотъ обѣдъ, шутилъ и говорилъ о политикѣ, но предупредилъ, что принужденъ будетъ вечеромъ уѣхать.

— Немислимо отказать,—это годами освященная традиція.

И дѣйствительно, проводивъ или вѣрнѣе выпроводивъ своихъ гостей, онъ переодѣлся во фракъ и поѣхалъ туда, гдѣ такъ упрямо отказывался сегодня быть во время своего утренняго визита.

В. Овочининъ.

Притихшая муза.

Вѣстѣ съ осложненіемъ нашего быта, теряющаго былую простоту и милую ланиность взаимоотношеній, идетъ, если такъ можно выразиться, «лаконизированіе» всякихъ душевизліаній. Сочное эпистолярное искусство, сохранившее до нашихъ дней цѣлые томы образцовъ хорошей русской рѣчи, давно уже сведено на-нѣтъ. Его убила сухо отсуганная телеграфная фраза, вся построенная на сокращенности и дешевизнѣ мысли и слова. Обывательская проза хирѣетъ и перешла въ руки профессионаловъ литературнаго цеха. Съ поэзіею еще хуже. Ну, кто теперь ставелъ писать мадригалы и стансы? Развѣ гимназисты и институтки, да и то не всѣ. А прежде, какъ это всякому извѣстно, такимъ интимнымъ дѣломъ, въ минуты тихой душевной разнѣженности, занимались весьма почтенные люди, отнюдь не въ предвкушеніи печати и славы, но просто отъ порывовъ чувства, для насъ теперь мало позволительнаго, такъ какъ мы—люди занятые и баловаться стишками неумѣстно.

Домашняя поэзія все дальше и дальше отходитъ отъ нашего поуютнаго быта съ

его м...
красно...
сносно...
ствени...
чаяхъ...
но трет...
мы по...
жествен...
дни. В...
идеть...
друго...
нальное...
механи...
го бла...
фамилі...
ны виз...
Мног...
го петр...
чье та...
квартир...
гостя, ...
тельно...
пада е...
ничны...
душу, ...
ней мя...
пробива...
сокотор...
ничный...
граммо...
каетъ б...
и, съ м...
съ плох...
гихъ, о...
Вы м...
жель, ...
численн...
тамъ т...
чай», ...
Нового...
печата...
невной...
привѣт...
деликат...
гѣ през...
Иванъ...
Выхъ г...
комъ ку...
ло пони...
неприт...
Съ Нов...
Я позд...
И съ с...
Рѣчь м...
Мысли...
Я швей...
И у Па...
Нахожу...
Всѣмъ...
Для вс...
Одного...
А друг...
Такъ за...
Я прои...
Свои м...
Оказать...
Тепер...
музою...
скромны...
покончи...
ѣздъ «Т...
безнаго...
петербу...
дивимы...
заль. К...
прѣдъ...
когда 1...
честь с...
говорил...
Чтобъ...
На мук...
Чтобъ...
Не воз...
Чтобъ...
Виль...
Чтобъ...
Леско...
«Шве...
бранія...
всѣ труд...
зу госпо...
И ночи...
Провод...
Выласт...
Не зна...
Безсонн...

СОНЪ ДОКТОРА ВЪ СВЯТОЧНУЮ НОЧЬ.

его механическим комфортом «подъ красное дерево». Мы разучаемся уже сносно выразить свои мысли съ соответственным лиризмом даже въ тѣх случаяхъ, когда традиція этого поведительного требуетъ. Посмотрите только, какъ мы поздравляемъ другъ друга въ торжественные или освященные давностью дни. Все богатство нашей символики не идетъ дальше условно загнутого того или другого уголка визитной карточки, оригинальность фразы ищетъ свой идеалъ въ механической «аббревиатурѣ» телеграфнаго бланка, и обыватель гордъ, найдя свою фамилію въ штирблэевой строкѣ «отъѣны визитовъ».

Многочисленные «клиенты» современнаго петроградца, ожидающіе въ ярко красные табельные дни выхода солиднаго квартиранта, или появления желаннаго гостя, смотрятъ на свою задачу исключительно съ «американской» точки зрѣнія, щадя его время и оберегая свое. Ихъ праздничныя поздравленія не трогаютъ вашу душу, даже не пытаются покатить къ ней мягкихъ подходовъ, путемъ которыхъ пробивается брешь въ глубину вашей высокопоздравительной размяченности. Праздничный калифъ на часъ немногорѣчивъ: грамофонною однотонностью онъ изрекаетъ банальную истину въ двухъ словахъ, и съ достоинствомъ въ однихъ случаяхъ, съ плохо скрытымъ нетерпѣніемъ — въ другихъ, ожидаетъ реальныхъ эффектовъ.

Вы можете цѣлыми годами ходить, скажемъ, къ «Филиппову», выпить тамъ безчисленное количество чашекъ кофе, оставивъ тамъ такую же сумму гривенниковъ «на чай», но вы не дожидаетесь, чтобы въ день Нового года доставили вамъ скромно отпечатанный на листикѣ немудрой сивенькой бумаги повстинѣ трогательный привѣтъ человека отъ дверей кофейни съ деликатнымъ напоминаніемъ о святомъ долгѣ праздничнаго христіанина. А вотъ Иванъ изъ кофейни Печкина въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка былъ человекомъ куда болѣе благовоспитаннымъ и дѣло понималъ. Онъ отнюдь не назойливъ и непритязателенъ, когда говорилъ:

Съ Новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ
Я поздравить васъ спѣшу,
И съ сердечнымъ соучастіемъ
Рѣчь мою вамъ подношу;
Мысли вѣту въ ней затѣйной—
Я швейцарь, а не поэтъ,
И у Печкина въ кофейной
Нахожуся много лѣтъ...
Всѣмъ я первымъ здѣсь на встрѣчу
Для всѣхъ ревностно служу:
Одного съ почтеніемъ встрѣчу,
А другого провожу.
Такъ за всѣ труды такіе
Я прошу моихъ господъ,
Свои милости благія
Оказать мнѣ въ Новый годъ.

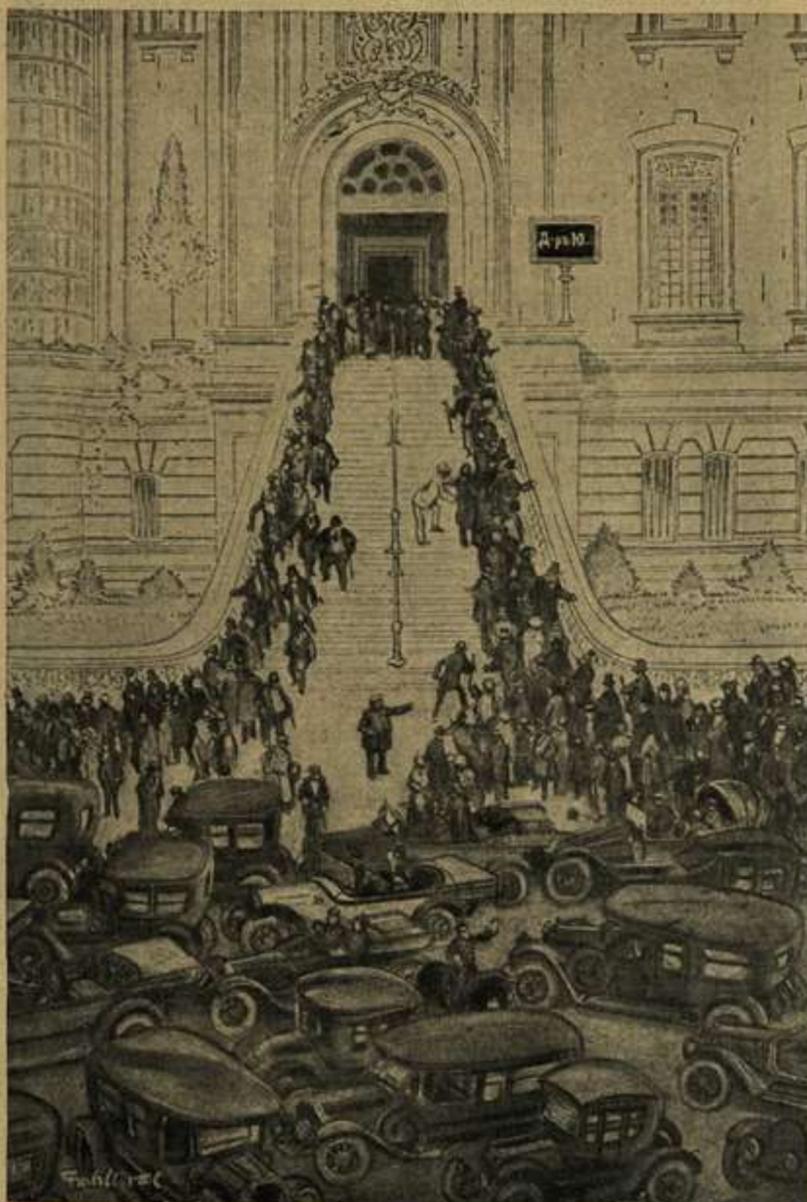
Теперь позвольте познакомить васъ съ музою Латыша Антона Голландца. То былъ скромный, почтенный человекъ, едва ли не окончившій свою жизнь на посту, въ подѣлѣ «Танцевальнаго Общества», столь любезнаго нашимъ петроградскимъ—тогда еще петербургскимъ—дѣдушкамъ, охотно отводившимъ тамъ душу зѣть шестьдесятъ назадъ. Какъ они должны были удивиться предъ зѣбросердечіемъ стараго Антона, когда 1 января 1854 г. изъ довелось прочесть страничку его благопожеланій, гдѣ говорилось между прочимъ:

Чтобъ вы на Новый годъ не знали
Ни мукъ любви, ни мрачныхъ думъ,
Чтобъ демонъ зла иль духъ печали
Не возмущалъ вашъ зрѣлый умъ!..
Чтобъ дѣльный вѣкъ звѣздой счастья
Былъ озаренъ вашъ тихій путь!..
Чтобъ даже въ рѣдкій часъ ненастья
Легко дашаа ваша грудь!..

«Швейцарская коллегія» купеческаго собранія чаще указывала въ своей поэзіи на всѣ трудности своей ночной работы на пользу господъ комерсантовъ:

И ночи здѣсь, а иногда и дни
Проводимъ мы при вашемъ зѣбаніи.
Бываетъ такъ: съ утра и до утра
Не знаемъ мы, что значить — «спать пора»...

Везсонница — ужасное страданіе!

— Прошу васъ не тѣсниться! Держитесь правой стороны.

А, между тѣмъ, случалось ли хоть разъ,
Чтобъ въ должности мы несправны
были,

И какъ-нибудь ошибкою у васъ
Шанель, пальто, иль шубу обмѣнили?
Нашъ братъ, швейцаръ, пѣкорный вашъ
слуга,

Безъ суеты, безъ шума—въ два мига
Возьметъ, подастъ, раздѣнетъ и одѣнетъ.

Послѣ такого «тоннаго» вступленія слѣдовало развитіе «темы».

Желаемъ вамъ всѣхъ благъ на Новый
годъ!

Пошли вамъ Богъ свое благословеніе!
Отъ вѣрныхъ слугъ примите поздравленіе
И вспомните, что въ нашемъ положеніи
Вѣдь это нашъ единственный доходъ.

Въ 1856 г. за перо взялся и буфетчикъ
Шульцъ. Кто изъ постоянныхъ почитателей
презловутаго «шустеръ-клуба» не знавалъ
этого виночерпія, неугомиаго арена

Поздравители славильщины въ деревнѣ. — Картина худ. Субботина.
Съ фот. Ксен. Гамбовской.

Бахуса и Гамбринуса! Шульцъ былъ Пѣвецъ, но тѣмъ временамъ чистосердечный, еще не затронутый обществонскою гордостью и потому способности свои не преувеличивалъ.

Знаюсь съ рѣчами я мало,
Звучный стихъ ко мнѣ нейдетъ;
Какъ-то Муза не пристала
Чуждъ поэзіи высотъ—
Ставлю вкусный бутерь-брѣдъ.

Ввиду этого

Снисходительно прочтите
Стихъ невзвучный и пѣлохой,
И отъ сердца наградите—
Добрый малый я, простой,
Съ благодарною душой!

Его предшественникъ, русакъ Данила
Бѣловъ, сидѣвшій на томъ же Парнасѣ
шестью годами ранѣе, видимо неодолювалъ
карточнаго времяпрепровожденія и
воевалъ съ зеленымъ столомъ, призывая

Чѣмъ на карты деньги тратить,
Лучше мой буфетъ почитать,—
Васъ винцомъ могу потрафить,
Хоть шампанскимъ угостить.

Такъ спѣшите же къ буфету
Встрѣтить юный Новый годъ;
А буфетчику—монету,
Пусть за ваше здравье пьетъ!

Новый годъ на то мнѣ годенъ,
Чтобъ награды получать;
Хоть я старымъ доволень,
Почто же снова не начать?

Какъ буфетчики ни отбивали дохода отъ
«рыцарей жѣлка», послѣднимъ у насъ жилось
не плохо, что явствуетъ хотя бы изъ
«усерднѣйшаго поздравленія», разосланнаго
1 января 1832 г. «почтеннѣйшимъ
господамъ членамъ малаго танцевальнаго
собранія» постояннымъ карточнымъ служителямъ
этого уважаемаго учрежденія.
«Окруженосецъ» этотъ былъ человекомъ
философскаго склада ума, и брался утверждать,
что хотя

Иной и въ картахъ зло находить,
Но это зло отъ злыхъ людей;
Своихъ тотъ сотенъ не изводитъ,
Чужихъ не ловить кто рублей!

И что бы дѣлать намъ отъ скуки,
На скучномъ свѣтѣ, безъ картъ?
Однимъ ученымъ книги въ руки,
А неученымъ: книги маршъ!

Везетъ тому,— тотъ съѣхалъ отъ азарта,—
А мнѣ отъ картъ всегда доходъ:
Да здравствуетъ мой лихая карта!
Да здравствуетъ мой Новый годъ!

Прекраснымъ образчикомъ классическаго
поздравительнаго стиля современныхъ
Пушкину «разнощниковъ афишекъ санкт-
петербургскихъ театровъ» является ихъ
новогодній листъ съ бордюромъ, раздававшійся
на столичныхъ улицахъ 1 января
1838 г. Начинается онъ лукавымъ признаніемъ:

Мы не знаемъ Аполлона,
Чуждъ крылатая намъ Пегасъ,
Не видали Геликона
И не помнимъ, гдѣ Парнасъ.
Токъ Кастальскихъ водъ священныя,
Воды быстрой Иппокрены
Не повили насъ во вѣкъ.
Мы ни Музы, ни лиръ не знаемъ,
А стихи кой-какъ кропаемъ.—
Кто не грѣшнѣй человекъ?

Секретъ «афишерскаго» пѣснопотворчества
объясняется очень просто и безхитростно,
и не находился ни въ какой зависимости
отъ литературныхъ направленій
тридцатыхъ годовъ.

Жаръ восторговъ воображенія
Намъ природа не дала;
Достаемъ же пламенъ пѣнья
Мы подъ вышеской Орля!

Тогдашніе афишеры были не подстать
газетамъ петроградскихъ улицъ нашихъ
дней и издавали свои произведенія на трехъ
языкахъ, имѣя въ виду космополитизмъ
привнескаго столица.

В. Анд.—

Редакторъ М. Н. Мазаревъ.
Изданіе Товарищества А. С. Суворина —
«Новое Время».

Открыта подписка на 1917 годъ на журналы:

„РОДНИКЪ“

Для семьи и школы. Годъ изд. XXXVI. Одобренъ для учебн. завед. Повѣсти, рассказы, шьсы, очерки. Много рисунковъ. Клубъ „Родникъ“ при участіи читателей русскнхъ и иностраннхъ музеевъ. Цена въ годъ 8 руб. съ перес. Рабочка за I полул. 5 р., за II полул. 3 р. Пробный № за 5 десятковъ марокъ.

„СОЛНЫШКО“

Для народныхъ школъ и младшаго возраста. Годъ изд. XIII. Дов. въ нар. и учен. библ. перепр. пр. шк., пріюты, ср. и выпш. у. з. разнообразн. содержанія, со многими рисунками, нотами для хороваго пѣнія.

6 книжекъ „Звѣздочки“. Каждая представляетъ сборничекъ стиховъ, сказокъ и пр. Цена въ годъ 2 руб. съ пересылкой. Пробный № за 3 пятикоп. марки.

„ВОСПИТАНІЕ и ОБУЧЕНІЕ“

Общедост. органъ семейнаго воспитанія. XI г. изд. Статьи по физич., умств., нравств. воспитанію, по обученію въ семье, педагогич. хроника. Библиографія. Цена въ годъ 2 рубля съ пересылкой. Пробный № за 3 пятикоп. марки. Редакторы И. и Т. Альмединговъ. Контора всѣхъ трехъ журналовъ: ПЕТРОГРАДЪ, ТАВРИЧЕСКАЯ, 37. Просьбы по требов. бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г. Четырнадцатый годъ изд.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО и ОГОРОДНИЧЕСТВО.

Ежегодный иллюстр. журналъ практич. садовод. и огородч. Изд. В. В. СОЙКИНЪ. Ред. В. В. ШТЕЙНБЕРГЪ.

52 №№ ЖУРНАЛА, убористаго шрифта. Практич. статьи и обстоятельные статьи извѣстныхъ практиковъ-садъ и дощъ и специалистовъ по всѣмъ отраслям садоводства, огородничества, цвѣтоводства и пчеловодства.

8 ПОЛНЫХЪ ПРАКТИЧЕСК. РУКОВОДСТВЪ

1. МОЙ САДЪ. Какъ самому устроить и содержать небольшой садъ и огородъ. Новое руководство П. Н. Штейнберга, въ 4 част. 1) Небольшой плодородный садъ любителя. 2) Обра цовой игодный садъ. 3) О городъ любителя. 4) Цвѣтнхъ любителя.
2. ТЕПЛИЧНОЕ САДОВОДСТВО. Полное руководство къ веденію доходнаго теплицъ и къ выращиванію въ теплицахъ растений. Составилъ А. И. Матвеевъ.
3. ЛУЧШИЯ ОРУДІА ДЛЯ САДА и ОГОРОДА. Орудія для работъ почвы въ саду и огородахъ, для посѣва и ухода за растениями. Сост. спец. по сад.-хоз. машиновѣд. К. И. Деву.
4. ОРГАНИЗАЦІЯ ПАСѢЧНАГО ХОЗЯЙСТВА. Какъ завести доходное пчеловодство. Составилъ специалистъ-пчеловодъ М. А. Дерновъ.
5. СБОРЪ и СУШКА ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ РАСТЕНІЙ. Полное руководство къ сбору и сушкѣ лекарственныхъ растений. Съ 18-ю ТАБЛИЦАМИ РИСУНКОВЪ лекарственныхъ растений въ НАТУРАЛЬНЫХЪ КРАСНАХЪ. Составилъ специалистъ Министерства Земледѣлія В. И. Иванова.
6. САДЪ въ КОМНАТАХЪ. Руководство, составленное по извѣстнѣйшему труду М. Гейдефера. Размѣшеніе и содержаніе въ комнатахъ лучшихъ цвѣтущихъ и декоративныхъ растений. Украшеніе комнатъ растениями. Цвѣтоводство на балконахъ, и на наружныхъ подоконникахъ. Устройство зимняго сада въ комнатахъ.
7. КАКЪ ИСПОЛЪЗОВАТЬ УРОЖАЙ САДА и ОГОРОДА ДОМАШН. СПОСОБАМИ. При отъ денегъ въ своемъ хозяйствѣ самымъ разнообразнымъ консервамъ изъ овощей и плодовъ. Составилъ специалистъ по садоводству Т. А. Гужавина.
8. ВЕГЕТАРИАНСКИЙ СТОЛЪ. Полное практическое руководство. Блюда изъ овощей, плодовъ, грибовъ, яицъ и проч. Составилъ Е. В. Савская.

6 КНИГЪ ПРАКТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА САДОВОДА.

1. ПЕРЕСАДКА ДЕРЕВЬЕВЪ и КУСТАРНИКОВЪ. Составилъ В. А. Николаевскій.
2. ДЕШЕВЫЯ УДОБРЕНІЯ. Составилъ П. Штейнберга.
3. ИСТРЕБЛЕНІЕ СОРНЫХЪ ТРАВЪ на ОГОРОДѢ. Составилъ А. Л. Яковлева.
4. ДЕШЕВЫЙ РАЦИОНАЛЬНЫЙ ЛЕДНИКЪ. Составилъ А. Свиридовскій.
5. КАКЪ САМОМУ УСТРОИТЬ РАЗСАДНИКИ и ПАРНИКИ. Составилъ Д. Грочевъ.
6. ДОХОДНЫЯ ПАРОВЫЯ ГРЯДЫ. Составилъ Д. Хомутовъ.

КРОМЪ ТОГО, будутъ даны ДВА ОСОБЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1. ОРОШЕНІЕ САДА и ОГОРОДА. Проектъ простѣйшаго члгига для поливки сада и огорода, съ подробнымъ описаніемъ устройства и предѣлительными свѣтлыми стоимостями члгига.
 2. КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА на 1917 годъ.
- ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всѣми приложениями, съ доставкой и пересылкой по всей Россіи 8 руб.
- Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и въ I мая остальные 4 руб.
- Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремляная ул., № 12, собств. домъ.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ

А. Ю. ШИЛСКОИИ. НЕВСКИЙ, 96 (уголъ Надеждинской). Тел. 168-95. Бриллианты, рубины, сапфиры, изумруды, александриты, жемчуга и пр. и пр. ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

„УРАЛЬСКИХЪ КАМНЕЙ“

Пріемъ на комиссію и покупка драгоценныхъ камней и ломбардныхъ квитанцій. Продажа случайныхъ вещей. Пріемъ заказовъ на всевозможныя ювелирныя надѣлы. Художественная работа. Цѣны вѣе конкуренціи.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА:

И. ДАВИДОВЪ

Стихотворенія. Въ бесѣднцу. — Призракъъ прошлаго. — Сны на яву. — Война. — Поэмы и стихотворенія. — Переводы. Цѣна 1 р. 50 к. Продается въ книжныхъ магаз. ввухъ Нового Времени, Вольфа и др.

БУХГАЛТЕРІЯ

и коммерческое самообразование. Заочное обученіе. Каллиграфія, стенографія, правописаніе и проч. АТТЕСТАТЪ. Льготная условія поступления и пробная лекція БЕЗПЛАТНО. Адр.: Петрогр., „Кругъ Самообразования“, Б. Румяная, 7—11.

ЗАСТАРѢЛЫЕ

ХРОНИЧЕСКІЕ ЗАПОРЫ невареніе желудка вызываютъ газы, тошноту, изжогу и давленіе подъ ложечкой. Надежное и постоянно одинаковое дѣйствіе оказываетъ Стомоксигенъ Д-ра Антона Мейера. Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и пріятно. Онъ абсолютно безвреденъ и отлупснъ всѣхъ ант. по рецлар.

ЗАПОРЫ

The English Photo-studio

М. НАЩЕЛЬБАУМЪ.

Невскій, 72. Телер. 149-26.

Художественные фотографич. снимки въ стилѣ старинныхъ гравюръ и офортовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 г.

на ежемѣсячный ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

Издатель П. П. СОЙКИНЪ. Редакторъ В. П. ЛЕВЕДЬЕВЪ. «Историческій Журналъ» будетъ издаваться по обширной, разнообразной программѣ, ставя себѣ задачей — дать подписчикамъ обильное, интересное чтеніе, отвѣчающее въ то же время насущнымъ умственнымъ запросамъ читателя.

Въ 1917-мъ подписномъ году будетъ дано:

12 книгъ больш. форм., съ иллюстрац., снимк. и портрет. въ текстѣ и на отдѣльн. листахъ, по слѣдующ. программѣ:

1. ИСТОРИЧ. РОМАНЫ, ПОВѢСТИ и рассказы, преимущественно, на темы, имѣющія отнош. къ живчимъ современ. интересамъ.
2. ДНЕВНИКИ, МЕМУАРЫ и ПРОЧ. интерес. матеріалъ изъ области личн. воспомин. выдающ. историч. дѣятел. и.
3. ОПИСАНІЯ ИСТОРИЧ. ПАМЯТНИК. и редкихъ старин., съ иллюстр.
4. РОЛЬ НАМЦЕВЪ въ ИСТОРИЧ. судьбахъ Россіи. — рядъ статей по этому вопросу.
5. ВЕЛИКІЕ ОБРАЗЫ. Рядъ историч. статей-быльщинъ А. А. Коринфскаго, В. П. Лебедева и др.
6. АНЕКДОТИЧЕСКІЕ ОБЛИКИ. Историческому анекдоту будетъ отведено въ журналѣ видное мѣсто.
7. ЕЖЕМѢСЯЧНЫЕ „ВЕСЕЛЫЕ“ («Любопытнаго Историка») на общественно-историческіе темы.
8. ЛИСТОКЪ ИСТОРИЧ. САТИРЫ. Русскій юморъ, бичующій мѣткими стихомъ и ѣдкой эрриктурой враговъ славы, став и нарушит. мірового спокойствія.
9. НОВОСТИ ТЕКУЩЕЙ ИСТОРИЧ. литературы.
10. МЕЛКІЯ СТАТЬИ и ИЗВѢСТІЯ.

Кромѣ того при «Историческомъ Журналѣ» будетъ дано — съ отдѣльной нумераціей страницъ — обширное сочиненіе „НѢМЦЫ-ЛИХОИМЦЫ“ — драматическая хроника въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ дост. и перес. по всей Россіи 4 РУБ. допускаются РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 2 руб. и въ I мая 2 руб. Контора журнала: Петроградъ, Стремляная, 12.

Открыта подписка на 1917 г. на лучший

ВѢСТНИКЪ МОДЫ.

Петроградъ. Александрьевская площадь, 9. Переводъ французскаго журнала „la Mode pratique“. Выходитъ въ 5-ти изданіяхъ и дается 24 модныхъ №№ около 3000 рис. въ годъ дамскаго и дѣтскаго туалетовъ и бѣлья. 24 №№ рукодѣлній около 400 рис. съ узорами въ натуральную величину. 24 выкройки листовъ около 500 выкроекъ въ годъ. 12 вырѣзанныхъ выкроекъ, 6 раскрашенныхъ узоровъ и 2 премія: I) Гигіена лица д-ра Гастеу и II) Альбомъ работъ Гардапгера. Кромѣ того 2-ое изданіе полнуч. 12 вырѣзанныхъ выкроекъ, 8-е-12 раскрашенныхъ модныхъ картинъ, 4-е-48 раскрашенныхъ карт. и 5-е-96 раскр. карт. Въ программу журнала входятъ: романы, биографія съ портретами, статьи по женскому вопросу и воспитанію дѣтей, кухни, домоводство, гигиена и косметика и пр. въ видѣ рѣзанныхъ спец. листовъ. — Цѣна въ годъ: I изд. — 7 руб., 2-е — 8 р., 3-е-10 р., 4-е-14 р., 5-е-23 руб. Подписной годъ начинается съ 1-го Декабря. Есть подписка на 1/2 г., 3/4 г. и съ разсрочкой. Въ 1916 году было помѣщено между прочимъ: Заживо погребенные. Р. Киплингъ. Идея для на Бермудскихъ островахъ. Пов. Галль. II осту. ночь молодо тн. Пов. Фр. Коппе. Атлантика. Рад. Н. Дорин. Санда. Рад. Ж. Бурже. Поездъ въ ночь Луды. Э. Гейбардтъ. Пропасть. Рав. Постройка Скюдры. Рад. Ж. Дорин. Причуды любви. Рад. 86бонъ. Пачка писемъ. Рад. Женитьба по принужденію. Комедія Молмера. Пути къ счастью. Шестъ бесѣдъ. Основныя правила умнаго житья. А. Ринно. Отчего мы красивѣе. О снискондательности. А. де-Гурла. Грація К. де-Врутель. За и противъ прививекъ. де-Гурла. Воспитаніе дѣвушекъ. М. Мандузонъ. Первое чувство. Е. Марсаль. Самоубіеніе и воспитаніе. Дѣтскія игры. Д-ра М. Е. П. Нейхологін ребенка. Вессоне-Фавръ. Воспитаніе некрещености. Уходъ за кожей. К. де-Врутель. Нервные тиканъ и манія. Д-ра Винашъ. Предупрежденіе наклонныхъ злодѣлнвыхъ. Недостатки въ видѣ лица. К. де-Врутель. Лечение солнцемъ. Д-ра П. Е. М. Уходъ за полостью рта. Большии дѣтскаго возраста. Д-ра Винашъ. Гигіена лица К. де-Врутель. Гигіена питанія. Д-ра П. М. Ухоль, за ногами. — Основныя вещества въ пищѣ. Курсъ гигиеническаго питанія. Проф. Цако. О температурѣ пици и питья. Разборъ различныхъ режимовъ питанія. Проф. Цако. Ежемѣсячная меню завтраковъ и обѣдовъ съ подробнымъ изложеніемъ烹调 овденія. Выдѣлка мѣлокъ домашнимъ способомъ. Что можетъ дать небольшой домашнее птицеводство. Маршированіе олодей. Зѣбѣ же принимается подписка на журналъ „БЛДЪ И ВЫШНИКИ“, дающій, кромѣ бѣлья всѣхъ родовъ, рукодѣлія, всѣ съ узорами въ натуральную величину, 6 №№ въ годъ. Цѣна 2 р. 25 к.

П. Г. МИХУЕНЪ.

САДЫ-ГОРОДА и ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОСЪ въ АНГЛІИ.

Красное изданіе. Божѣ 150 рисунковъ (8 цвѣтныхъ), плановъ и чертежей. Цѣна въ колѣнчорномъ переплетѣ 6 рублей. Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ. Складъ изданій-книжный магазинъ Т-ва А. С. Суворина «Новое Время», Невскій пр., 40.

СЪДЫЕ ВОЛОСЫ

Если Вы желаете возстановить Ваши волосы въ прежній натуральннй цвѣтъ, я могу выслать Вамъ удивительный препаратъ, который постепенно и незаметно для окружающихъ знакомыхъ возвратитъ имъ натуральннй цвѣтъ. — Этотъ удивительный препаратъ одобренъ сотнями лицъ, которыя имъ пользовались. — Я съ радостью вышлю Вамъ подробное описаніе предлагаемаго средства

СОВЕРШЕННО ДАРОМЪ.

Писните немедленно не присылайте ни денегъ, ни марокъ! Сообщите въ открытомъ письмѣ Вашу фамилію и точный адресъ. Лабораторія КАЛЪТОНА, МОСКВА: Фуркасовскій пер., Отд. — 109—В. М.

Зачислено 3576 1920